

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАНЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ ЮРЬЕВСКИМЪ
УНИВЕРСИТЕТОМЪ

по случаю столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина
26 мая 1899 г.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевского Университета“
1899 года.

Настоящій сборникъ явился литературнымъ выраженіемъ того участія, какое принялъ Императорскій Юрьевскій Университетъ 26 мая 1899 г. въ чествованіи столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина. Сюда вошли: 1) Слово, произнесенное проф. Царевскимъ въ университетской церкви на заупокойной литургіи; 2) рѣчи профф. Пѣтухова, Срезневскаго, Чижа и Шмурло, лекторовъ Германа и Лаутенбаха, произнесенныя въ актовомъ залѣ Университета, во время торжественнаго засѣданія въ память великаго поэта, и 3) статья проф. Шмурло о маскѣ и письмѣ Пушкина, хранящихся въ библіотекѣ Юрьевскаго Университета.

Оглавленіе.

	Стр.
1) Е. В. Пѣтуховъ. Два года изъ жизни А. С. Пушкина (1824—1826)	1
2) Е. Ф. Шмурло. Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящіяся въ библиотекѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета	37
3) В. Ф. Чижъ. Пушкинъ какъ идеаль душевнаго здоровья.	67
4) А. С. Царевскій. Слово	91
5) Б. И. Срезневскій. Пушкинъ въ музыкѣ	94
6) А. М. Германъ. Пушкинъ въ эстетской литературѣ . .	104
7) Я. И. Лаутенбахъ. Пушкинъ въ латышской литературѣ.	108
8) Е. Ф. Шмурло. Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія	114

Два года изъ жизни А. С. Пушкина.

(1824—1826).

I.

Высланный по Высочайшей волѣ изъ Одессы за выраженные въ одномъ перехваченномъ на почтѣ письмѣ мысли объ атеизмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исключенный изъ службы въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ „за дурное поведеніе“, Пушкинъ явился въ Михайловское 9 августа 1824 года. Уже болѣе четырехъ лѣтъ, со времени первой ссылки изъ Петербурга на югъ весной 1820 года, П. находился въ опалѣ, являясь въ глазахъ правительства человѣкомъ подозрительнымъ и опаснымъ. Много пережилъ поэтъ за это время полукочевой жизни на Кавказѣ и въ Крыму, въ Кишиневѣ и въ Одессѣ; много потратилъ душевныхъ силъ на случайныя впечатлѣнія и встрѣчи, вдали отъ широкаго круга друзей, отъ столичнаго общества, отъ литературныхъ центровъ; но талантъ его зрѣлъ, кипучія молодыя силы бродили и нуждались въ новой обстановкѣ, которая дала бы возможность поэту сосредоточиться въ себѣ и выступить въ той великой роли, на какую онъ имѣлъ право по размѣрамъ своего гениальнаго дарованія.

Такимъ именно мѣстомъ явилось для П-на Михайловское.

Но на первое время обстоятельства новой жизни П-на сложились для него далеко не благопріятно. О душевномъ настроеніи, съ которымъ встрѣтилъ онъ родныя мѣста въ этотъ пріѣздъ въ Михайловское, поэтъ такъ вспоминалъ 11 лѣтъ спустя:

Я еще

Быль молодъ, но уже судьба
 Меня борьбой неравной истомила;
 Я быль ожесточень. (Соч. П. 183) ¹).

Новую пищу ожесточенію дала молодому изгнаннику какъ разъ та родная семья, въ которой онъ всего скорѣе могъ бы надѣяться встрѣтить пониманіе и нравственную поддержку. Поводъ къ первому же, весьма крупному недоразумѣнію подалъ отецъ П-на, совершенно не понявшій того положенія, которое онъ долженъ былъ бы занять относительно сына. Маркизь Ф. О. Паулуччи, лифляндскій и курляндскій генераль-губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда и Псковская губернія, поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства Пещурову пригласить отца П-на принять на себя надзоръ за поведеніемъ сына и слѣдить за его перепиской, причемъ въ оффиціальной бумагѣ по этому поводу назвалъ Сергѣя Львовича „однимъ изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей“; Сергѣй Львовичъ имѣлъ слабость принять это предложеніе. Что изъ этого вышло, о томъ менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца по пріѣздѣ своемъ въ деревню П. писалъ Жуковскому (31 окт. 1824): „Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. . . Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе; я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. . . Желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова. . . Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ

1) Ссылки вездѣ сдѣланы по изданію Литературнаго Фонда, подъ ред. П. О. Морозова. Т. I—VII. Спб. 1887.

верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться авес се monstre, se fils dénaturé. . . Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. . . Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ . . . потомъ, что хотѣлъ бить! . . . Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? . . . Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра“ (VII. 88)¹⁾. Мать П-на всецѣло стояла въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ мужа, неограниченнымъ вліяніемъ на котораго пользовалась въ продолженіе всей своей жизни (ум. въ 1836 году, а Сергѣй Львовичъ въ 1848). Можно себѣ представить, что ожидало бы П-на, если бы обвиненію отца данъ былъ естественный ходъ. Но въ дѣло вмѣшался Жуковский и своимъ посредничествомъ дѣйствительно „спасъ“ поэта, который справедливо предполагалъ (въ черновомъ наброскѣ того же письма къ Жуковскому), что „шутка эта пахнетъ каторгой“: въ ноябрѣ того же 1824 года отецъ П-на со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда, подъ благовиднымъ предлогомъ, прислалъ отказъ отъ добровольно принятыхъ на себя обязанностей надзора за сыномъ.

Пушкинъ остался въ Михайловскомъ одинъ.

Но одиночество поэта оказалось неполнымъ. Въ трехъ

1) Въ то же время П. писалъ псковскому губернатору В. А. Адеркасу: „Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье своихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей“ (VII. 89).

верстахъ отъ Михайловскаго лежало (какъ и теперь) село Тригорское, принадлежавшее сосѣдней помѣщицѣ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой и ея семейству. Въ усадьбѣ Тригорскаго жила многочисленная семья Прасковьи Александровны, которая отъ перваго брака, съ Вульфомъ, имѣла дѣтей — Алексѣя Николаевича, бывшаго тогда студентомъ Дерптскаго университета, и дочерей Анну и Евпраксию, а отъ втораго брака, съ Осиповымъ, были у нея двѣ дочери — Екатерина и Марья Ивановны. Кромѣ того, тутъ же жили или отъ времени до времени наѣзжали нѣсколько молодыхъ родственницъ хозяйки и между ними Александра Ивановна Осипова (впослѣдствіи Беклепова), которой П. признавался въ любви (I. 328—329) и Анна Петровна Кернъ (рожд. Полторацкая), поразившая Пушкина въ С.-Петербургѣ, незадолго передъ выѣздомъ его изъ столицы, своей красотой и возбуждая въ поэтѣ, во время пребыванія его въ деревнѣ, хотя и кратковременное, но несомнѣнно горячее увлеченіе. Это была типическая для того времени русская достаточная помѣщичья семья, жившая дружно и весело, вполне интеллигентная, умѣвшая цѣнить образованіе, любившая литературу. Съ семьей П-ныхъ П. А. Осипова была знакома и раньше, но появленіе въ Михайловскомъ Александра Сергѣевича, уже тогда пользовавшагося значительной литературной извѣстностью, должно было возбудить въ Тригорскомъ, преимущественно въ женской половинѣ его молодого населенія, особый интересъ. Въ началѣ знакомство съ Тригорскимъ повидимому не показалось для П-на особенно привлекательнымъ: въ концѣ сентября 1824 года онъ пишетъ кн. В. Ѡ. Вяземской о „бѣшенствѣ скуки, которая пожираетъ его глупое существованіе“, а въ началѣ декабря того же года — сестрѣ Ольгѣ: „твои Тригорскія пріятельницы — несносныя . . ., кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы“ (VII. 93. 99). Но вскорѣ затѣмъ взглядъ его на сосѣдей измѣнился, и не только онъ былъ любимымъ и желаннымъ гостемъ въ

Тригорскомъ, но и самъ очень охотно проводилъ тамъ нерѣдко цѣлые дни то въ забавахъ и шуткахъ, то просиживая за книгами въ библиотекѣ покойнаго отца П. А. Осиповой Вандомскаго; видную роль въ этихъ развлеченияхъ играли конечно и литературныя шалости, большею частью любовнаго характера, на которыя былъ такъ неистощимо щедръ П. и которыми онъ наполнялъ семейные альбомы Тригорскаго. Особенно замѣчательнъ между этими альбомами, составлявшими тогда необходимую принадлежность всякаго сколько-нибудь образованнаго семейства, былъ альбомъ хозяйки дома Прасковьи Александровны, описанный въ свое время покойнымъ М. И. Семевскимъ, которому русская біографическая литература многимъ обязана въ сохраненіи фактовъ интимной жизни П-на въ памятные годы его пребыванія въ Михайловскомъ: „въ теченіе цѣлаго полустолѣтія вписывалось сюда его обладательницей, дочерью ея и наконецъ самими поэтами различнаго рода стихи на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ; множество воспоминаній связано для семейства П. А. Осиповой съ этимъ альбомомъ“; въ него вошли произведенія Байрона, Клопштока, Шиллера, Гете, Виктора Гюго, стихи Карамзина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Козлова, Баратынскаго, барона Дельвига, Воейкова, Батюшкова, Дениса Давыдова, Федора Глинки, Хомякова, Крылова, Плетнева, Гнѣдича, Языкова и самого Пушкина¹⁾). Въ этотъ альбомъ П., между прочимъ, вписалъ 25 іюня 1825 года, подъ впечатлѣніемъ мечты о скоромъ освобожденіи изъ ссылки :

Быть можетъ, ужъ не долго мнѣ
 Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
 Вздыхать о милой старинѣ
 И сельской музѣ въ тишинѣ
 Душой безпечной предаваться.

1) М. Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Русскій Вѣстникъ 1869 г., ноябрь, стр. 65—67.

Но и вдали, въ краю чужомъ,
 Я буду мыслию всегдашней
 Бродить Тригорскаго кругомъ,
 Въ лугахъ у рѣчки, надъ холмомъ,
 Въ саду подъ сѣнью липъ домашней!

(I. 349—350).

И эту трогательную привязанность къ Тригорскому и къ семейству П. А. Осиповой сохранилъ П. до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. „Повѣрьте мнѣ — писалъ онъ въ октябрѣ 1835 года Осиповой — жизнь при всемъ томъ, что она „сладкая привычка“, содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой она наконецъ дѣлается противною; свѣтъ же — гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское“, а два мѣсяца спустя — ей же: „когда я подумаю, что уже 10 лѣтъ прошло со времени тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, мнѣ кажется, что я видѣлъ сонъ: сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ взглядовъ, моего положенія и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ Вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимую (VII. 388. 390).

Въ настоящее время и Михайловское и Тригорское, исключая природы, представляютъ очень мало такого, что бы напоминало время, проведенное тамъ когда-то Пушкинымъ. Время, обстоятельства и — правду сказать — наше собственное невниманіе къ памяти нашихъ великихъ людей стерли живые слѣды этой замѣчательной эпохи въ жизни П-на. Михайловское принадлежитъ теперь сыну поэта, оставшему генералу Григ. А. Пушкину, по увѣренію котораго изъ всѣхъ построекъ прежней усадьбы уцѣлѣлъ лишь флигель, въ которомъ, говорятъ, жила няня поэта — знаменитая Арина Родіоновна; вещей отъ П-на того времени здѣсь почти не сохранилось. Что же касается Тригорскаго, то имъ въ настоящее время владѣетъ баронесса

Соф. Бор. Вревская, родная дочь той самой Евпраксіи Николаевны Вульфъ, вышедшей въ 1831 году замужъ за барона Б. А. Вревскаго, которой въ 1825 году П. посвятилъ граціозное стихотвореніе :

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись! . . .

и которая, по мнѣнію П. В. Анненкова¹⁾, послужила оригиналомъ для созданія образа Ольги въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, подобно тому, какъ ея сестра Анна Николаевна считается прототипомъ Татьяны. Но сама владѣлица Тригорскаго теперь тамъ не живетъ, избравши для себя другое имѣніе, въ 25 верстахъ отъ Тригорскаго, Голубово, гдѣ въ ея семьѣ и до сихъ поръ свято хранится память о Пушкинѣ и, между прочимъ, экземпляръ одной главы „Онѣгина“ изд. 1828 года, съ собственноручной надписью П-на для Евпраксіи Николаевны: „твоя отъ твоихъ“²⁾. Изъ членовъ семьи П. А. Осиповой, видѣвшихъ Пушкина собственными глазами, осталась теперь лишь одна Екатерина Ивановна Фокъ, дочь Осиповой отъ второго брака, бывшая въ пору пребывания поэта въ Михайловскомъ еще ребенкомъ и сохранившая нѣкоторыя воспоминанія о немъ, относящіяся впрочемъ уже къ болѣе позднему періоду его жизни³⁾.

Та среда, въ которой вращался П. въ гостепріимномъ домѣ села Тригорскаго, была почти исключительно женская, и если припомнить, что въ Михайловскомъ явился П. послѣ нѣсколькихъ лѣтъ шумной и праздно-разгульной жизни въ Кишиневѣ и Одессѣ, среди компаніи случайныхъ людей съ безсемеиннымъ и свободнымъ образомъ жизни, то легко себѣ представить, какое благотворное вліяніе могла

1) Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 279.

2) В. Острогорскій. Пушкинскій уголокъ земли. Миръ Божій 1898, сентябрь, стр. 204—207.

3) Острогорскій, стр. 227—228.

имѣть эта среда на поэта, впечатлительная и воспримчивая натура котораго всегда, до послѣднихъ дней своей жизни, искала и высоко цѣнила тѣ духовныя блага, которыя можетъ дать человѣку хорошая семья — тѣмъ болѣе, что собственная семья П-на, особенно въ данную эпоху, представляла для него въ этомъ отношеніи болѣе отрицательныхъ, нежели положительныхъ сторонъ. Женское общество Тригорскаго, состоявшее изъ цѣлаго ряда молодыхъ образованныхъ дѣвушекъ и женщинъ и отъ времени до времени мѣнявшееся и обновлявшееся въ своемъ составѣ пріѣзжими гостями-родственницами, могло только самымъ облагораживающимъ образомъ дѣйствовать на П-на, обуздывать его порывистыя страсти, возбуждать къ поэтической дѣятельности и предоставлять ему вполне чистую въ нравственномъ отношеніи атмосферу для отдыха и развлечения отъ умственнаго труда.

Но эта среда не была для него единственной: она дополнялась мужскою, которая впрочемъ была непостоянной и являлась въ видѣ временныхъ посѣщеній Михайловскаго и Тригорскаго изъ прежнихъ товарищей П-на и гостей собственно П. А. Осиповой.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены тутъ Вульфъ и Языковъ, бывшіе тогда оба студентами Дерптскаго университета.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, сынъ П. А. Осиповой отъ перваго брака, изучалъ въ Дерптѣ въ 1822—25 годахъ военныя науки (на юридическомъ факультетѣ). Почти каждыя вакаціи, зимой и лѣтомъ, пріѣзжалъ онъ въ деревню и былъ для П-на интересенъ не только какъ членъ семьи П. А. Осиповой, не только по своей отзывчивой молодости, но и по своему образованію, начитанности и серьезности. Едва проводивъ А. Н. Вульфа, П. 20 сентября 1824 года уже писалъ ему въ Дерптъ:

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!

Пріѣзжай сюда зимой,

Да Языкова поэта
 Загаци ко мнѣ съ собой
 Погулять верхомъ порой,
 Пострѣлять изъ пистолета!

.

Запируемъ — ужь молчи!
 Чудо — жизнь анахорета:
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни любви посвящены,
 Ночью царствуютъ стаканы,
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены. (VII. 85)

Но что время у пріятелей проходило не въ однихъ описанныхъ тутъ развлеченіяхъ, это видно изъ позднѣйшихъ воспоминаній П-на о Вульфѣ и о своихъ съ нимъ бесѣдахъ: „въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ. . . Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной провѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. . .“ (V. 186).

А. Н. Вульфъ былъ также главнымъ участникомъ въ выработкѣ неудавшагося плана П-на бѣжать за границу. П., которому такъ и не удалось въ своей жизни повидать чужіе края, постоянно однако же лелѣялъ мечту о поѣздкѣ своей за границу, которая манила его воображеніе широкой свободой общественной жизни и своими литературными и культурными центрами. Еще будучи въ Одессѣ, онъ въ январѣ 1824 года писалъ брату Льву Сергѣевичу, что не прочь бы, послѣ всѣхъ просьбъ объ отпускѣ за границу, на которыя послѣдовалъ отказъ, „взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотреть на Константинополь“ (VII. 68).

Въ Михайловскомъ, не смотря на близость Тригорскаго и непрерывавшіеся поэтическіе труды, онъ чувствовалъ себя попрежнему плѣнникомъ, заключеннымъ еще въ болѣе узкій кругъ и при условіяхъ болѣе строгаго наблюденія за нимъ, чѣмъ на югѣ. Неопредѣленность положенія и опасеніе провести лучшіе годы своей молодости въ деревнѣ ужасала его, и вотъ онъ снова увлекается мыслию о путешествіи за границу. Подъ вліяніемъ этой мечты П. весной 1825 года проситъ Жуковскаго хлопотать о дозволеніи ему поѣхать за границу для лѣченія аневризма, которому поэтъ будто бы былъ уже давно подверженъ, и приложилъ при этомъ проектъ своего прошенія къ Государю. Но въ Петербургѣ взялась за это дѣло мать поэта и замѣнила просьбу П-на какимъ-то новымъ письмомъ къ императору Александру, послѣдствіемъ котораго явилось дозволеніе П-ну лѣчиться и жить на это время въ Псковѣ, съ тѣмъ чтобы губернаторъ имѣлъ наблюденіе за его поведеніемъ и даже разговорами¹⁾. Такой оборотъ дѣла, совершенно обманувшій ожиданія поэта, лишилъ его всякой охоты воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ переѣхать для лѣченія въ Псковъ, о чемъ онъ, между прочимъ, такъ извѣщалъ Жуковскаго лѣтомъ того же 1825 года: „Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго²⁾, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученномъ свѣтѣ по своей книгѣ о лѣченіи лошадей. Не смотря на все это, я рѣшилъ остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность Его Величества“ (VII. 136).

Послѣ этого П. сталъ уже думать о тайномъ побѣгѣ за границу, ближайшая дорога куда была тогда для него черезъ Дерптъ. Повидимому, планъ тайнаго побѣга обдумывался П-нымъ одновременно съ исполнѣніемъ легальными его

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 285.

2) Всеволодова.

попытками получить формальное разрѣшеніе отправиться за границу, на успѣхъ которыхъ онъ мало рассчитывалъ. Вѣроятно, въ этомъ отношеніи П. былъ неостороженъ и проговаривался о своемъ намѣреніи; по крайней мѣрѣ, слухи о предполагаемомъ его побѣгѣ ходили въ Петербургѣ, о чемъ съ досадой писалъ П. брату Льву Сергѣевичу еще въ декабрѣ 1824 года: „мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; за чѣмъ мнѣ бѣжать? Здѣсь такъ хорошо!“ (VII. 97).

Послѣднее замѣчаніе, разумѣется, было неискренно и объясняется желаніемъ П-на отклонить всякія подозрѣнія о побѣгѣ, такъ какъ около того же времени П. кому-то писалъ въ одномъ черновомъ письмѣ: „стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ“¹⁾. Къ этому времени относятся и черновые наброски въ стихахъ, въ которыхъ поэтъ прощается съ родными мѣстами передъ побѣгомъ (I. 333). Въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года П., послѣ полученнаго, но не входившаго въ его планы дозволенія лѣчиться въ Псковѣ, продолжаетъ думать о поѣздкѣ за границу и заводитъ объ этомъ переписку съ А. Н. Вульфомъ, при чемъ дѣло велось пока въ секретѣ, въ который впрочемъ посвящена была и П. А. Осипова. Для переписки съ Вульфомъ, во избѣжаніе раскрытія тайны со стороны, придуманы были условные термины: именно, съ виду темой переписки служила „коляска“, будто бы взятая Вульфомъ для переѣзда въ Дерптъ, и судьба ея, т. е. или возвращеніе обратно въ Михайловское или удержаніе въ Дерптѣ, должна была означать судьбу подготовительныхъ хлопотъ о дѣлѣ въ Дерптѣ; другой системой условныхъ терминовъ было будто бы предпринятое П-нымъ печатаніе своихъ сочиненій въ Дерптѣ, при чемъ подъ словами главнаго „цензора“ должно было разумѣться настроеніе высшей правительственной

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 285.

власти относительно П-на, подъ замѣтками „наборщиковъ“ — мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ¹⁾. А хлопоты въ Дерптѣ заключались главнымъ образомъ въ томъ, чтобы заинтересовать въ предполагаемой поѣздкѣ П-на знаменитаго тогда хирурга профессора Дерптскаго университета И. Ф. Мойера, который бы могъ замолвить слово о П-нѣ передъ маркизомъ Пауллуччи: для свиданія съ хирургомъ П. могъ быть отпущенъ въ Дерптъ. Но и съ этими хлопотами случилось приблизительно то же, что и съ прошеніемъ къ Государю весной 1825 года: именно, на Мойера сталъ дѣйствовать Жуковский, бывший его родственникомъ и другомъ, и, не посвященный въ тайну, имѣя въ виду лишь предполагаемую болѣзнь П-на, просилъ Мойера пріѣхать въ Михайловское осмотрѣть П-на и, если нужно, сдѣлать операцію. Это опять шло совершенно въ разрѣзъ съ желаніями П-на, который вовсе не расположенъ былъ принимать доктора въ Михайловскомъ, а напротивъ самъ рвался оттуда и съ досадой писалъ Вульфъ: „друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобы онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ. . . Вразумите его: дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться“ (VII. 158—159). Въ томъ же смыслѣ, т. е. совершенно отказываясь отъ операціи, писалъ П-нъ и самому Мойеру (VII. 142) и Жуковскому, при чемъ бѣдному поэту приходилось всячески хитрить, увѣрять въ полной ненужности операціи или въ томъ, что „операція аневризма ничего не значить“, и что „первый псковскій коноваль съ нимъ могъ бы управиться“; „все равно — прибавлялъ онъ — умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. . . Погодимъ, авось-либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу. . . Посидимъ у моря, подождемъ погоды“ (VII. 150. 163).

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 288—289. Соч. П-на VII. 158. 164.

Такимъ образомъ, планъ П-на окончился полной неудачей, и онъ продолжалъ оставаться плѣнникомъ Михайловскаго.

Другимъ лицомъ, связывавшимъ П-на съ Дерптомъ, былъ товарищъ Вульфъ по Дерптскому университету Н. М. Языковъ, студентъ-филологъ въ 1823—1827 годахъ. Личное знакомство обоихъ поэтовъ произошло лѣтомъ 1826 года, когда Языковъ посѣтилъ Тригорское и Михайловское, но какъ поэтъ П-нъ былъ извѣстенъ Языкову, конечно, гораздо раньше, еще въ бытность Языкова студентомъ Горнаго Института въ Петербургѣ, который онъ окончилъ въ 1820 году. Въ свою очередь, и П. зналъ Языкова по его стихотвореніямъ, начавшимъ появляться въ журналахъ съ 1822 года и сразу обратившимъ на себя вниманіе критики и читающей публики, такъ что въ 1824 году, вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское, П. писалъ ему:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ ;
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью :
Языковъ, близокъ я тебѣ !
Давно-бъ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей. . . .

И далѣе, указывая на невозможность самому явиться въ Дерптъ, П. приглашаетъ Языкова къ себѣ въ деревню, въ свой „изгнанья темный уголокъ“ (I. 308—309).

Приглашалъ П. Языкова, какъ мы видѣли, и въ посланіи - письмѣ къ Вульффу, писанномъ около того же времени; одновременно съ этимъ писала брату и сестра Вульфа, Анна Николаевна, приглашая Языкова зимой въ Тригорское (VII. 86). Но въ 1824 году Языковъ не пріѣхалъ. Весною 1825 года приглашала, чрезъ сына, Языкова и П. А. Осипова (VII. 120), а П. въ каждомъ письмѣ къ Вульффу не забывалъ и Языкова и въ маѣ 1826 года писалъ: „жду васъ, любезный фѣлистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. Не правда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго (т. е. Языкова)?“ (VII. 179). Дѣйствительно, въ іюнѣ 1826 года Языковъ пріѣхалъ въ Тригорское и оставался тамъ около мѣсяца, возвратившись въ концѣ іюля въ Дерптъ¹⁾. Этотъ пріѣздъ Языкова внесъ много оживленія въ лѣтнее времяпровожденіе семьи П. А. Осиповой, а на самого Языкова вся обстановка деревенской жизни въ гостепріимно принявшемъ его семействѣ его университетскаго товарища и особенно близость П-на произвели чарующее впечатлѣніе и оставили по себѣ слѣдъ въ его воспоминаніяхъ какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ эпизодовъ его жизни²⁾. Вотъ какъ писалъ, по возвращеніи въ Дерптъ, П-ну 19 августа 1826 года:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣ дѣвицы пригожей,
Святѣ всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы: ты да я —
Два сына Руси православной —

1) Садовниковъ, Д. Н. Отзвывы современниковъ о Пушкинѣ. Историч. Вѣстн. 1883, № 12, стр. 524.

2) Анненковъ. Пушкинъ въ Алекс. эпоху, стр. 318—319.

Постановили своенравно

Нашъ поэтическій союзъ . . . и т. д. 1)

Поэтическимъ изображеніемъ посѣщенія Языковымъ П-на въ Михайловскомъ является посланіе Языкова къ любимицѣ П-на нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, о которой поэтъ зимой 1824 года писалъ Д. М. Княжевичу, описывая свое пребываніе въ Михайловскомъ: „цѣлый день верхомъ; вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны . . . Она единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно“ (VІІ. 96).

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя? — писалъ Языковъ —

Въ тѣ дни, какъ, сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу, и науки,
И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки,
Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены, —
Всегда привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты;
Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта,
И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой
Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство! . . .

.
Ты занимала насъ — добра и весела —
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разговоромъ:
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ, и смѣхъ не прерывалъ

1) Семевскій. Н. М. Языковъ. 1803—1846. Русскій Архивъ 1867, ст. 722.

Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ ;
 Свободно говорилъ языкъ словоохотный,
 И легкіе часы летѣли беззаботно !¹⁾

Но самымъ замѣчательнымъ поэтическимъ плодомъ пребыванія Языкова въ Тригорскомъ является его извѣстное стихотвореніе „Тригорское“, посвященное П. А. Осиповой (1826). Описаніе дней, проведенныхъ тамъ поэтомъ, искусно переплетается тутъ съ выраженіями чувствъ и мыслей, наполнявшихъ его посреди общенія съ людьми, которыхъ онъ любилъ и уважалъ.

Вотъ картина купанья въ Тригорскомъ :

Туда, туда, друзья мои !
 На скать горы, на брегъ зеленой,
 Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
 Гостепрѣимныя струи,
 Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ
 Дугою выдалась она
 По глади вогнутаго дна,
 Пескомъ усыпанной сребристымъ.
 Одежду прочь ! передъ челомъ
 Протянемъ руки удалыя
 И бухъ ! — блистательнымъ дождемъ
 Взлетаютъ брызги водяныя.
 Какая сильная волна !
 Какая свѣжесть и прохлада :
 Какъ сладострастна, какъ нѣжна
 Меня обнявшая Наяда !
 Дышу вольнѣе, свѣтель взоръ,
 Въ холодной нѣгѣ оживаю,
 И бодрѣ и веселѣ выбѣгаю
 Травы на бархатный коверъ.

А вотъ описаніе бесѣды съ Пушкинымъ :

1) Стихотворенія Н. М. Языкова. Ч. I. Спб. 1858, стр. 89.

Что восхитительнѣе, краше
 Свободныхъ дружескихъ бесѣдъ,
 Когда за пѣнистою чапшей
 Съ поэтомъ говорить поэтъ!
 Жрецы высокаго искусства,
 Пророки воли божества!
 Какъ независимы ихъ чувства,
 Какъ полнознѣсны ихъ слова!
 Какъ быстро мыслью вдохновенной,
 Мечты на радужныхъ крылахъ,
 Они летаютъ по вселенной
 Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ!

 Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
 Была счастливая пора,
 Когда такъ веселы, такъ милы
 Неслися наши вечера
 Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
 Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
 На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
 Въ виду окрестностей живыхъ! . . .

Въ концѣ стихотворенія поэтъ говоритъ :

Придутъ ли дни? Увижу ль снова
 Твои холмы, твои поля,
 О православная земля
 Священныхъ памятниковъ Пскова?
 Твои родныя красоты
 Во имя музъ благословляю
 И вѣрнымъ счастьемъ называю
 Все, чѣмъ меня ласкала ты! ¹⁾

Языковъ и позднѣе вспоминалъ о счастливыхъ

1) Стихотворенія Н. М. Языкова. Ч. I, стр. 76—80.

днѣхъ своего пребыванія въ Тригорскомъ въ посланіяхъ къ П. А. Осиповой и А. Н. Вульффу¹⁾.

Пушкинъ также надолго сохранилъ воспоминаніе объ этихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ 1826 года и, попавши 10 лѣтъ спустя въ Михайловское, писалъ оттуда Языкову 14 апрѣля 1836 года: „Отгадайте, откуда пишу вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ вольные жили вы, гдѣ ровно десять лѣтъ пировали и мы втроемъ — вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи и бокалы съ Эммой, гдѣ теперь вспоминаемъ мы васъ и старину. Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти. . . поклонъ вамъ отъ всего и ото всѣхъ, вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью! Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской ловласъ — по прежнему милый, но уже шагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое въ Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія. . . , но оно такъ живо мнѣ васъ напоминало, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ въ ожиданіи, что и вы откликнитесь“ (VII. 396 —397).

Кромѣ Языкова, посѣтили Пушкина въ Михайловскомъ еще трое его товарищей по Лицею. О нихъ упоминаетъ онъ въ стих. „19 октября 1825“:

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. (I. 358)

Эти трое были — Пущинъ, Горчаковъ и Дельвигъ.

И. И. Пущинъ посѣтилъ П-на 11 января 1825 года и былъ у него всего одинъ день, но въ этотъ день они пере-

¹⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 100—101, 105—106. Русскій Архивъ 1867, ст. 733—734, 739—740.

говорили о многомъ. Пущинъ, между прочимъ, читалъ Пушкину комедію Грибоѣдова „Горе отъ ума“, какъ тогдашнюю литературную новинку, извѣстную пока въ рукописи; по поводу этого чтенія Пушкинъ написалъ А. А. Бестужеву (25 янв. 1825 года) извѣстное письмо, въ которомъ высказалъ весьма мѣткія замѣчанія о знаменитой комедіи (VII. 107—108). Самъ Пущинъ описалъ свое пребываніе у Пушкина въ Запискахъ¹⁾. Художественнымъ памятникомъ этого посѣщенія является извѣстная картина Н. Н. Ге „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ“, хотя одна изъ живыхъ свидѣтельницахъ той эпохи и оспариваетъ вѣрность изображенной въ ней внѣшней обстановки житія Пушкина дѣйствительности²⁾. Пущинъ, какъ извѣстно, сдѣлался жертвою мятежа 14 дек. 1825 года и сосланъ былъ въ Читу. Вѣрный старой товарищеской связи, огорченный Пушкинъ послалъ ему съ А. Г. Муравьевой, ѣхавшей къ своему ссыльному мужу въ Читу, слѣдующее посланіе, въ которомъ вспоминаетъ о посѣщеніи Пуцинымъ Михайловскаго:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
 И я судьбу благословилъ,
 Когда мой дворъ уединенный,
 Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
 Твой колокольчикъ огласилъ.
 Молю святое провидѣнье,
 Да голосъ мой душѣ твоей
 Даруетъ то же утѣшенье!
 Да озаритъ онъ заточенье
 Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней! (II. 7)

Барона А. А. Дельвига Пушкинъ ждалъ въ своемъ уединеніи съ большимъ нетерпѣніемъ, говоря объ этомъ

1) Напечатаны въ Атенеѣ 1859 № 8, а дополненія къ нимъ въ ст. М. И. Семевскаго: „Къ біографіи Пушкина“. Русск. В. 1869, ноябрь, стр. 73—81, 100—102.

2) Острогорскій, назв. соч., стр. 227.

въ письмахъ къ кн. П. А. Вяземскому и брату Льву (VII. 109. 112. 119. 122); послѣднему онъ однажды писалъ: „мочи нѣтъ, хочется Дельвига“ (VII. 113). И вотъ въ апрѣлѣ 1825 года Дельвигъ пріѣхалъ. Пушкинъ тотчасъ ввелъ этого своего любимѣйшаго товарища по Лицею въ кругъ своихъ знакомыхъ въ Тригорскомъ и былъ очень недоволенъ, что тотъ оставался совершенно равнодушнымъ къ проявленіямъ любезности, которыми старались окружить его молодыя обитательницы Тригорскаго: всему этому предпочиталъ онъ лежать на диванѣ, декламировать стихи и бесѣдовать о литературѣ. Плодомъ его отвѣтной любезности къ обитательницамъ Тригорскаго явилось лишь одно стихотвореніе, вписанное въ альбомъ П. А. Осиповой и воспѣвающее вино и дружбу¹⁾. Памятникомъ короткаго дружескаго расположенія Пушкина къ Дельвигу является, между прочимъ, шутливое стихотвореніе 1827 года „Черепъ“, въ которое Пушкинъ ввелъ жизнь бароновъ, Ригу, нѣмецкаго студента, А. Н. Вульффа, т. е. ту сферу представленій, которая нѣкоторое время была близка Пушкину по его товарищескимъ отношеніямъ къ дерптскимъ студентамъ Языкову и Вульффу.

Совершенно неожиданнымъ былъ пріездъ въ Михайловское князя А. М. Горчакова въ сентябрѣ 1825 года. Но особенной радости это посѣщеніе не доставило поэту: Пушкинъ находилъ Горчакова слишкомъ сухимъ; къ тому же Горчаковъ, повидимому, не сумѣлъ почувствовать тѣхъ духовныхъ лишеній, которыя испытывалъ поэтъ-изгнанникъ, и отнесся къ Пушкину безъ надлежащаго сочувствія, котораго ждала его душа отъ товарища: „Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ лицей — писалъ по этому поводу Пушкинъ кн. П. А. Вяземскому — кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хотъ и созрѣлъ и, слѣдственно, подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненьемъ. Охъ,

1) Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Р.В. 1869, ноябрь, стр. 69.

душа моя — меня тошнить . . . Но предлагаемое да ѣдятъ“. Впрочемъ, Пушкинъ читалъ Горчакову нѣсколько сценъ изъ „Бориса Годунова“, которымъ онъ въ это время былъ занятъ (VII. 154. 156).

Сношенія съ другими лицами, которыя поддерживалъ Пушкинъ изъ мѣста своего изгнанія, происходили письменно. Это обстоятельство естественнымъ образомъ отразилось на количествѣ и объемѣ писанныхъ П-нымъ писемъ изъ Михайловскаго: именно, на время пребыванія здѣсь П-на въ продолженіе двухъ лѣтъ приходится почти четвертая часть всей переписки со стороны П-на, между тѣмъ какъ три четверти этой переписки, поскольку она до сихъ поръ извѣстна, падаютъ на остальные 18 лѣтъ. Письма Пушкина обращены главнымъ образомъ къ брату Льву Сергѣевичу, которому поэтъ давалъ въ Петербургѣ разныя порученія, начиная со своихъ сочиненій и кончая мелкими покупками, кн. П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, А. А. Бестужеву, П. А. Катенину, отчасти Н. А. Полевому и К. Ѡ. Рыльеву — съ содержаніемъ преимущественно литературнымъ, извѣщеніемъ о своихъ поэтическихъ трудахъ, сужденіями о новыхъ явленіяхъ текущей литературы, порученіями и просьбами касательно изданія собственныхъ сочиненій. Письма къ В. А. Жуковскому почти всѣ имѣютъ характеръ просьбъ о ходатайствѣ объ избавленіи П-на изъ заточенія или вообще объ облегченіи его участи въ этомъ смыслѣ; есть дружескія письма къ бар. А. А. Дельвигу, В. К. Кюхельбекеру, Н. Н. Раевскому, П. А. Осиповой (кромѣ упомянутыхъ выше къ А. Н. Вульфу и Н. М. Языкову), шутливо-любовныя къ А. П. Кернъ и нѣкоторыя другія, менѣе значительныя. Разумѣется, въ дѣйствительности переписка Пушкина этими лицами не ограничивалась; не говоря уже о томъ, что, безъ сомнѣнія, не всѣ письма П-на за это время сдѣлались достояніемъ печати, можно съ увѣренностью полагать, что по тогдашнему опальному положенію П-на корреспонденція котораго подверга-

лась бдительному надзору въ Псковѣ, не всѣ его письма доставлялись по назначенію, и не всѣ письма, адресованныя ему, попадали въ его руки; въ одномъ письмѣ къ брату поэтъ замѣчаетъ: „Дельвига письма до меня не доходятъ“ (VII. 141).

Несмотря на веселые дни, проведенные Пушкинымъ съ прїѣзжими гостями, несмотря на близость Тригорскаго и радужіе его обитательницъ, надобно сказать, что все-таки въ общемъ жизнь Пушкина въ Михайловскомъ въ продолженіе двухъ лѣтъ была весьма уединенной и однообразной. „Знаешь ли мои занятія? — писалъ онъ въ октябрѣ 1824 года брату. — До обѣда пишу Записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ (VII. 87—88). Зимой того же года писалъ онъ Д. М. Княжевичу: „Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ — скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы, ни вась, друзья мои; но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна“ (VII. 96). Въ февралѣ 1825 года кн. П. А. Вяземскому П. писалъ: „Покажѣсть я одинъ одишеченекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни“ (VII. 109).

Что Пушкину было въ Михайловскомъ „душно“, какъ говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Жуковскому лѣтомъ 1825 года (VII. 130), это можно бы заключить уже изъ тѣхъ рискованныхъ для него приготовленій, которыя дѣлалъ онъ къ своему побѣгу за границу. Но на это указываютъ и многочисленныя жалобы его въ дружескихъ письмахъ, (VII. 133. 140. 164. 167—173. 174 и др.), примѣсь къ которымъ веселой шутки и ироніи нисколько не ослабляетъ тяжелаго впечатлѣнія отъ внутренняго содержанія этихъ жалобъ.

Невольное уединеніе и досугъ Пушкина въ Михайловскомъ давалъ ему возможность много и серьезно читать. „Книгъ, ради Бога книгъ!“ просить онъ брата въ октябрѣ 1824 года (VII. 86), и затѣмъ эти просьбы о присылкѣ ему книгъ повторяются много разъ въ письмахъ къ Льву Сергѣевичу, причѣмъ дважды напоминаетъ онъ о присылкѣ ему французской Библии (VII. 90. 92. 97. 98. 99. 110. 113. 124). „Мнѣ нуженъ англійскій языкъ — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому — и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способа учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ!“ (VII. 159), а въ другомъ письмѣ, къ А. А. Бестужеву, къ этому прибавляетъ: „ты да, кажется, Вяземскій одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить!“ (VII. 166).

Однимъ изъ счастливыхъ обстоятельствъ, обусловленныхъ невольнымъ пребываніемъ Пушкина въ Михайловскомъ, было то, что онъ спасся отъ гибельныхъ послѣдствій тѣхъ смутныхъ событій, которыя произошли въ Петербургѣ 14 декабря 1825 года, сопровождая собою воцареніе императора Николая I. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что будь Пушкинъ въ это время въ Петербургѣ, онъ раздѣлилъ бы участь многихъ изъ своихъ друзей, бывшихъ усердными и дѣятельными участниками заговора (VII. 173; II. 2). Неясныя и отрывочныя извѣстія объ участи заговорщиковъ, доходившія до Пушкина, волновали его чрезвычайно¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣна царствованія окрылила надежды Пушкина на полученіе свободы, и онъ началъ новыя хлопоты. Желая „вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ,“ какъ онъ писалъ бар. А. А. Дельвигу 6 января 1826 года (VII. 174), П. въ маѣ того же года подалъ черезъ Псковскаго гражданскаго губернатора барона Адеркаса прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ „съ истиннымъ

1) Стоюнинъ. Пушкинъ, стр. 278—279.

раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку“ просилъ дозволить ему свободный въѣздъ въ обѣ столицы (VII. 177—178). Молодой государь взглянулъ благосклонно на просьбу Пушкина и 28 авг. 1826 года подписалъ резолюцію о немедленномъ доставленіи Пушкина въ Москву, куда тотъ и прибылъ 8 сентября и въ тотъ же день былъ представленъ Государю въ Чудовомъ дворцѣ.

Такъ кончилось двухгодичное заточеніе П-на въ Михайловскомъ.

II.

Въ отношеніи поэтического творчества П-на два года, проведенные имъ въ Михайловскомъ, были весьма счастливы и принесли обильные плоды. Тутъ, въ тиши уединенія, въ глубокомъ сосредоточеніи, на свободѣ зрѣли творческіе замыслы поэта и облекались въ рядъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ впервые обнаружилась настоящая зрѣлость гениальнаго дарованія Пушкина.

На первомъ мѣстѣ среди произведеній этой эпохи, безспорно, стоитъ „Борисъ Годуновъ“. Первое извѣстіе объ этой пьесѣ находимъ мы въ припискѣ къ письму П-на къ кн. Вяземскому отъ 13 іюля 1825 года: „передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавія: Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333 на городищѣ Вороницѣ“ (VII. 137). Насколько тогда была выполнена эта работа надъ трагедіей, мы не знаемъ, но осенью того же года П. писалъ тому же лицу: „Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ: ай да Пушкинъ!“ (VII. 160).

Въ черновыхъ бумагахъ П-на сохранилось нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ позднѣйшихъ годовъ, гдѣ П. касается своей пьесы, которую онъ попеременно называетъ то „комедію“, то „трагедію“, то „драмою“: „Комедія о царѣ Борисѣ и Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны“ (Ш. 82—83). Указанія — точныя и совершенно определенныя; произведенная позднѣйшей критикой провѣрка ихъ анализомъ самой драмы вполнѣ подтвердила признанія Пушкина и показала вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчивую самостоятельность и добросовѣстность, съ которыми относился П. къ своимъ „источникамъ“, зависимость отъ которыхъ автора слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что добытыя изъ нихъ данныя онъ претворялъ и перерабатывалъ въ своемъ творческомъ сознаніи и представилъ въ концѣ концовъ трудъ, и въ цѣломъ и въ частяхъ совершенно самостоятельный и обладающій высокими поэтическими достоинствами. Напр., даже зависимость отъ Карамзина, о которой говоритъ самъ П. и которая понималась въ свое время даже такими критиками, какъ Полевой и Бѣлинскій, въ смыслѣ почти простого пересказа Пушкинымъ нѣкоторыхъ страницъ X и XI томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“, теперь, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается далеко не столь близкою и обнаруживающею, напротивъ, весьма самостоятельное отношеніе

П. къ Карамзину, извѣстія котораго онъ восполнялъ другими источниками, иногда шедшими даже въ противорѣчіе съ разсказомъ Карамзина ¹⁾). Это конечно свидѣтельствуеъ о самомъ серьезномъ отношеніи П-на къ своему труду, который былъ ему чрезвычайно дорогъ, и въ который вложилъ онъ часть своей души: „Хоть я вообще — говоритъ П-нъ въ тѣхъ же своихъ отрывочныхъ замѣткахъ, еще до изданія въ свѣтъ драмы — довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ, я могу сказать о моемъ сочиненіи: *c'est une oeuvre de bonne foi*. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ (Ш. 82). Въ своихъ опасеніяхъ относительно успѣха „Бориса Годунова“ П. оказался совершенно правъ: претерпѣвъ довольно длинную исторію до своего напечатанія ²⁾, драма увидѣла свѣтъ лишь въ началѣ 1831 года и при появленіи своемъ нашла далеко не единодушное пониманіе, какъ въ критикѣ, такъ и среди читающей публики.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что работа надъ „Борисомъ Годуновымъ“, въ которомъ такую видную роль играетъ элементъ старинной русской народной жизни, содѣйствовала стремленіямъ П-на проникнуть въ окружавшую его дѣйствительную народную жизнь. По словамъ Анненкова, „время пребыванія въ Псковѣ онъ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли — изученію на-

1) Ждановъ И. Н. О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Спб. 1892, стр. 12 и сл.

2) Исторія эта разсказана по документамъ акад. М. И. Сухомятиныхъ въ ст. „Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина“: Изслѣдованія и статьи, II, стр. 218—235.

родной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова¹⁾. Плодомъ такихъ наблюденій явился именно тотъ сборникъ народныхъ пѣсенъ, который, по свидѣтельству В. П. Кирѣевского, переданъ былъ ему Пушкинымъ и послужилъ къ обогащенію замѣчательнаго собранія Кирѣевского произведеній народнаго творчества, увидѣвшаго свѣтъ гораздо позднѣе, а также и тѣхъ „полународныхъ, полувыведанныхъ произведеній“, какъ выражается Анненковъ, въ которыхъ мы находимъ „смѣшеніе творчества личнаго и условнаго съ общенароднымъ и непосредственнымъ“ (I. 372—376).

Другимъ обширнымъ поэтическимъ трудомъ, занимавшимъ Пушкина въ Михайловскомъ, былъ „Евгеній Онѣгинъ“. Какъ извѣстно изъ собственныхъ указаній П-на, романъ этотъ писался имъ въ продолженіе десяти лѣтъ: начатъ въ 1822 году и оконченъ въ 1831-мъ. Изъ восьми главъ, составляющихъ это произведеніе Пушкина, которое является, можно сказать, центромъ всего его поэтическаго творчества, четыре написаны въ Михайловскомъ: именно третья, четвертая, пятая и шестая. Если припомнить содержаніе этихъ главъ (семья Лариныхъ, посѣщеніе ея въ первый разъ Онѣгинымъ, письмо Татьяны къ Онѣгину, ея сонъ, балъ, поединокъ Онѣгина и Ленскаго), то окажется, что въ нихъ сосредоточивается главное содержаніе романа и главныя его поэтическія красоты описательнаго характера — какъ картины деревенской помѣщичьей жизни и сельской природы въ разные времена года. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что матеріаломъ для этихъ послѣднихъ являлись живыя наблюденія П-на надъ окружавшей его

1) Матеріалы, 2 изд., стр. 144.

помѣщицѣй жизнью въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Что же касается дѣйствующихъ въ романѣ лицъ, то уже давно извѣстно мнѣніе Анненкова о томъ, что въ Татьянѣ и Ольгѣ П-нымъ изображены, въ поэтическомъ претвореніи, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ¹⁾. Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ опубликованномъ въ самое послѣднее время дневникѣ Алексѣя Н. Вульфа, гдѣ онъ говоритъ по поводу чтенія „Евгенія Онѣгина“: „онъ (романъ) не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ Онѣгинѣ, были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ въ Михайловскомъ пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ“²⁾. О нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, какъ оригиналѣ няни Татьяны, упомянуто было свидѣтельство самого П-на выше. Отдѣльныя главы „Евгенія Онѣгина“ выходили въ печати постепенно съ 1825 по 1832 годъ, причемъ первая вышла въ 1825, а вторая въ 1826; въ неразрѣзанные листы этой послѣдней главы П. вложилъ и поднесъ въ Тригорскомъ А. П. Кернъ знаменитое свое поэтическое признаніе „Я помню чудное мгновеніе . . .“, составляющее одно изъ украшеній Пушкинской лирики за время его жизни въ Михайловскомъ.

Дописывая шестую главу „Онѣгина“ и уже волнуемый надеждой скоро выйти на свободу, поэтъ въ послѣднихъ

1) Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 279. Ср. Соч. П-на, III. 336. 405.

2) Майковъ, Л. Н. А. Н. Вульфъ и его дневникъ. Р. Стар. 1899, № 3, стр. 531.

строфахъ ея такъ прощается со своей молодостью и посылаетъ привѣтъ своему деревенскому уединенію, которое онъ готовъ былъ покинуть :

Такъ, полдень мой насталь, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!

Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всё, за всё твои дары;
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я наслаждался . . . и исполнѣ.
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголь чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть

(Ш. 357)

Изъ менѣе значительныхъ произведеній этого времени должны быть названы „Графъ Нулинъ“, „Женихъ“, нѣсколько экскурсовъ въ область иностранныхъ литературъ въ видѣ переводовъ, подражаній или самостоятельныхъ

произведеній въ духѣ иностранныхъ писателей, наконецъ лирическія стихотворенія и нѣсколько отрывковъ въ прозѣ.

„Графъ Нулинъ“ (1825) представляетъ собою живое, но краткое поэтическое описаніе одного эпизода изъ помѣщичьей жизни въ деревнѣ, причемъ въ лицо главнаго героя произведенія авторъ вложилъ нѣсколько сатирическихъ чертъ, обличающихъ какъ легкомысліе семейныхъ нравовъ, такъ и тогдашнее рабское отношеніе ко всему французскому, начиная съ мысли и кончая послѣдними подробностями моднаго костюма. О происхожденіи этого произведенія П. позднѣе (въ 1833 году) писалъ: „въ концѣ 1825 года находился въ деревнѣ и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что если бы Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бы его предпріимчивость, и онъ со стыдомъ пригужденъ былъ отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсилъ бы — и міръ и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась. Я не могъ воспротивиться двойному искушенію, и въ два утра написалъ эту повѣсть“ (V. 194). „Графъ Нулинъ“ увидѣлъ свѣтъ нѣсколько позднѣе, сначала въ отрывкахъ, затѣмъ въ цѣломъ видѣ въ 1827 и 1828 годахъ. Слѣдомъ личныхъ впечатлѣній поэта въ этомъ произведеніи являются стихи:

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальный
 Порой волнуеть сердце намъ.
 Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
 Товарищъ юности удалой? . . . (Ш. 88.)

Стихотвореніе „Женихъ“ (1825) есть поэтическій пересказъ простонародной сказки, быть можетъ, слышанной

Пушкинымъ отъ своей няни¹⁾; по складу своему оно напоминаетъ баллады изъ старинной русской жизни во вкусѣ Жуковского и среди произведеній П-на стоитъ довольно одиноко.

Мы знаемъ уже, что въ Михайловскомъ П. усердно читалъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта и въ одномъ письмѣ къ кн. Вяземскому (въ сентябрѣ 1825) сожалѣлъ о невозможности основательно заняться въ деревнѣ англійскимъ языкомъ (VП. 159). Но не одна англійская литература тогда занимала его. Изъ французской онъ въ особенности увлекался А. Шенье, которому подражалъ и переводилъ его (1824—1825) (I. 321—322. 362) и въ память котораго написалъ свое знаменитое стихотвореніе „Андрей Шенье“ (1825), благодаря которому онъ нѣсколько позднѣе (въ 1827 году) едва не поплатился серьезнымъ наказаніемъ и избѣгъ его только потому, что стихотвореніе написано было до всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 года. Пытался перелгать въ это время Пушкинъ кое-что съ итальянскаго и португальскаго (1825) (I. 366—370) и написалъ весьма замѣчательную „Сцену изъ Фауста“ (1826), навѣянную мыслью о знаменитой поэмѣ великаго германскаго поэта, о которой въ 1827 г. П. выразился, что „Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа“, которое „служить представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности“ (V. 50). Несмотря на такое поклоненіе Гёте, нашедшее себѣ выраженіе и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Пушкина (VI. 61; VII. 129. 202), нашъ поэтъ сумѣлъ взглянуть на поэму Гёте собственными глазами и, по выраженію одного критика²⁾, внести въ нее даже „поправку“ — съ точки зрѣнія взгляда на нравственный характеръ поступковъ доктора Фауста отно-

1) Анненковъ, Мат., стр. 113; Сумцовъ, Этюды объ А. С. Пушкинѣ. вып. V (Варшава 1897), стр. 2—16.

2) Нѣзеленовъ. Пушкинъ въ своей поэзіи, стр. 231.

сительно Маргариты: именно, Пушкинъ устами Меѳистофеля раскрываетъ передъ Фаустомъ всю глубину его безпощаднаго эгоизма по отношенію къ Маргаритѣ и тѣмъ вызываетъ въ немъ тяжелые упреки и мученія совѣсти:

Меѳистофель.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
 Какъ жадно я тебя желалъ!
 Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
 Я грезы сердца возмущалъ!
 Любви невольной, безкорыстной
 Невинно предалась она
 Что жъ грудь моя теперь полна
 Тоской и скукой ненавистой? . . .
 На жертву прихоти моей
 Гляжу, упившись наслажденьемъ,
 Съ неодолимымъ отвращеніемъ:
 Такъ безрасчетный дуралей,
 Вотще рѣшась на злое дѣло,
 Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
 Бранить ободранное тѣло;
 Такъ на продажную красу,
 Насытись ею торопливо,
 Развратъ косится боязливо . . .
 Потомъ изъ этого всего
 Одно ты вывелъ заключенье. . . .

Фаустъ.

Сокройся, адское творенье!
 Бѣги отъ взора моего! (Ш. 105—106).

Анненковъ ¹⁾ передаетъ извѣстіе, въ видѣ предположенія, что „Гёте зналъ объ этой сценѣ. Рассказываютъ, что онъ послалъ Пушкину поклонъ черезъ одного русскаго

1) Мат., стр. 177.

путешественника и препроводилъ съ нимъ въ подарокъ собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ подпись: подарокъ Гёте“.

Попытками углубленія въ древнюю жизнь является у Пушкина съ одной стороны подражаніе „Пѣсни пѣсней“ (I. 345), съ другой — первый набросокъ стихотворенія „Клеопатра“ (1825), который онъ имѣлъ въ виду вставить сначала въ повѣсть изъ древне-римской жизни, а потомъ въ повѣсть изъ современнаго русскаго великосвѣтскаго быта; результатомъ этого явились отрывки повѣсти „Египетскія ночи“, надъ которой П. работалъ десять лѣтъ спустя (1835) и которую все-таки оставилъ неоконченной (IV. 387—405). П. именно хотѣлъ воспользоваться эпизодомъ изъ древне-египетской жизни, какъ средствомъ поэтическаго эффекта, для болѣе яркаго изображенія современной ему русской жизни, и хотя по неоконченности произведенія послѣдняя цѣль не была достигнута поэтомъ, однако само по себѣ стихотвореніе „Клеопатра“ (IV. 396—398) представляетъ собою, по общему признанію, нѣчто въ высшей степени совершенное по глубокому вдохновенію, яркости образовъ и исторической вѣрности, переносящей читателя разомъ въ изображаемую обстановку въ такой степени, какая могла быть доступна лишь вполне возмужавшему поэтическому генію.

До извѣстной степени близко подходятъ къ этому идеалу поэтическаго проникновенія въ чужую и далекую обстановку и девять стихотвореній П-на, объединенныхъ общимъ именованіемъ „Подражаніе Корану“ (1824) и посвященныхъ авторомъ П. А. Осиповой (I. 322—328): съ замѣчательной вѣрностью и выразительностью передана тутъ своеобразная поэзія священной книги Магомета со всей ея наивной глубиной и риторическимъ пафосомъ.

Что касается мелкихъ лирическихъ стихотвореній, писанныхъ П-нымъ въ Михайловскомъ, то кромѣ тѣхъ, о ко-

торыхъ было уже упомянуто, здѣсь можно указать еще на отголоски завязавшихся на югѣ нѣжныхъ привязанностей поэта и на стихотворенія, въ которыхъ П. говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи.

Глубиной искренняго чувства дышатъ стихотворенія „Сожженное письмо“ и „Желаніе славы“ (оба — 1825), въ которыхъ П. отдается сладкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнымъ воспоминаніямъ чистой любви къ женщинѣ, съ которой силою обстоятельствъ ему пришлось разстаться (I. 344). Къ этой же категоріи должна быть отнесена не по лицу, къ которому обращена, но по характеру внушившаго ее чувства, элегія „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“ (1826), написанная на смерть г-жи Ризничъ, волновавшей воображеніе поэта и до этого и даже послѣ своей смерти¹⁾. Элегія эта по глубинѣ чувства, по высокому поэтическому стилю и нѣжности колорита безспорно принадлежитъ къ числу перловъ Пушкинской лирики. Нѣсколько инымъ, менѣе возвышеннымъ и чистымъ характеромъ отличалось увлеченіе П-на одною изъ пріѣзжихъ обитательницъ Тригорскаго А. П. Кернъ, вызвавшей также изъ подъ пера П-на превосходное стихотвореніе „Я помню чудное мгновеніе“, о которомъ было уже упомянуто выше.

Въ стихотвореніяхъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ (1824) и „Пророкъ“ (1826) П. раскрываетъ сокровенныя тайны своего поэтическаго сознанія и если въ первомъ изъ нихъ, сначала ревниво оберегая чистоту и искренность своихъ творческихъ побужденій, поэтъ тѣмъ не менѣе въ концѣ какъ бы сдается на доводы практицизма, то во второмъ, далекій отъ всякихъ колебаній, онъ встаетъ передъ нами въ величавой роли вдохновеннаго проповѣдника и глашатая воли самого Бога:

Возстань, пророкъ, и виждь и внемли,
Исполнишь волею моею

1) Незеленовъ, стр. 146—151.

И, обходя моря и земли,

Глаголомъ жги сердца людей! (П. 3)

Наконецъ, въ прозѣ, за время пребыванія своего въ Михайловскомъ, П. не представилъ ничего замѣчательнаго: это или краткія журнальныя статьи (для „Московского Телеграфа“ 1825 года), или летучія замѣтки при чтеніи разныхъ книгъ, или отрывки автобіографіи, не имѣющіе особаго интереса (V. 22—42). Ясно, что въ Пушкинѣ тогда не созрѣлъ еще прозаикъ, какъ это имѣло мѣсто позднѣе, и, идя неудержимо впередъ по пути своего литературнаго развитія, онъ еще продолжалъ держаться исключительно стихотворной формы, какъ болѣе для него привычной и болѣе соотвѣтствующей той ступени своего поэтическаго настроенія, на которой онъ находился въ ту пору.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, факты и обстановка личной жизни и поэтической дѣятельности Пушкина во время его невольнаго пребыванія въ селѣ Михайловскомъ. Если мы примемъ во вниманіе, какая участь почти навѣрное ожидала бы пылкаго поэта при заговорѣ 14 декабря 1825 года, будь онъ въ какомъ-нибудь людномъ центрѣ въ это тревожное время, то мы можемъ благословить судьбу, сохранившую намъ тѣмъ самымъ П-на отъ вѣроятной и преждевременной гибели. Оставаясь въ Михайловскомъ, П. не терялъ времени напрасно, воспитывая въ типичной творческой гениальности путемъ вдумчивости, самообразования и дѣятельнаго труда. Явившись въ Михайловское авторомъ стихотвореній и поэмъ, на которыхъ, при всей ихъ непосредственной поэтической цѣнности, лежала еще печать неувѣренности и очевиднаго вліянія Байрона, онъ оставляетъ его творцомъ „Бориса Годунова“, лучшей части „Евгенія Онѣгина“ и „Пророка“. Такимъ образомъ, въ Пушкинѣ изъ Михайловскаго выходитъ на литературное поприще уже

вполнѣ серьезный художникъ не только во всеоружіи природнаго художественнаго дарованія, но и глубокаго сознательнаго пониманія своихъ дальнѣйшихъ творческихъ задачъ и плановъ. Въ этомъ крупномъ шагѣ впередъ и заключается именно та историческая важность, которая придается и должна придаваться въ жизни и дѣятельности П-на изображенной нами порѣ его пребыванія въ „уголокъ земли“, гдѣ по его собственному позднѣйшему признанію онъ провелъ „отшельникомъ два года незамѣтныхъ.“

Маска и письмо А. С. Пушкина,

хранящіяся въ Библіотекѣ
Императорскаго Юрьевскаго университета.

Предисловіе.

Въ свѣтлые и знаменательные дни Пушкинскихъ празднествъ Библіотека Императорскаго Юрьевскаго Университета не могла остаться безугастною къ тому торжеству, какое справляетъ нынѣ повсемѣстно русское общество. Съ Пушкинымъ у каждаго изъ насъ связано столько дорогихъ воспоминаній, каждый изъ насъ столь многимъ обязанъ ему, что становится вполне понятнымъ всеобщее желаніе посылно выразить свою благодарность и дань уваженія гениальному поэту. Библіотека — хранилище книгъ, а книга была до конца жизни неразлучною спутницею и подругою Пушкина. Кто обогатилъ литературу народа своими гудными произведеніями и, помимо внутренняго ея развитія, обусловилъ также и внѣшнее ея наращеніе, тотъ, конечно, имѣетъ полное право на благодарную память со стороны не однихъ только читателей книги, но одинаково и тѣхъ, кто ее хранитъ и бережетъ.

Настоящая работа есть посылная дань великому поэту отъ Библіотеки Императорскаго Юрьевскаго Универ-

ситета, какъ угрожденія; и если литературная обработка ея принадлежитъ одному нижеподписавшемуся, то въ подготовительномъ трудѣ приняли участіе и другіе члены библиотечной администраціи. Крѣмъ того разъясненіемъ нѣкоторыхъ сомнѣній обязанъ я Вл. Вл. Майкову; съ признательностью должно быть упомянуто имя І. І. Змигородскаго, стараніямъ и хлопотамъ котораго, помимо всего, мы обязаны тѣми прекрасными фотографіями съ маски и съ письма Пушкина, работы здѣшняго фотографа г. Захера (R. Sachker), которыя приложены къ настоящему изданію въ цинкографической передачѣ Петербургской фирмы Вильборга. Наконецъ, существенную точку опоры въ своихъ выводахъ и сужденіяхъ полугилъ я, благодаря тѣмъ свидѣніямъ, которыми любезно подѣлились со мною г-жи М. М. и Е. М. Розбергъ, дочери покойнаго профессора нашего Университета, М. П. Розберга.

Директоръ Библиотеки Императорскаго Юрьевскаго
Университета

26 мая 1899 г.

Профессоръ Е. Шмурло.

I.

М а с к а.

Вопросъ о посмертныхъ маскахъ А. С. Пушкина остается до сихъ поръ, и не безъ основанія, далеко невыясненнымъ и спорнымъ. Въ основѣ всего лежитъ письмо В. А. Жуковского къ отцу поэта, С. П. Пушкину, извѣстное его описаніе „Послѣднихъ минутъ Пушкина“, именно тѣ строки, гдѣ онъ говоритъ, что во-время вспомнилъ о необходимости снять маску и что это было немедленно исполнено, прежде чѣмъ черты лица успѣли измѣниться¹⁾. Однако когда именно и кѣмъ была снята эта маска, въ чьи руки попала она потомъ — свѣдѣній объ этомъ ни у Жуковского, ни у кого другого не сохранилось, по крайней мѣрѣ мы ничего объ этомъ не знаемъ.

Гдѣ бы она ни была, но, повидимому, появившіяся вслѣдъ затѣмъ въ обращеніи изображенія Пушкина свой прототипъ и образецъ отыскивали именно въ этой маскѣ. Такъ мы знаемъ, что вскорѣ по смерти поэта нѣкій Паладци выпустилъ въ продажу гипсовые снимки, своей работы, съ посмертной маски, придѣлавъ къ нимъ волоса до половины головы, и другіе поменьше, оправленные въ рамку²⁾. „Какъ тѣ, такъ и другіе

1) Сочиненія В. А. Жуковского, изд. 8-е. Спб. 1885, т. VI, стр. 19.

2) „Изображенія скульптурныя: 1) Маска А. С. Пушкина. Паладци придѣлалъ къ ней и волоса до половины головы (цѣна 15 руб.); въ меньшей толщинѣ у него же на голубомъ фондѣ; она оправлена въ рамку“. (Художеств. Газета 1837, № 9—10). Г. Либровичъ, говоря о работахъ Паладци со словъ „Русскаго Художеств. Листка“ Тимма 1861, № 32, передаетъ извѣстіе „Художеств. Газеты“ нѣсколько иначе: „Вскорѣ послѣ смерти Пушкина пущены были въ продажу гипсовые снимки съ посмертной маски поэта, съ придѣланными къ нимъ волосами до половины го-

снимки съ маски составляютъ теперь большую рѣдкость и, насколько извѣстно, не имѣются уже ни въ одной изъ извѣстныхъ пушкинскихъ коллекцій. Куда они исчезли — неизвѣстно“ 1).

Одновременно съ Палацци, съ маски Пушкина Элеонорою Жуковскою былъ сдѣланъ рисунокъ, впервые воспроизведенный, кажется, въ 1837 г., литографически 2); затѣмъ въ „Литературной Газетѣ“ 1843 г., изд. Кони 3). Послѣ значительнаго перерыва онъ сталъ снова появляться въ нашихъ изданіяхъ лишь съ 1887 года: при сочиненіяхъ Пушкина, изд. г. Суворинымъ, при біографіи поэта, написанной г. Скабичевскимъ (въ изданіи г. Павленкова), въ юбилейномъ № (4-мъ) иллюстрированнаго журнала „Звѣзда“ за 1887 г., при статьѣ г. Русакова, „Исторія портретовъ Пушкина“ 4), въ книгѣ г. Либровича, „Пушкинъ въ портретахъ“ 5), въ майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1899 годъ и, наконецъ, въ „Пушкинскомъ альбомѣ“, изданномъ „Нивою“ 6). Нѣкоторыя изданія придали, въ своихъ подписяхъ и обозначеніяхъ, рисунку Жуковской неудачное и неправильное названіе „отдѣльнаго портрета“ 7); другія называли его гораздо вѣрнѣе „маскою“ 8); обозначеніе

ловы, работы Палацци, которые продавались по 15 руб., и подобныя же маски-копіи, тоже гипсовыя, въ рамкѣ подъ стекломъ, на голубомъ фонѣ“ (Пушкинъ въ портретахъ. Спб. 1890, стр. 88. Ср. то же у В. Русакова, Исторія портретовъ Пушкина. Новъ 1888, т. XX, № 5, стр. 152. Впрочемъ книга Либровича и статья Русакова — произведенія одного и того же лица. Ср. Пушкинъ въ портретахъ, стр. 9, примѣч. Въ болѣе позднемъ изданіи самыя ничтожныя отиѣны отъ перваго).

1) Русаковъ, 153. Либровичъ, 88.

2) „Литографированный снимокъ съ маски Пушкина, рисованной Э. Жуковскою (1837 ?)“. Межовъ, Puschkiniana, стр. 240.

3) Отдѣльное приложеніе. Сравни. каталогъ открытой въ Петербургѣ, по поводу столѣтняго юбилея поэта, Пушкинской выставки, № 204.

4) Новъ 1888, т. XX, № 5, стр. 152.

5) Пушкинъ въ портретахъ, стр. 87.

6) Спб. 1899, стр. 26.

7) „Отдѣльный портретъ (одно лицо)“; „портретъ, рисованный съ маски“. Русаковъ, 152; Либровичъ, 88. То же и въ изданіи Суворина.

8) Въ „Звѣздѣ“ и „Историч. Вѣстникѣ“. Сравни. выше примѣчаніе 2. слова Межова въ Puschkiniana.

„Нивы“ представляетъ новый вариантъ, по которому выходитъ, что Жуковская готовила самую маску¹⁾. Источникъ подобныхъ неточностей и отличій, вѣроятно же всего, нѣкоторая небрежность и невниманіе; но возникнуть то и другое могло лишь на почвѣ той неизвѣстности, въ какой мы находимся и до сихъ поръ относительно первоначальнаго происхожденія маски Пушкина и первыхъ съ нея снимковъ.

Достаточно бѣглаго взгляда на любой изъ приложенныхъ къ этимъ изданіямъ рисунковъ, чтобъ убѣдиться, насколько мало соотвѣтствуютъ они понятію портрета: это не болѣе какъ маска, съ закрытыми глазами, изображеніе лица en face, при чемъ края щекъ и подбородка рѣзко оборваны и отграничены, что какъ разъ и уместно въ „маскѣ“, но отнюдь не въ „портретѣ“. Характерно, что, какъ Палацци придѣлалъ къ гипсовымъ снимкамъ „волоса до половины головы“, такъ и въ рисункѣ Жуковской мы встрѣчаемся съ волосами же. Искусственность расположенія этихъ волосъ, извѣстнаго рода симметричность особенно бросаются въ глаза. Мало того. Эти волосы точно каменные; ихъ завитки слишкомъ грубы для того, чтобъ допустить здѣсь участіе карандаша или кисти, и потому невольно является мысль: не рисовала ли ихъ Жуковская, имѣя передъ собою снимокъ Палацци?

Во всякомъ случаѣ едва ли возможно сомнѣваться, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ очень отдаленнымъ напоминаніемъ дорогихъ намъ чертъ, и во всякомъ случаѣ съ изображеніемъ, искаженнымъ позднѣйшими и совершенно ненужными наслоеніями.

Гдѣ же однако хранилась самая маска?

Въ 1880 г., въ дни празднествъ, состоявшихся по поводу открытія въ Москвѣ памятника Пушкину, въ Петербургѣ была устроена выставка, гдѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, была представлена маска поэта, снятая, какъ гласилъ

1) „Портретъ Пушкина, рисованный съ маски Э. Жуковской“. Каталогъ нынѣшней Петербургской выставки (№ 204) выражается такъ: „Рисунки съ маски, сдѣланный Элеонорой Жуковской“.

каталогъ, на другой день послѣ его смерти¹⁾. Съ этой маски, составляющей собственность Т. Б. Сѣмечкиной, тогда же, по порученію петербургскаго книгоиздателя Вольфа, „снятъ былъ молодымъ художникомъ, воспитанникомъ Академіи Художествъ, А. В. Малиновскимъ, точный рисунокъ карандашомъ, какъ одинъ изъ матеріаловъ для предполагавшагося Вольфомъ иллюстрированнаго изданія сочиненій Пушкина“. Копія съ этого рисунка, работы Н. И. Каменева, воспроизведенная цинкографіею, появилась спустя нѣсколько лѣтъ въ другомъ изданіи Вольфа, — въ журналѣ „Задушевное Слово“ 1887 г., № 13; отсюда перепечатана въ его же „Нови“, въ упоминавшейся уже статьѣ г. Русакова²⁾, въ книгѣ г. Либровича³⁾ и, наконецъ, въ изданномъ журналомъ „Нивою“ „Пушкинскомъ альбомѣ“⁴⁾.

Эти послѣднія воспроизведенія существенно отличаются отъ прежнихъ, связанныхъ съ именемъ Э. Жуковской. Прежде всего это именно маска, съ открытымъ лбомъ, съ оголенною переднею частью черепа, безъ малѣйшаго присутствія головныхъ волосъ и лишь со слабыми отпечатками бакенбардъ по бокамъ. Я не специалистъ въ техническихъ вопросахъ этого рода и не рѣшаюсь проводить далѣе параллели; но полагаю, что и любой глазъ въ маскѣ г-жи Сѣмечкиной замѣтитъ, насколько ближе она къ изображенію мертваго лица.

Маска г-жи Сѣмечкиной едва ли не впервые давала возможность болѣе или менѣе значительному кругу лицъ всмотрѣться и изучать черты поэта тотчасъ послѣ его кончины;

1) „Маска Пушкина, снятая на другой день послѣ его смерти. Въ витринѣ чернаго дерева“ (Каталогъ Пушкинской выставки. Спб. 1880, стр. 33). Въ одной изъ позднѣйшихъ замѣтокъ читаемъ такой вариантъ: „На Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ была выставлена маска великаго поэта, снятая, какъ значилось и въ каталогѣ, и въ запискѣ, приклеенной къ стеклу, на другой день послѣ смерти Пушкина“ (С. Либровичъ, Маска Пушкина. Новое Время 1895, 31 июля, № 6975).

2) Новь 1888, т. XX, № 5, стр. 151.

3) Пушкинъ въ портретахъ. Спб. 1890, стр. 86.

4) Спб. 1899, стр. 26.

но съ другой стороны замѣтка, какую сопровождалось ея появленіе въ публикѣ, неизбежно должна была вызвать сомнѣнія и запросы. Дѣло въ томъ, что заявленіе „Каталога Пушкинской выставки“ о снятіи маски на другой день послѣ смерти Пушкина плохо согласовалось съ словами Жуковскаго, который, какъ мы уже знаемъ, писалъ, что маску сняли немедленно. Г. Либровичъ подмѣтилъ это противорѣчіе и старался примирить его, но едва ли удовлетворительно.

„Смерть такъ неожиданно постигла Пушкина и произвела до такой степени сильное впечатлѣніе на окружавшихъ поэта родныхъ, друзей и почитателей, что въ первую минуту никто даже и не подумалъ о наилучшемъ сохраненіи чертъ его лица — о снятіи съ него гипсовой маски. О маскѣ вспомнили лишь на слѣдующій день послѣ смерти поэта, и она была снята уже тогда, когда лицо Пушкина совсѣмъ окостенѣло и значительно измѣнилось. Маска сохранила, поэтому, лишь немного сходства. Можетъ быть, впрочемъ, что была снята другая еще маска, сейчасъ же послѣ смерти Пушкина“¹⁾. Болѣе внимательное чтеніе письма Жуковскаго, думается, предохранило бы отъ такой искусственной гипотезы.

Дѣйствительно, если маска была снята „немедленно“ и дала удовлетворительные результаты, то какая надобность являлась снимать вторично, особенно если лицо „совсѣмъ окостенѣло“, если оно успѣло „значительно измѣниться“? Конечно, и первый снимокъ могъ быть неудаченъ; но тѣмъ труднѣе было ожидать удачи второго, когда съ каждымъ часомъ лицо теряло свое первоначальное выраженіе. Будетъ гораздо правдоподобнѣе допустить, что маску снимали лишь одинъ разъ, и притомъ въ самый день смерти, или самое позднее въ ближайшую ночь. А если и признать справедливость „другого дня“, то все же безъ вторичнаго накладыванія гипса, подъ условіемъ, что тѣло еще не успѣло измѣ-

1) Русаковъ, Исторія портретовъ Пушкина. Новъ 1888, т. XX, № 5, стр. 150—151. — Либровичъ, Пушкинъ въ портретахъ, 85.

ниться и во всякомъ случаѣ до истеченія первыхъ сутокъ съ минуты кончины. Въ пользу такого ограниченія говоритъ совокупность также и другихъ обстоятельствъ.

Пушкинъ скончался 29 января въ три четверти третьяго пополудни¹⁾. „Мы долго стояли надъ нимъ“ — говоритъ Жуковский — „молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое свершалось передъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина. Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастію, я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немелленно; черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а глубокой и величественный сонъ. Спустя три четверти часа послѣ кончины (во все это время я не отходилъ отъ мертваго, мнѣ хотѣлось взглянуть въ прекрасное лицо его) тѣло вынесли въ ближнюю горницу, а я, исполняя повелѣніе государя императора, запечаталъ кабинетъ своею печатью . . . Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Віельгорскимъ обѣдать . . . Вечеру, увлеченный необходимостію, пошелъ я къ государю, чтобы донести ему о томъ, какъ умеръ Пушкинъ . . . На другой день мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, ввечеру²⁾, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня та горница, гдѣ онъ лежалъ въ гробѣ, была безпрестанно полна народомъ“³⁾.

Вотъ послѣдовательность событій, какъ она передана Жуковскимъ. Первые три четверти часа, послѣ которыхъ тѣло вынесли въ сосѣдную комнату, понадобились, очевидно,

1) Сочиненія Жуковского, изд. 8-е, т. VI, стр. 18, примѣчаніе.

2) Т. е. 31 января.

3) Сочиненія Жуковского, изд. 8-е, т. VI, стр. 18—19.

для обмыванія покойнаго и первыхъ приготовленій, — было уже половина четвертаго. Послѣ этого Жуковскій запечатываетъ кабинетъ своею печатью, остается еще нѣсколько времени въ домѣ и только тогда уже ѣдетъ къ Віельгорскимъ. Не въ этотъ ли первый часъ - полтора и снята была маска? Времени на это хватило бы.

Быть можетъ, Жуковскій заранѣе, еще до смерти, озаботился обо всемъ необходимомъ? Такая предусмотрительность еще не означала бы непременно черстваго неумѣстнаго движенія сердца, — скорѣе даже наоборотъ, въ ней можно было бы видѣть заботливое желаніе сохранить для себя и для потомства драгоценныя черты: сомнѣваться же въ печальномъ исходѣ — увы! — не приходилось: доктора не подавали никакой надежды¹⁾; не даромъ же тотъ же Жуковскій, получивъ приказъ государя запечатать кабинетъ въ случаѣ смерти, держалъ себя наготовѣ и запасся печатью.

Съ другой стороны нѣтъ особой надобности настаивать непременно на предварительныхъ распоряженіяхъ. Слова Жуковского, весь тонъ ихъ даютъ скорѣе право думать, что мысль о маскѣ явилась уже по смерти Пушкина: „Къ счастью, я вспомнилъ вó-время“ — говоритъ онъ, т. е. спохватился, не упустилъ минуты, которая могла быть упущена и уже безвозвратно. Пока же обмывали тѣло, не трудно было спосылать въ лавку за гипсомъ, распорядиться вызвать скульптора²⁾. Снимать и начали, обмывши тѣло и вынеся его въ другую комнату — это и было, вѣроятно, то „нѣсколько времени“, которое Жуковскій „еще“ побылъ въ домѣ.

Разумѣется, все это одни только предположенія; снимать могли и позже, когда Жуковскій обѣдалъ у Віельгорскихъ или сидѣлъ у государя, или даже послѣ визита его во дво-

1) Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову. Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 8-е, Анскаго, т. VII, стр. 440.

2) Изъ только-что появившейся замѣтки г. Липшина можно думать, что маску снималъ итальянецъ Фратини, скульпторъ (Новое Время 1895, 18 мая, № 8340).

рецъ. Но, не говоря про естественность для Жуковскаго, какъ инициатора всей идеи, пожелать лично присутствовать при сниманіи (вся процедура требуетъ немного времени), а также и про то, что, отодвигая наложеніе гипса съ каждымъ часомъ все далѣе и далѣе, мы все болѣе и болѣе будемъ впадать въ противорѣчіе съ категорическимъ заявленіемъ Жуковскаго о немедленномъ снятіи маски, — не говоря про все это, но даже при полномъ желаніи отодвинуть этотъ моментъ, намъ все равно очень скоро пришлось бы остановиться, дойдя до предѣла, далѣе котораго идти станетъ уже явною невозможностью.

По словамъ Жуковскаго, на другой день, 30 января, тѣло переложили въ гробъ, и едва ли есть надобность настаивать на томъ, что это переложеніе и есть тотъ предѣлъ, далѣе котораго вести рѣчь о снятіи маски не приходится никакимъ уже образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не на людяхъ же снимали эту маску, не въ тѣ же часы, когда толпы народа тѣснились у гроба — а въ теченіе 30 и 31 января, „въ эти оба дня“, свидѣтельствуемъ Жуковскій, „болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебивало“¹⁾. Какъ ни кратковременна процедура сниманія маски, все же тѣло, положенное въ гробъ, пришлось бы потревожить, отбросить волосы, передъ этимъ причесанные и разглаженные, намазать самое лицо масломъ, потомъ смывать его и т. п.

Когда именно, т. е. въ которомъ часу положенъ былъ Пушкинъ въ гробъ, неизвѣстно; но несомнѣнно, что еще утромъ. Въ 3 часа пополудни, мы знаемъ, академикъ Бруни сидѣлъ уже за мольбертомъ и срисовывалъ его портретъ²⁾. Шестидесятый градусъ широты, обычное освѣщеніе въ Петербургѣ январскихъ зимнихъ дней — всего этого болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобъ заранѣе признать, что въ три часа день клонился къ закату; къ тому же день 30 января какъ

1) Сочиненія Жуковскаго, т. VI, стр. 19.

2) Давыдовъ, Квартира А. С. Пушкина въ концѣ января 1837 г. Русская Старина 1887, т. 54, апрѣль, 163.

разъ былъ „пасмурный“; на дворѣ стояла „оттепель“ 1). Такимъ образомъ наступали сумерки, и можно съ увѣренностью сказать, что Бруни не начиналъ, а доканчивалъ свою работу, хотя бы и вынужденный отложить ее до другого дня, и что поэтому начало его сеанса едва ли ошибочно будетъ отнесено часа на два или на три ранѣе.

Кромѣ того близкій къ Пушкину Даль, не отходившій въ теченіе всѣхъ этихъ тревожныхъ дней отъ постели умирающаго, сообщаетъ, что тѣло Пушкина вскрывали 2), а это могло быть сдѣлано не позже ранняго утра 30-го, если не въ ночь съ 29 на 30, и опять таки, конечно, уже послѣ снятія маски.

Все только-что сказанное, значительно суживая время, когда могло произойти сниманіе маски, тѣмъ болѣе заставляетъ насъ отвергнуть предположеніе, будто бы гипсовые снимки накладывались на лицо дважды, и съ недоувѣріемъ отнестись къ заявленію „Каталога Пушкинской выставки“, будто бы маска снята была на другой день послѣ смерти поэта. Хотя категорически отрицать его мы не имѣемъ права, но во всякомъ случаѣ версію эту возможно признать лишь при условіи „день“ относить къ самому раннему утру, можетъ быть, даже къ первымъ часамъ пополуночи; слова же „немедленно“ понимать, какъ сознаніе самого Жуковскаго, что черты лица Пушкина еще и ночью „не успѣли измѣниться“.

Таковъ нашъ первый выводъ. Дополнимъ его указаніемъ, что всѣ до сихъ поръ появлявшіеся въ печати снимки не могутъ претендовать на точность воспроизведенія, — не только рисунки Жуковской съ ихъ фантастичными волосами, но и рисунки съ маски г-жи Сѣмечкиной, такъ какъ послѣдняя, какъ мы уже видѣли, воспроизведена не непосредственно, а съ рисунка, рисованнаго карандашомъ, т. е. отъ руки.

1) Ibidem, 162.

2) Сочиненія Пушкина, изд. Анскаго, т. VII, стр. 453, 455.

Вотъ почему, думается, настоящее изданіе маски съ фотографическаго негатива представляетъ ту цѣнность, что впервые даетъ точное и документальное воспроизведеніе оригинала. Таковымъ для настоящаго изданія служила впрочемъ не маска г-жи Сѣмечкиной, а другая, составляющая собственность Библиотеки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Эта маска имѣетъ свою маленькую исторію, съ которою я предварительно и хотѣлъ бы подѣлиться.

Маска, хранящаяся въ нашей Библиотекѣ, поступила туда въ даръ отъ профессора Дерптскаго университета М. П. Розберга и въ теченіе многихъ уже лѣтъ помѣщается въ верхнемъ этажѣ Библиотеки, въ т. наз. отдѣленіи проф. Моргенштерна. На этомъ мѣстѣ засталъ ее не только я въ 1891 г., но тамъ же помнятъ ее и многіе другіе задолго до этого года. Можно лишь удивляться, какъ не обратили на нее вниманія ни въ пору составленія проектовъ памятника Пушкину, когда для скульптора такъ цѣнно было имѣть передъ глазами живыя черты наиболѣе близкія къ оригиналу, — ни въ пору открытія этого памятника въ Москвѣ, въ 1880 году, когда все, относящееся до Пушкина, уже само по себѣ представляло большой интересъ, — ни, наконецъ, въ 1887 г., когда пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта оживило толки о немъ и опредѣлило работу общественной мысли снова въ этомъ направленіи.

Лѣтомъ 1895 г. случайный посѣтитель Библиотеки, увидѣвъ эту маску, помѣстилъ о ней замѣтку въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“¹⁾. Высказанное въ ней замѣчаніе, что „такой исторической вещи подобаешь быть не здѣсь, а на самомъ видномъ мѣстѣ въ Императорской Публичной Библиотекѣ (въ Петербургѣ)“ и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣніе, что въ университетской Библиотекѣ она находится „не въ своей компаніи: по стѣнамъ развѣшаны портреты всѣхъ нѣмецкихъ, хотя и великихъ поэтовъ (Шиллеръ, Гете, Лессингъ и пр.), но ни од-

1) Мих.—нъ. Маска Пушкина въ Юрьевѣ. Рижскій Вѣстникъ 1895, 8 іюля, № 149.

ного русскаго“, — слова эти тогда же нашли свой отголосокъ и породили цѣлую маленькую литературу. Не затрогивая ее полностью¹⁾, остановлюсь лишь на вопросѣ, кто пожертвовалъ въ Юрьевскій университетъ маску Пушкина и представляетъ ли собою данная маска оригиналь или копію.

„Сынъ Отечества“ высказалъ предположеніе, что маска подарена извѣстнымъ хирургомъ Пироговымъ, бывшимъ воспитанникомъ Дерптскаго университета²⁾. Въ свою очередь „Московскія Вѣдомости“, опираясь на знакомыя уже намъ строки Жуковскаго изъ его „Послѣднихъ минутъ Пушкина“, дарителемъ считали Зейдлица. „Эта маска находилась у Жуковскаго до отъѣзда его за-границу, а по выѣздѣ его изъ Россіи, въ 1841 году, хранилась въ Мраморномъ дворцѣ вмѣстѣ съ коллекціей его картинъ, гипсовъ, гравюръ и книгъ. Послѣ же кончины Жуковскаго и недолгой жизни его жены, Е. А. Жуковской, оставшееся художественное собраніе, въ 1856 году, было приобрѣтено душеприкащикомъ и вѣрнымъ другомъ покойнаго поэта, К. К. Зейдлицомъ, который, проживая то въ Дерптѣ, то въ его окрестностяхъ — въ Мейерсгофѣ (имѣніи, купленномъ также у Жуковскаго), и пожертвовалъ маску Пушкина въ Юрьевскій университетъ“³⁾.

1) Именно по вопросу о мѣстѣ, гдѣ должна храниться маска, такъ какъ прямого отношенія къ нашей темѣ она не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что то, что высказывалось по этому поводу, въ большинствѣ носило характеръ не столько объективнаго обсужденія, сколько полемики. „Новое Время“ выражало надежду, что „можетъ быть найдутся люди, которые позаботятся о надлежащемъ помѣщеніи маски“ (1895, 11 іюля, № 6955) и раздѣляло мысль „Р.Вѣстника“ о перенесеніи ея въ Императорскую Публичную Библиотеку (1895, 24 іюля, № 6968); „Гражданинъ“ высказывался за Александровскій Лицей (См. Риж. Вѣстникъ 1895, 12 іюля, № 152 и 15 іюля, № 155); нѣмецкая мѣстная юрьевская газета, „Neue Dörptsche Zeitung“, наоборотъ, отстаивала права Университета, какъ собственника, хранившаго маску въ теченіе двухъ поколѣній (около 50 лѣтъ), и допускала возможность найти въ помѣщеніяхъ Имп. Публичной Библиотеки другой экземпляръ такой же маски (1895, 19 Julii, № 160). Другая мѣстная газета, русская — „Прибалтійскій Листокъ“, отстаивала ту же точку зрѣнія (Приб. Лист. 1895, 24 іюля, № 27—28).

2) См. Рижскій Вѣстникъ 1895, 13 іюля, № 153.

3) К—ій, Гипсовая маска Пушкина. Москов. Вѣдомости 1895, 18 іюля, № 195.

Было высказано и третье предположеніе: „Neue Dörptsche Zeitung“ называла¹⁾ профессора Моргенштерна, исходя, вѣроятно, изъ того соображенія, что маска хранилась въ Библиотекѣ въ отдѣленіи, носящемъ имя этого послѣдняго. Моргенштернъ, извѣстный въ свое время дерптскій профессоръ по кафедрѣ древнеклассической филологіи, большой эстетикъ и тонкій цѣнитель искусствъ, положившій не мало заботъ на устройство университетской Библиотеки, лежавшей на его попеченіи²⁾, стоялъ въ дружескихъ связяхъ съ Жуковскимъ и могъ, по мнѣнію газеты, получить маску отъ послѣдняго.

Впрочемъ почти тотчасъ же газета имѣла возможность исправить свою ошибку, напавъ на точный слѣдъ³⁾, и назвать дѣйствительнаго дарителя, профессора Розберга, получившаго ее въ 1856 г. при своемъ посѣщеніи Святогорскаго монастыря, въ даръ отъ П. А. Осиповой на самой могилѣ поэта и въ свою очередь передавашаго ее библиотекѣ Дерптскаго университета въ 60-хъ годахъ⁴⁾. Ту же версію повторила и другая мѣстная газета — „Прибалтійскій Листокъ“⁵⁾.

Если, наконецъ, удалось напасть на вѣрный слѣдъ касательно лица, подарившаго маску (хотя и въ слишкомъ неопредѣленной формѣ относительно первоисточниковъ, позволявшихъ связывать подарокъ съ именемъ Розберга и Осиповой),

1) „Neue Dörptsche Zeitung 1895, 19 Juli, № 160.

2) Онъ управлялъ ею до 1839 г.

3) Die Angabe beruht auf Mittheilungen, die anlässlich unserer Notiz aus dem Kreise der nächsten Angehörigen des weil. Professors Rosberg gemacht worden sind (Neue Dörptsche Zeitung 1895, 21 Juli, Nr. 162). Здѣсь имѣются въ виду сообщенія г-жъ Розбергъ, дочерей проф. Розберга.

4) Die Todtenmaske, welche die Freundin des verstorbenen Dichters (т. е. П. А. Осипова) an seinem Grabe Professor Rosberg überreichte, muss von Letzterem in den 60-er Jahren der hiesigen Universitäts-Bibliothek zum Geschenk gemacht worden sein. (Neue Dörptsche Zeitung 1895, 21 Juli, Nr. 162).

5) В., Маска Пушкина въ Юрьевѣ. Прибалтійскій Листокъ 1895, 24 іюля, № 27—28, стлбц. 418—420. Перепечатавая сообщеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ и отстаивая свою версію, „Neue Dörptsche Zeitung“ считала возможнымъ, что маска попала къ Осиповой отъ Жуковскаго еще при жизни послѣдняго, можетъ быть, при отъѣздѣ его за-границу (1895, 24 Juli, Nr. 163).

то по вопросу о томъ, что́ это за маска, копія или оригиналь, всѣ высказанныя сужденія не дали никакой твердой точки опоры для вывода.

Знакомый уже намъ авторъ замѣтки „Рижскаго Вѣстника“¹⁾ считалъ весьма возможнымъ видѣть въ маскѣ „единственную, современную, подлинную, а не копію съ оригинальной или эскиза: маска до того „мертва“, въ ней столько характерныхъ деталей, что по моему мнѣнію (добавлялъ онъ) не можетъ быть сомнѣній, что эта маска снята съ покойнаго поэта“²⁾. Онъ же еще раньше писалъ: „Маска (гипсовая), повидимому, снята сейчасъ же послѣ смерти, такъ какъ черты прекрасно сохранились (судя по портретамъ). Нѣсколько полуоткрытый ротъ, рядъ зубовъ, характерный типъ лица и впалые мертвые глаза“³⁾. Г. К-ій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, какъ мы уже видѣли, категорически признавалъ маску за оригиналь; съ своей стороны „Neue Dörptsche Zeitung“ считала мало-вѣроятнымъ, чтобы Жуковский такъ скоро послѣ смерти поэта подарилъ оригиналь⁴⁾. Когда оказалось, что маска раньше принадлежала П. А. Осиповой, то, допуская возможность, что послѣдняя владѣла оригиналомъ, для газеты еще оставался нерѣшеннымъ вопросъ: этотъ ли оригиналь или только копію съ него получилъ профессоръ Розбергъ⁵⁾; сообщеніе же „Московскихъ Вѣдомостей“ придало извѣстную долю вѣроятности въ пользу оригинала⁶⁾.

Соображенія провинціальныхъ газетъ вызвали въ „Новомъ Времени“ замѣтку г. Либровича⁷⁾, который напоминалъ уже

1) На этотъ разъ онъ подписался болѣе полнымъ именемъ.

2) Гражданскій инженеръ Мих. А. - н ш - н ѣ, Еще о маскѣ Пушкина въ Юрьевѣ. Рижскій Вѣстникъ 1895, 15 іюля № 155. Написано по поводу словъ „Гражданина“: „если она (маска) дѣйствительно снята съ поэта“.

3) Рижскій Вѣстникъ 1895, № 149.

4) N. D. Zeitung 1895, 19 Juli, Nr. 160.

5) N. D. Zeitung 1895, 21 Juli, Nr. 162.

6) N. D. Zeitung 1895, 24 Juli, Nr. 163.

7) С. Либровичъ, Маска Пушкина. Новое Время 1895, 31 іюля, № 6975.

извѣстныя намъ данныя изъ своей книги „Пушкинъ въ портретахъ“. Впрочемъ на этотъ разъ онъ отступилъ отъ прежняго предположенія и допускалъ снятiе лишь одной маски, считая университетскiй экземпляръ за копію. Свидѣтельство Жуковскаго въ „Послѣднихъ минутахъ“ относится, по мнѣнію г. Либровича, къ маскѣ, снятой на другой день послѣ смерти поэта, — „и другой маски, кромѣ этой снято не было. По крайней мѣрѣ очевидцы смерти Пушкина и слѣдовавшихъ за тѣмъ дней до погребенія поэта ничего о такой маскѣ не упоминаютъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ полагать, что маска, бывшая на Пушкинской выставкѣ, и та, о которой пишетъ Жуковскiй, есть одна и та же маска и что если имѣются еще какія либо маски Пушкина, то это лишь снимки съ подлинной маски“.

Заключительная мысль замѣтки состояла въ слѣдующемъ : „Сходство рисунка Жуковской съ маскою Юрьевскаго университета невольно наводитъ на мысль, что маска Пушкина, находящаяся въ Юрьевскомъ университетѣ, не есть подлинная посмертная маска, но лишь одна изъ тѣхъ копій, которыя въ свое время выпустилъ въ продажу Палацци“.

Трудно понять, что именно могло навести г. Либровича (самъ онъ университетской маски не видалъ) на мысль объ этомъ сходствѣ; однако, не смотря на категорическое опроверженіе ¹⁾, „Историческiй Вѣстникъ“ въ сводной статьѣ по возникшему вопросу принялъ его точку зрѣнія ²⁾.

Сказаннымъ исчерпывается литература, посвященная маскѣ, принадлежащей Библиотекѣ Императорскаго Юрьевскаго университета.

1) Мих. А.-нъ, Еще о „маскѣ“ Пушкина въ Юрьевѣ. Рижскiй Вѣстникъ 1895, 2 августа, № 169. То же и въ N. D. Zeitung 1895, 3. August, № 172.

2) „Доводы г. Либровича, повидимому, вполне убѣдительны и едва ли могутъ быть поколеблены появившимся въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ письмомъ г. М. А-на“ (Маска Пушкина. Историч. Вѣстникъ 1895, сентябрь (въ отдѣлѣ смѣси), стр. 815—817).

Михаилъ Петровичъ Розбергъ былъ современникомъ Пушкина, почти въ однихъ годахъ¹⁾, и лично зналъ поэта. Хотя и нѣмецъ по происхожденію, онъ былъ русскимъ по воспитанію, и при томъ настолько, что роднымъ нѣмецкимъ языкомъ владѣлъ далеко не съ такою легкостію, какъ русскимъ²⁾. Первыя дѣловыя бумаги его, по вступленіи въ Дерптскій университетъ, написаны или порусски, или по-французски, и лишь позже переходитъ онъ на общеупотребительный въ то время въ здѣшнемъ университетѣ языкъ. Письмо его, недавно напечатанное въ „Историческомъ Вѣстникѣ“³⁾, доказываетъ не только полную свободу въ русской рѣчи, но и несомнѣнный навыкъ къ изящнымъ литературнымъ формамъ.

Родившись въ Москвѣ, Розбергъ и образование закончилъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1825 г., со степенью кандидата философіи. Первое время по окончаніи курса, онъ продолжалъ жить въ первопрестольной и здѣсь познакомился съ Пушкинымъ. Вотъ какъ впоследствии онъ самъ вспоминаетъ объ этомъ: „Я вспомнилъ день, осенью 1826 года, въ который я встрѣтился у Веневитинова, вечера нашихъ общихъ, согрѣтыхъ огнемъ юности, шировъ у Полевыхъ, за Сухаревой башней; мнѣ мерещилось гулянье подъ Новинскимъ, гдѣ я видѣлъ, какъ толпы народа ходили за славнымъ пѣв-

1) Г. Троицкій говоритъ, что онъ родился въ 1804 г. (Могила Пушкина въ 1856 году. Историч. Вѣстникъ 1899, май, стр. 751); въ послужномъ спискѣ Розберга вообще сказано, что въ 1845 г. ему было 40 лѣтъ (Архивъ Юрьевского университета).

2) Herr Michael Rosberg ist zwar in einer ursprünglich deutschen Familie in Moskau geboren, muss jedoch nach dem ganzen Gange seiner Erziehung und Bildung als Russe von Nation betrachtet werden, da er, wiewohl er sich der deutschen Sprache durch Studium in dem Grade bemächtigt hat, dass er in derselben abgefasste Werke selbst aus dem Fache der speculativen Philosophie ohne Schwierigkeit liest und versteht, doch das Deutsche nicht zum bequemen Gebrauch der mündlichen Unterhaltung beherrscht (Архивъ Юрьевского Университета).

3) 1899, № 5.

цомъ Эльборуса и Бахчисарая, при восклицаніяхъ съ разныхъ сторонъ — укажите! укажите намъ его! . . .“ 1).

Въ 1829 г. Розбергъ поступаетъ на службу въ Одессу чиновникомъ особыхъ порученій при Бессарабскомъ и Новороссійскомъ генераль-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ, а съ 1830 г. по 1834 издаетъ „Одесскій Вѣстникъ“. Тогда же Розбергъ назначенъ былъ учителемъ русской литературы въ Ришельевскомъ лицѣѣ, а годъ спустя занялъ, все тамъ же, „профессорскія каедры исторіи и русской словесности, первую съ 20 октября, а послѣднюю съ 14 декабря 1831 года и продолжалъ преподаваніе до 1 сентября 1835 года“ 2). Здѣсь застало его избраніе на каедру русскаго языка и литературы, которую онъ занималъ въ теченіе свыше 30 лѣтъ (1836—1867), когда за выслугою 35-лѣтняго срока службы вышелъ въ отставку 3). Членъ Академіи Наукъ по 2 отдѣленію съ 1849 г. 4), Розбергъ скончался въ Дерптѣ 1 ноября 1874 г. 5).

Хотя московское знакомство Розберга съ Пушкинымъ, повидимому, было довольно мимолетно, на тѣхъ вышеупомянутыхъ свиданіяхъ и оборвалось; но для новаго профессора, съ переѣздомъ въ Дерптъ, лежащія по сосѣдству, въ разстояніи какихъ-нибудь сутокъ или полутора ѣзды, Михайловское и Тригорское могли имѣть притягательную силу уже по одному имени Пушкина, съ нимъ связанному. Кромѣ того не забудемъ, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ культурныя связи, литературныя и научныя, по ту и по другую сторону Пейпуса (любопытная, но мало еще обследованная страничка изъ исторіи нашей общественности) вообще были довольно оживленными. Стоитъ вспомнить Жуковскаго, Язы-

1) Могила Пушкина въ 1856 году. Историч. Вѣстникъ 1899, май, стр. 753.

2) Архивъ Юрьевскаго университета.

3) Архивъ Юрьевскаго университета.

4) Историческій Вѣстникъ 1899, май, стр. 751.

5) Архивъ Юрьевскаго университета. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1899, май, стр. 751, конечно, опечатка: 1847 вм. 1874 г.

кова, Пушкина, Вульфа, Елагину, Зейдлица, псковскаго архіепископа Евгенія (Болховитинова) и рядъ дерптскихъ профессоровъ, чтобы понять о чемъ я говорю.

Профессору русской литературы вполне естественно было посѣтить мѣста, освященныя вдохновеніемъ поэта, и вотъ лѣтомъ 1856 г. Розбергъ, дѣйствительно, собрался туда. Онъ испросилъ себѣ двухмѣсячный отпускъ¹⁾, во второй половинѣ іюля явился гостемъ въ Александровѣ, имѣніи Сердобиныхъ, отсюда совершилъ поѣздку въ Голубово, къ Вревскимъ, гдѣ познакомился съ А. Н. Вульфомъ; потомъ „вдвоемъ“ съ магистромъ Дерптскаго университета Солнцевымъ съѣздили въ Святогорскій монастырь поклониться праху поэта, а на обратномъ пути заѣзжалъ въ Михайловское и Тригорское, имѣніе Осиповыхъ²⁾. Долго ли онъ здѣсь пробылъ, видѣлъ ли онъ кого, къ сожалѣнію, Розбергъ въ недавно напечатанномъ письмѣ своемъ къ брату ни о чемъ объ этомъ не упоминаетъ ни словомъ. Только однажды, говоря о знакомствѣ въ домѣ Вревскихъ съ Вульфомъ, Розбергъ замѣчаетъ, что „отъ него (т. е. Вульфа) и отъ сестеръ его по второму замужству его матери, двѣицъ Осиповыхъ, слышалъ я много любопытныхъ наглядныхъ подробностей“³⁾. Но гдѣ видѣлъ онъ Осиповыхъ, въ Голубовѣ или у нихъ дома, въ Тригорскомъ?

Нельзя не обратить вниманія и на полное умолчаніе объ Осиповой-матери, Парасковѣ Александровнѣ, которая, конечно, всего больше могла бы сообщить Розбергу подробностей о Пушкинѣ. П. А. Осипова была въ ту пору еще жива, хотя уже и въ преклонномъ возрастѣ, 76 лѣтъ⁴⁾. Впрочемъ умолчаніе о П. А. еще не доказательство, чтобъ Розбергъ съ ней не видался. Не говоря про то, что въ „Историческомъ

1) Съ 19 іюня по 19 августа. Архивъ Юрьевскаго университета.

2) Могила Пушкина въ 1856 году. Историч. Вѣстникъ 1899, май, стр. 751—752.

3) Ibidem, 752.

4) Она умерла въ 1859 г. (Ефремовъ, А. С. Пушкинъ. Русская Старина 1879, т. 26, октябрь, стр. 296).

Вѣстникъ“ помѣщенъ лишь „отрывокъ“ письма, но и самое „письмо“ по формѣ и характеру изложенія скорѣе смахиваетъ на записку, какой-нибудь отчетъ, а не на бесѣду, какая ведется въ обычной перепискѣ. Да если получать было Розбергу маску, то, конечно, не отъ дочерей, а отъ матери, которая въ семьѣ одна только и могла распорядиться такою вещью.

Фактъ же полученія Розбергомъ маски отъ П. А. Осиповой опирается на категорическое заявленіе дочерей проф. Розберга, дѣвицъ М. М. и Е. М. Розбергъ, и понынѣ живущихъ въ г. Юрьевѣ: „Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1856 г., при посѣщеніи могилы Пушкина, П. А. Осипова подарила М. П. Розбергу маску Пушкина. Отчего проф. Розбергъ не упоминаетъ объ этомъ въ напечатанномъ письмѣ къ брату, неизвѣстно. Не потерялось ли второе письмо, въ которомъ описана поѣздка въ Тригорское и передача маски? Теперь узнать это невозможно за смертію всѣхъ свидѣтелей и участвовавшихъ лицъ. На запросъ объ маскѣ одна изъ дочерей барона Вревскаго отвѣчала, что у бабушки ея, П. А. Осиповой, были три маски Пушкина, а послѣ смерти нашли только двѣ“.

Подаренную маску Розбергъ привезъ, тщательно укутавъ ее въ вату.

Мы видѣли выше, что лица наиболѣе близкія къ Розбергу считаютъ, что маска была передана Осиповой на самой могилѣ поэта. Между тѣмъ изъ письма Розберга довольно ясно, что при немъ въ Святогорскомъ монастырѣ, кромѣ спутника Солнцева, никого изъ пріѣзжихъ не было; разумѣется, онъ могъ вторично съѣздить туда, изъ Тригорскаго, вмѣстѣ съ старушкой Осиповой; но если даже и допустить, что послѣдняя была на это въ силахъ, все же чувствовалась бы нѣкоторая натянутость въ предположеніи (а оно въ такомъ случаѣ неизбѣжно), что Осипова нарочно брала маску изъ Тригорскаго и возила ее въ Святогорскій монастырь для врученія, тогда какъ гораздо проще это можно было бы сдѣлать въ самомъ домѣ. Тѣмъ не менѣе въ виду источника, изъ котораго сложилось

такое представлѣніе, мы не имѣемъ права отвергать его, тѣмъ болѣе что то, что кажется въ нашъ вѣкъ натянутымъ и ненатуральнымъ, для людей, воспитанныхъ въ эпоху романтизма, могло быть движеніемъ вполне естественнымъ.

Впрочемъ вопросъ о пунктѣ, гдѣ маска изъ однихъ рукъ перешла въ другія, въ настоящемъ случаѣ не играетъ никакой роли. Съ другой стороны, если вспомнить, что поѣздка Розберга имѣла главною цѣлью Пушкина, мѣста, освященныя его именемъ, что не даромъ и въ описаніи самой поѣздки особенно выдвинуто посѣщеніе могилы поэта и тѣ мысли, что были вызваны ея созерцаніемъ, — то легко допустить, что у собесѣдниковъ и слушателей Розберга съ годами детали этой поѣздки, отдѣльные эпизоды въ общемъ окристаллизовались въ одной фразѣ: Пушкинъ и его могила.

По свидѣтельству г-жъ Розбергъ, маска была передана лично ихъ отцомъ бібліотекарю университетской Библіотеки въ шестидесятыхъ годахъ, безъ какого-либо письменнаго заявленія, какъ и вообще все, что передавалъ туда же онъ или родственники послѣ его смерти. Отсутствіе такого письменнаго заявленія лишаетъ насъ возможности точнѣе приурочить время поступленія маски въ Университетъ, такъ какъ и сами г-жи Розбергъ не помнятъ точнаго года; поиски же мои въ университетскомъ архивѣ, своими отрицательными результатами, тоже подтверждаютъ отсутствіе письменныхъ слѣдовъ.

Остается разсмотрѣть вопросъ объ „оригинальности“ университетской маски. Определенно сказать, оригиналь ли это или копія, при наличности настоящихъ данныхъ (они всѣ исчерпаны на предыдущихъ страницахъ), положительно невозможно. Заявленія въ родѣ тѣхъ, что мы уже читали выше¹⁾, что маска эта „единственная подлинная“, что именно она снята съ покойнаго поэта, — не заключая въ себѣ ничего невѣроятнаго, все же строгихъ требованій критики не удо-

1) См. выше стр. 51.

влетворять: для этого прежде всего необходимъ былъ бы голосъ специалиста и чисто техническое сравненіе тѣхъ отличій, которыя могутъ или должны существовать между копіей и оригиналомъ, указаніе той степени близости или отдаленности, съ какою передаются черты лица такимъ оригиналомъ и копію.

Съ другой стороны, мнѣ кажется, во всемъ этомъ вопросѣ до сей поры упускался изъ вниманія одинъ важный, очень существенный вопросъ: повидимому, никто не далъ себѣ труда задуматься, чтó собственно въ подобныхъ маскахъ слѣдуетъ считать оригиналомъ, чтó копію. Насколько можно судить по приведеннымъ мнѣніямъ, подъ оригиналомъ всѣ понимали маску, непосредственно наложенную на лицо и по которой выливались всѣ остальные; эти же послѣднія, отлитыя по той, первой, и были копіями.

Но ошибочность такого представленія легко раскроется, если вспомнить самый процессъ приготовления масокъ: гипсъ, наложенный непосредственно на лицо, не дастъ еще маски, а лишь то, что, пользуясь фотографическимъ терминомъ, можно было бы назвать негативомъ; съ такого-то негатива и получаютъ отпечатки-позитивы: первый, второй, третій и т. д. Всѣ они будутъ оригиналы, собственно же копію будетъ маска, отлитая по одному изъ такихъ позитивныхъ оригиналовъ. Отсюда ясно, что то, что до сихъ поръ въ литературѣ Пушкинской маски понимали подъ выраженіемъ „оригиналъ“, дастъ лишь обратное изображеніе лица (впадину вмѣсто носа, бугоръ вмѣсто открытаго рта и т. п.); и такой „оригиналъ“ цѣнень не самъ по себѣ, но лишь какъ орудіе для послѣдующаго затѣмъ процесса въ преслѣдованіи намѣченной цѣли.

Гдѣ основной негативъ — мы не знаемъ; въ виду типичности чертъ университетской маски и, повидимому, маски, чтó принадлежитъ г-жѣ Сѣмечкиной, можно думать, что онѣ обѣ оригиналы, а такихъ оригиналовъ, по всей вѣроятности сдѣлано было нѣсколько. Взаимное отношеніе этихъ двухъ

масокъ, можетъ быть, удалось бы до нѣкоторой степени опредѣлить путемъ сличенія ихъ размѣровъ. Привожу размѣры университетской маски, что дастъ нѣкоторое понятіе и о лицѣ самого Пушкина:

1. Длина маски отъ верхняго ея края до нижняго вдоль линіи носа — $23\frac{1}{2}$ сент.
2. Ширина маски отъ лѣваго ея края до праваго вдоль глазныхъ яблокъ и по переносицѣ — $20\frac{1}{2}$ сент.
3. Ширина маски отъ лѣваго края до праваго, проводя линію подъ носомъ — $18\frac{1}{3}$ (съ третью) сент.
4. Ширина маски отъ лѣваго края до праваго, по линіи, проходящей между губами — 15 сент.
5. Разстояніе отъ праваго (внѣшняго) края праваго глаза (собственно вѣка) до лѣваго (внѣшняго) края лѣваго глаза (собственно вѣка) — $11\frac{3}{4}$ (три четверти) сент.
6. Длина носа — 6 сент.
7. Длина рта — 6 сент.
8. Открытость рта, отъ нижней части верхней губы до наружнаго края нижней, по серединѣ рта, на линіи носа — 1 сент.

Если считать, что копіи обыкновенно значительно слабѣе, по выразительности, то маску университетскую, внѣ всякаго спора, слѣдуетъ отнести къ разряду оригинальныхъ. Она прекрасно передаетъ всѣмъ извѣстныя черты поэта: явственно отпечатлѣлись на ней толстыя, мясистыя губы; прямой, у конца слегка погнутый къ низу, носъ съ широкими раздавшимися ноздрями; широкій открытый лобъ съ мощной надглазною костью. Въ числѣ мелкихъ подробностей особенно бросается небольшая ямка, точно вдавленная пальцемъ, на правомъ вѣкѣ, въ части обращенной къ носу; замѣчаются также два небольшихъ углубленія и на лбу, надъ лѣвымъ глазомъ, но одно изъ нихъ едва-едва примѣтно. Ротъ даетъ возможность если не видѣть, то по крайней мѣрѣ чувствовать рядъ зубовъ.

Печать смерти лежитъ на всемъ лицѣ, и эта смерть такъ „живненна“, такъ очевидна: лицевые мускулы и мускулы на

лбу сильно напряжены и выражаютъ усиленіе; глаза глубоко закрыты и чувствуется, что ничто уже не подниметъ ихъ болѣе: полуоткрытый ротъ точно окостенѣлъ и какъ разъ въ ту минуту, когда умирающій поэтъ, собравъ послѣднія силы, полною грудью произноситъ свои слова, съ которыми, по свидѣтельству современниковъ,¹⁾ онъ окончательно покинулъ этотъ міръ: „прощай, жизнь!“ — жизнь, которая принесла ему столько мученій и которую онъ тѣмъ не менѣе такъ страстно любилъ. . . Вообще черты лица страданіемъ не искажены, но присутствіе смерти выражено настолько ясно, что невольно поддаешься тому торжественно-скорбному настроенію, какое обыкновенно производитъ на насъ зрѣлище только-что угасшей жизни.

При взглядѣ на эту маску само собой вспоминаются слова Жуковского, — онъ точно списывалъ съ нея: „Что выразилось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое, нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что-бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполне достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою, и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. . . . Конечно, того перваго выраженія, которое дала смерть, не сохранилось; но всѣ мы имѣемъ отпечатокъ привлекатель-

1) Записки Смирновой, т. II, стр. 83.

ный, изображающій не смерть, а глубокой и величественный сонъ“ 1).

Маска Пушкина покоится на гипсовой забронзированной подушкѣ, на нижней передней части которой (по зеленому фону) бронзовою краскою начертаны слова: „А. С. Пушкинъ“. Стекланный колпакъ предохраняетъ маску отъ пыли.

Ко дню 26 мая 1899 г. прежній колпакъ замѣненъ новымъ, болѣе широкимъ и удобнымъ, а гипсовая подушка вложена въ доску и вмѣстѣ съ нею обита плюшемъ темновишневаго цвѣта.

Эти строки были уже написаны, когда Юрьевскій университетъ получилъ изъ Парижа, отъ А. Θ. Онѣгина, въ даръ новый экземпляръ посмертной маски Пушкина, прекрасный слѣпокъ, хотя и уступающій по качествамъ полученному отъ Розберга: въ немъ менѣе подробностей, мускулы болѣе сглажены, все лицо не такъ индивидуализировано; не такъ ясно прочерчены глаза, не такъ чувствуются зубы, не столь отчетливо обозначены ноздри: и то, и другое, и третье представляется какъ бы заплывшимъ, точно снимокъ производился со вторичнаго негатива. Волосы на бакахъ на маскѣ проф. Розберга виднѣе и опредѣленнѣе, ямка на правомъ вѣкѣ — нѣсколько большихъ размѣровъ. Что же до двухъ небольшихъ углубленій надъ лѣвымъ глазомъ, то въ новомъ снимкѣ одно, самое миниатюрное, исчезло совсѣмъ, другое же выражено слабѣе. Какъ бы замѣнъ этого нѣсколько повыше двѣ новыхъ впадинки, очерченныхъ довольно рѣзко, значительныя и по размѣрамъ, — между тѣмъ на присутствіе ихъ въ маскѣ проф. Розберга нѣтъ никакого даже намека. Наконецъ, и еще отличіе: маскѣ проф. Розберга приданъ глянецъ, какъ это прежде обыкновенно дѣлалось съ гипсовыми слѣпками; на маскѣ же г. Онѣгина глянца нѣтъ, что косвенно тоже свидѣтельствуешь, что этотъ оттискъ приготовленія болѣе

1) Сочиненія Жуковскаго, т. VI, стр. 18—19.

поздняго. Вдобавокъ у нея на кончикѣ носа и подъ ноздрями желтыя пятна — слѣды масла, которымъ предварительно снятія, вѣроятно, обмазывали негативъ. Размѣрами отдѣльныхъ частей своихъ¹⁾ новая маска совершенно тождественна съ прежнею.

Общаго подсчета всѣхъ существующихъ понынѣ масокъ еще не сдѣлано. Кромѣ нашихъ двухъ университетскихъ и г-жи Сѣмечкиной недавно заявлено объ экземплярахъ, принадлежащихъ сыну извѣстнаго художника, мировому судѣ П. Н. Ге²⁾ и А. А. Лишину³⁾. Авторъ замѣтки, указавшій на первый изъ этихъ двухъ, говоритъ, что масокъ существуетъ четыре. Было бы очень важно указать основанія, по какимъ утверждается эта цифра: это дало бы извѣстную точку опоры въ сужденіяхъ объ оригиналахъ и копіяхъ. Судя по газетамъ⁴⁾, и на Московской выставкѣ выставлена маска Пушкина; такимъ образомъ всего масокъ оказывается шесть. Которыя изъ нихъ копіи, которыя — оригиналы?

1) См. выше стр. 59.

2) Русскій, Пушкинская юбилейная выставка. Новое Время 1899, 17 мая, № 8339.

3) А. А. Лишинъ, Письмо въ редакцію. Новое Время 1899, 18 мая, № 8340.

4) Московскій Дневникъ. Россія 1899, 17 мая, № 20.

II.

П и с ь м о.

Письмо Пушкина, хранящееся въ Библиотекѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета, входитъ въ составъ коллекціи автографовъ, нѣкогда собранныхъ консерваторомъ Императорскаго Эрмитажа Шардіусомъ и подаренныхъ имъ въ 1852 г. нашему университету¹⁾.

Вотъ его содержаніе:

Милостивый Государь
Михаила Николаевичъ.

Братъ вчерашняго Австрійскаго императора Щепина возымилъ сильное желаніе быть принятымъ въ театральную школу. Препоручаю Его Высочество Вашему покровительству.

Сегодня или завтра ѣду въ П. б. на нѣсколько дней — надѣюсь при своемъ возвращеніи нати Васъ и все семейство Ваше въ добромъ здоровіи.

Весь Вашъ

14 іюля
Москва.

А. Пушкинъ.

На оборотѣ адресъ:

„Его Высокородію Милостивому Государю
Михайлу Николаевичу Загоскину“.

1) Письмо было уже напечатано г. Кордтомъ въ Русск. Старинѣ 1890, т. 67, августъ, стр. 292, но безъ указанія мѣстонахожденія автора и безъ опредѣленія года, къ которому слѣдуетъ его приурочить.

Письмо писано на простой плотной бумагѣ желтоватаго цвѣта безъ какихъ-либо водяныхъ знаковъ, формата четвертушки писчаго листа, запечатано красною сюргучною печатью съ изображеніемъ какого-то герба. Почтовый штемпель отсутствуетуесть. По почерку, письмо это очень сходно съ письмомъ Пушкина къ Погодину отъ 6 января 1830 г., факсимиле съ котораго приложено къ сочиненіямъ поэта, изд. подъ редакціей г. Ефремова, при томѣ VII¹⁾: то же начертаніе буквъ Д, Я, такія же широкія тире; вообще совершенно одинаковая манера письма, развѣ лишь только съ болѣе ускореннымъ и торопливымъ ритмомъ движенія пера. Что же до болѣе точной даты, то ее необходимо отнести къ тому же 1830 году, и не столько въ силу только-что указаннаго сходства, сколько потому что пребываніе Пушкина въ Москвѣ 14 іюля было бы трудно, даже невозможно приурочить къ инымъ годамъ.

Письмо писано къ Загоскину и имѣетъ въ виду ходатайство, исполненіе котораго зависѣло отъ послѣдняго по его отношеніямъ къ театральной школѣ. Для Загоскина же эти отношенія начались съ 1823 г., когда Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ былъ назначенъ директоромъ московскихъ театровъ, а онъ определенъ въ контору дирекціи членомъ по хозяйственной части²⁾. Въ должности этой Загоскинъ продолжалъ оставаться и въ 1830 г., лишь съ 1831 г. занявъ мѣсто Кокоскина³⁾. Эти данныя указываютъ намъ исходную точку въ дальнѣйшихъ поискахъ. Едва ли надо доказывать, что до 1823 г. печатаемаго нынѣ письма Пушкинъ писать не могъ; по выходѣ изъ Лицея, лѣтніе мѣсяцы 1817—1819 гг. онъ проводитъ у своихъ, въ Михайловскомъ, и живетъ въ Петербургѣ, еще не заглядывая въ Москву, а 5 мая 1820 г. покидаетъ столицу и ѣдетъ на югъ. Эти годы какъ разъ совпадаютъ съ пребываніемъ въ Петербургѣ и Загоскина, переѣхав-

1) М. 1882, изд. Анскаго.

2) Сочиненія М. Н. Загоскина. Томъ I. Спб. 1889, стр. LVI.

3) Ibidem, LXXXIV.

шаго на постоянное жительство въ Москву въ половинѣ 1820 г. ¹⁾.

Съ 1820 г. до 30 мая 1824 г. Пушкинъ пробылъ на югѣ, затѣмъ болѣе двухъ лѣтъ въ Михайловскомъ и лишь въ сентябрѣ 1826 г. появился въ Москвѣ. Пробывъ тамъ зиму 1826—27 г., Пушкинъ весною переѣхалъ въ Петербургъ, которымъ помѣчены между прочими письма его къ Языкову и Бенкендорфу отъ 14 іюня и 20 іюля. Въ концѣ же іюля онъ опять въ Михайловскомъ ²⁾. Въ 1828 г. извѣстно его письмо Соболевскому отъ 15 іюля изъ Петербурга; лѣто 1829 г. посвящено Кавказу; 6-мъ и 16-мъ іюля 1831 г. помѣчены его письма Чаадаеву и Плетневу изъ Царскаго Села; 11-мъ іюля 1832 г. — письмо Погодину изъ Петербурга. 6 іюля 1833 г. у Пушкина родился сынъ, и поэтъ все лѣто провелъ съ семьею въ Петербургѣ ³⁾ и лишь 18 августа выѣхалъ черезъ Москву въ Болдино и въ Приволжскія губерніи ⁴⁾; въ 1834 г. намъ извѣстно письмо его къ женѣ отъ 14 іюля изъ Петербурга; въ 1835 іюль мѣсяцъ проводитъ онъ тамъ же ⁵⁾. Наконецъ, въ 1836 г. онъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Москву въ маѣ мѣсяцѣ ⁶⁾, вернулся 23 мая ⁷⁾, прожилъ на берегахъ Невы до конца іюня ⁸⁾ и поѣхалъ затѣмъ въ деревню.

1830 годъ опредѣляется сверхъ того и самымъ содержаніемъ настоящаго письма: „Сегодня или завтра ѣду въ Петербургъ“, говоритъ Пушкинъ. И дѣйствительно, 20 іюля 1830 г. онъ былъ уже дома: 19-го (это было въ пятницу)

1) *Ibidem*, XLII.

2) См. письмо Дельвигу отъ 31 іюля 1827 г.

3) См. письма его оттуда отъ 26 и 30 іюля.

4) Павлицевъ, Изъ семейной хроники. Истор. Вѣстникъ 1888, октябрь, 38—39.

5) *Ibidem*, декабрь, 565. Ср. письмо Пушкина изъ Петербурга, отъ 22 іюля 1835 г.

6) Оттуда его письма 4—18 мая.

7) Павлицевъ, Изъ семейной хроники. Истор. Вѣстникъ 1888, декабрь, 584.

8) *Ibidem*, 585.

мать его, Н. О. Пушкина, пишетъ дочери Ольгѣ Сергѣевнѣ изъ Петербурга: „Александра здѣсь еще нѣтъ; впрочемъ его надо ожидать съ минуты на минуту 1);“ она же ей отъ 22 іюля, т. е. въ понедѣльникъ: „Александръ, наконецъ, съ нами. Приѣхалъ онъ въ прошлую субботу. Проведя цѣлый день вмѣстѣ, мы простились со Львомъ. Нашъ храбрый капитанъ уѣхалъ въ воскресенье“ 2). Капитанъ Левъ — это братъ поэта, отправлявшійся черезъ Москву на Кавказъ къ мѣсту своего служенія. Съ нимъ Пушкинъ отправилъ письмо своей невѣстѣ, Н. Н. Гончаровой, написавъ его въ первый же день своего приѣзда 3).

14 іюля 1830 г. приходилось на воскресенье. Записка Загоскину не имѣетъ ли отношенія къ какому-нибудь спектаклю, можетъ быть домашнему? Имя Щепина-актера встрѣчается въ театральной хроникѣ московскихъ газетъ тридцатыхъ годовъ.

1) П а в л и щ е в ъ , Ibidem, іюнь, 578.

2) Ibidem.

3) Письмо 20 іюля 1830.

А. И. Вильборгъ, СПб. Мѣщ. 2.

А. И. Вильборгъ, СПб. Мѣщ. 2.

А. И. Вильборгов, СПб. Мюнх. 2.

Министръ Гоголь

Министръ Министровъ

Срочно выписавъ Александру Николаевичу
распоряженія въ отношеніи сибирскихъ
присланій въ томъ отношеніи, въ которомъ
напечатано выше, прошу Васъ сообщить
своему Высочеству по предмету

Срочно и въ срочномъ порядке № 5
на означеннаго дня — прошу Васъ
своему Высочеству сообщить о томъ, какъ
судите о сибирскихъ присланіяхъ въ
общемъ —

14 июля
Князь

Вашъ покорный
Служащій

Г-но Александрову
с Мускомы, Торгбас
Мускомы Мускомы
Бароскы

Пушкинъ какъ идеалъ душевнаго здоровья.

Пушкинъ такъ великъ, произведенія его такъ содержательны, что изученіе его жизни и произведеній поучительно не только для художника, моралиста, государственнаго дѣятеля и историка, но и для врача. Въ произведеніяхъ Пушкина врачъ найдетъ отвѣтъ на весьма важные вопросы — въ чемъ состоитъ идеалъ душевнаго здоровья? въ какомъ отношеніи стоитъ гений къ помѣшательству?

Эти вопросы имѣютъ особенное значеніе въ наше время и должны быть выяснены для пониманія личности нашего великаго поэта.

Еще Аристотель подмѣтилъ, что между талантливыми людьми много страдающихъ меланхоліей. Особенное вниманіе на это обстоятельство обратилъ Ревеллье - Парисъ; онъ полагалъ, что нервныя и душевныя болѣзни часто поражаютъ талантливыхъ людей, потому что они переутомляются, потому что ихъ нервная система не выдерживаетъ постояннаго усиленнаго возбужденія. Знаменитый французскій психіатръ Моро, а затѣмъ Ломброзо утверждали, что „гений есть нейрозъ“. Книга Ломброзо (*L'uomo di genio*) возбудила всеобщее вниманіе; особенно много для пропаганды этой идеи сдѣлалъ Максъ Нордау. Несомнѣнную заслугу Моро и Ломброзо составляетъ то, что они вѣрно подмѣтили тотъ фактъ, что душевныя и нервныя болѣзни у талантливыхъ людей врожденныя, а не прибрѣтенныя,

что эти заболѣванія не обусловлены усиленными занятіями, душевными волненіями.

Не останавливаясь на изложеніи и разборѣ ученія Ломброзо объ отношеніи генія къ помѣшательству, мы должны согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что многіе талантливые писатели дѣйствительно страдали врожденными нервными и душевными болѣзнями. Такъ какъ наши свѣденія о жизни и дѣятельности великихъ людей вообще мало достовѣрны, то лучше ограничиться біографіями поэтовъ нашего столѣтія. Альфредъ де Мюссе, Эдгардъ Поэ, Боделаръ, Верлэнъ, Гоголь, Писемскій безспорно были психопаты, Флоберъ и Достоевскій эпилептики. Я не упоминаю въ ихъ числѣ Гейне и Мопассана, потому что они оба страдали пріобрѣтенными, а не врожденными болѣзнями центральной нервной системы. По понятнымъ причинамъ я упоминаю только покойныхъ писателей.

И такъ, дѣйствительно, геній имѣетъ какое то родство съ помѣшательствомъ, между геніальными людьми не мало нервно- и душевно- больныхъ, и мы должны выяснить, насколько вѣрна теорія Ломброзо относительно нашего геніальнаго поэта, выяснить, каково было его душевное здоровье.

Выясненіе этого вопроса однако не исчерпываетъ всей задачи изученія психіатромъ жизни и произведеній Пушкина. Это изученіе приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что Пушкинъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ психіатру матерьялы для сужденія, чѣмъ отличаются произведенія больныхъ гениевъ отъ твореній идеально здороваго, что характеризуетъ созданія здороваго генія, и главное въ чемъ состоитъ идеальное душевное здоровье.

Иаученіе жизни Пушкина убѣждаетъ психіатра въ томъ, что онъ обладалъ полнымъ психическимъ здоровьемъ. Намъ извѣстно, что родители его были люди здоровые, также вполне здоровы были его братъ и сестра. Можно сомнѣваться относительно психического здоровья отца его ма-

тери, но, во первыхъ, ничего положительнаго относительно его здоровья намъ неизвѣстно, во вторыхъ, душевная болѣзнь дѣда лишь крайне рѣдко имѣетъ значеніе относительно здоровья внука. Дикія выходки, жестокость, бѣшенная ревность въ доброе старое время могли быть обусловлены дурнымъ воспитаніемъ и безнаказанностью и, къ сожалѣнію, здоровые въ этомъ отношеніи не уступали больнымъ.

Пушкинъ умеръ въ такомъ возрастѣ, что мы имѣемъ полное право утверждать, что врожденныхъ, конституціальныхъ аномалій нервной системы у него не было. Эти аномаліи всегда обнаруживаются въ первой половинѣ нашей жизни. Кто пользовался психическимъ здоровьемъ до 37 лѣтняго возраста, можетъ заболѣть лишь приобретенною душевною болѣзнію.

Пушкинъ обладалъ вполне здоровой нервной системой и только поэтому могъ перенести всѣ тѣ житейскія невзгоды, которыя выпали на его долю. Лица съ неустойчивою нервной системою обыкновенно заболѣваютъ отъ тѣхъ непріятностей, которыя перенесъ нашъ гениальный поэтъ.

Я, какъ психіатръ, удивляюсь, какъ могъ Пушкинъ перенести всѣ постигшія его бѣды.

Во первыхъ, оскорбительный деспотизмъ Бенкендорфа долженъ былъ въ высшей степени вредно дѣйствовать на нервную систему поэта, крайне дорожившаго своей духовной свободой. Уже одинъ деспотизмъ Бенкендорфа могъ бы довести до болѣзни нервнаго, болѣзненнаго человѣка.

Во вторыхъ, постоянныя заботы о деньгахъ, недостатокъ средствъ для удовлетворенія „потребностей“ жены непременно должны были крайне вредно вліять на здоровье Пушкина. Нельзя забывать, что эти заботы мѣшали поэту заниматься любимымъ дѣломъ, нарушали то спокойствіе души, которое такъ необходимо для творчества.

Въ третьихъ, крайне неблагоприятно на здоровье нервной системы должны были вліять постоянныя враждебныя отношенія къ Пушкину значительной части общества. Какъ

врачъ, я вполне могу оцѣнить значеніе этого обстоятельства; если въ разказахъ о томъ, какъ портили кровь Пушкину „свободы, генія и славы палачи“, хотя десятая доля правды, то и въ такомъ случаѣ нужно удивляться устойчивости нервной системы поэта.

Наконецъ, въ четвертыхъ, Пушкинъ много страдалъ отъ „безпокойствъ семейственныхъ, ревности“. Врачъ не долженъ обвинять кого либо; это не его дѣло; онъ долженъ лишь установить, что у Пушкина были „безпокойства семейственныя“. В. А. Нащокина (Новое Время, № 8343) такъ характеризуетъ Н. Н. Пушкину: „Вѣтеръ, вѣтеръ право, она какая-то казалась мнѣ безчувственная“. Не затрогивая вопроса о томъ, насколько Пушкинъ имѣлъ право ревновать свою жену, врачъ долженъ отмѣтить, что Пушкинъ ужасно страдалъ отъ сомнѣній. Конечно, ревность, даже совершенно неосновательная, чувствованіе вполне нормальное, при томъ-же поведеніе Дантеса было поистинѣ оскорбительно и возбуждало тяжкія сомнѣнія. Я самъ знаю случаи, когда вполне здоровые люди заболѣвали тяжелой неврастеніей вслѣдствіи тяжкихъ мукъ ревности.

Всѣ эти невзгоды не поколебали здоровья Пушкина; правда, онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, вздрагивалъ при внезапномъ шумѣ и т. п.; настроеніе духа сдѣлалось дурнымъ. Но вѣдь такое состояніе вполне нормально; несчастія вполне здороваго человѣка лишаютъ аппетита, сна, хорошаго настроенія духа. Пушкинъ даже не заболѣлъ неврастеніей, хотя несчастія, его постигшія, вредно вліяли на его здоровье въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Нужно-ли лучшее доказательство прекраснаго, идеальнаго здоровья? Лишь самые здоровые люди могутъ пережить все то, что пережилъ Пушкинъ; необладающіе идеальнымъ здоровьемъ отъ такихъ невзгодъ заболѣваютъ неврастеніей, помѣпательствомъ, спиваются, стрѣляются. Нашъ великій поэтъ не только не заболѣлъ, но даже творилъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Итакъ изученіе жизни Пушкина приводитъ насъ къ несомнѣнному заключенію, что онъ обладалъ прекраснымъ здоровьемъ, но такое заключеніе не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ вообще не было основанія подозрѣвать, что Пушкинъ имѣлъ патологическую организацію. Такое заключеніе имѣетъ значеніе для правильнаго пониманія произведеній Пушкина, для сравненія ихъ съ произведеніями больныхъ геніевъ.

Я, конечно, понимаю, насколько неодинаковы по достоинству произведенія названныхъ мною выше писателей, а потому эти произведенія не могутъ быть сравниваемы по ихъ достоинствамъ для того, чтобы установить различіе созданій здороваго и больнаго генія. Такъ какъ геніальность можетъ быть соединена съ помѣшательствомъ, то, очевидно, одно достоинство произведеній еще не свидѣтельствуешь о здоровьи ихъ автора, также какъ и ихъ ничтожество.

Произведенія здороваго генія отличаются по существу отъ произведеній больнаго генія; въ чемъ состоитъ это различіе, мы узнаемъ именно при сравненіи произведеній Пушкина съ произведеніями выше названныхъ писателей. Въ произведеніяхъ Пушкина прежде всего поражаетъ благородное стремленіе нашего поэта къ истинѣ, добру и красотѣ, пониманіе истины, добра и красоты.

Несомнѣнно, что душевное здоровье состоитъ именно въ стремленіи къ правдѣ, нравственному и красивому, въ ихъ пониманіи. Только здоровый можетъ любить и понимать истину, добро и красоту; больной, ненормальный психически или не любитъ ни истины, ни добра, ни красоты, или не способенъ понимать ихъ. Нѣкоторые дегенеранты способны къ пониманію истины, но не стремятся къ добру и красотѣ, нѣкоторые напротивъ любятъ красоту, но безучастны къ истинѣ и добру. Психопатъ не можетъ гармонически стремиться къ правдѣ, нравственному и красивому; чаще всего у нихъ нѣтъ любви и пониманія добра.

Конечно, пониманіе истины, добра и красоты далеко не одинаково въ томъ смыслѣ, что болѣе даровитые полнѣе понимаютъ истину, добро и красоту, но и мало одаренные здоровые люди стремятся къ правдѣ, нравственному, красивому и по мѣрѣ возможности осуществляютъ свои стремленія. Внѣшнія обстоятельства затрудняютъ однимъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ; напротивъ, другіе, благодаря хорошему воспитанію, постигаютъ истину, добро и красоту болѣе, чѣмъ люди хорошо одаренные. Но всѣ здоровые люди по мѣрѣ своихъ силъ непремѣнно стремятся къ гармоническому пониманію истины, добра и красоты и въ отличіе отъ больныхъ одинаково поклоняются и истинѣ, и добру, и красотѣ.

Изученіе произведеній Пушкина убѣждаетъ насъ, что именно нашъ великій поэтъ одинаково понималъ и истину, и добро, и красоту. Въ его произведеніяхъ мудрости не менѣе, чѣмъ высшей морали и чистой красоты. Право, трудно сказать, къ чему болѣе стремился Пушкинъ, что болѣе понималъ Пушкинъ — истину, добро или красоту.

Въ его произведеніяхъ содержится столько удивительно вѣрныхъ и глубокихъ сужденій, что, если-бы эти произведенія были написаны дурной прозой, онѣ читались бы съ большой пользой. Нужно замѣтить, что чѣмъ здоровѣе человѣкъ, то есть, чѣмъ правильнѣе развитъ его мозгъ, тѣмъ разностороннѣе его познанія. Геніальные психопаты именно отличаются тѣмъ, что имъ доступны только нѣкоторые отдѣлы знанія; рядомъ съ поразительно вѣрными и глубокими сужденіями въ ихъ произведеніяхъ встрѣчаются совершенно ложныя, парадоксальныя мысли. Напримѣръ въ произведеніяхъ Ницше великія идеи такъ переплетены съ поразительными парадоксами, что для психіатра несомнѣнна ненормальная организація этого геніальнаго мыслителя.

Пушкинъ обладалъ глубокими познаніями во всѣхъ областяхъ знанія своего времени и всѣ его сужденія о

всѣхъ затронутыхъ имъ вопросахъ поражаютъ своею ясностью и вѣрностью. Конечно, онъ не былъ ученый и потому никакихъ открытій онъ не сообщаетъ, но онъ воспринялъ и самостоятельно переработалъ всю мудрость своего времени. Трудно выяснить, какія идеи принадлежатъ самому поэту, что и у кого имъ взято, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Необычайно ясный и широкій умъ Пушкина проявился въ томъ, что онъ всегда умѣлъ отличить истину отъ заблужденія, говорилъ лишь о томъ, что хорошо зналъ, и о всемъ могъ сказать достойное изученія.

Я не могу изложить здѣсь все міровоззрѣніе нашего великаго поэта, не могу изложить всѣхъ его глубоко вѣрныхъ сужденій. Мнѣ приходится ограничиться лишь нѣсколькими примѣрами, чтобы указать какъ разносторонни и вѣрны были идеи поэта.

Даже въ такой специальной области знаній, какъ фізіологія, Пушкинъ имѣлъ самыя вѣрныя сужденія. Описавъ въ Полтавѣ нравственныя страданія Кочубея, Пушкинъ послѣ словъ: „Палачъ вошелъ“ ставитъ точки, и затѣмъ прибавляетъ только: „О ночь мученій“. Эти нѣсколько точекъ свидѣлствуютъ намъ, что Пушкинъ понималъ невозможность описать фізическія страданія; какъ вполне вѣрно говоритъ Goldscheider¹⁾, „боль подавляетъ духъ, прекращаетъ мышленіе, парализуетъ волю“²⁾. Нравственныя страданія, даже самыя ужасныя, поддаются описанію, но описать фізическія страданія не могъ даже Пушкинъ, и онъ это понималъ.

1) Ueber den Schmerz. S. 1.

2) Конечно, я понимаю, что описаніе физическихъ страданій, также какъ и физическихъ наслажденій, не „художественно“; только посредственные писатели пробовали описывать физические наслажденія, но именно потому такое описаніе и не художественно, что вѣрно описать физические наслажденія и страданія невозможно. Больше подробно объ этомъ вопросѣ я высказался въ моихъ работахъ: Боль (Вопросы философіи 1899); Біологическое обоснованіе пессимизма (Нейрологическій Вѣстникъ 1895).

Также поразительно вѣрно Пушкинъ высказался о невѣняемости душевно-больныхъ. Нужно замѣтить, что въ то время не только практически, но даже теоретически большинству вопросъ о невѣняемости душевно-больныхъ былъ мало понятенъ. Въ „Русалкѣ“ князь о сумашедшемъ мельникѣ говорить: „Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судить“.

Въ этихъ строкахъ Пушкинъ высказалъ самое вѣрное опредѣленіе душевной болѣзни и объяснилъ, почему душевно-больные невѣняемы. Гораздо позже лучшіе французскіе психіатры повторили сказанное Пушкинымъ, а именно знаменитый Baillarger сказалъ: „главный признакъ душевной болѣзни — это потеря воли“ (надъ нимъ всякъ воленъ), а Ball¹⁾ училъ: „душевно-больной — это человѣкъ . . . потерявшій болѣе или менѣе вполне свою нравственную свободу и потому сдѣлавшійся неотвѣтственнымъ передъ обществомъ за свои поступки (Богъ его не судить).

Для полноты изложенія я долженъ напомнить, что Ключевскій уже указалъ на удивительное проникновеніе въ прошлое Россіи нашего великаго поэта. Пушкинъ понималъ, почему наша армія въ царствованіе Екатерины II такъ побѣдоносно сражалась съ врагами; онъ оцѣнилъ скромнаго дѣятеля — Гринева, преданнаго долгу, добраго, честнаго офицера. Успѣхъ войскъ Екатерины II былъ непонятенъ даже хорошо-образованному специалисту — принцу де-Линь²⁾, который не могъ понять Гриневыхъ; благодаря Пушкину, мы знаемъ, кому обязана своей славой Россія.

Теперь, конечно, намъ вполне ясно, что Пушкинъ совершенно правильно понималъ современное ему состояніе Россіи; къ сожалѣнію, даже государственные люди долго не могли такъ ясно, такъ опредѣленно, какъ Пушкинъ, понять, что нужно Россіи, въ чемъ кроется причина ея не-

1) Ball. Leçons sur les maladies mentales.

2) Русская Старина. Т. 73.

устройствъ. Само собою разумѣется, что и до Пушкина были благородные патріоты, желавшіе разумныхъ улучшеній, понимавшіе что, намъ нужно. Нужно удивляться политическому гению поэта, совершенно точно резюмировавшему программу реформъ на много десятилѣтій впередъ. Пушкинъ не былъ политическій мечтатель, желавшій несбыточнаго, неосуществимаго; напротивъ, онъ ясно формулировалъ лишь исполнимое; лишь немногіе государственные люди могутъ сравниться въ этомъ отношеніи съ нашимъ поэтомъ.

Пушкинъ въ четырехъ строкахъ опредѣлилъ, что нужно для счастья Россіи:

Увижу-ли друзья, народъ неугнетенный
И рабство павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря!

Теперь это намъ кажется такимъ яснымъ и простымъ, а между тѣмъ сколько времени и труда понадобилось и еще понадобится для осуществленія благородныхъ пожеланій Пушкина!

Даже въ чисто-политическихъ вопросахъ Пушкинъ обнаружилъ не только вѣрное пониманіе, но даже прозрѣніе будущаго и, насколько можно судить по имѣющимся у насъ свѣденіямъ, понадобилось не менѣе тридцати лѣтъ для того, чтобы все поняли русско-польскія отношенія, такъ какъ понималъ ихъ Пушкинъ, въ 1831 г. сказавшій:

Оставьте; это споръ славянъ между собою
Славянскіе-ли ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ? Вотъ вопросъ.

Едва-ли нужны еще доказательства всесторонняго, яснаго ума нашего поэта; если мы сравнимъ его широкое и глубокое пониманіе общественной жизни съ тѣмъ, что по этому вопросу было высказано вышеназванными писателями,

намъ будетъ ясно, въ чемъ состоитъ разница между умственнымъ развитіемъ здороваго и больнаго генія. Въ произведеніяхъ Достоевскаго не мало глубокихъ и вѣрныхъ мыслей о настоящемъ положеніи Россіи, но не мало идей напр. объ отношеніи церкви и государства, крайне парадоксальныхъ. Боделаръ и Верлэнъ даже не интересовались дѣлами своей родины; взгляды Гоголя были по достоинству оцѣнены Бѣлинскимъ; односторонность Писемскаго не подлежитъ сомнѣнію.

Больной геній, напр. Достоевскій, можетъ достигнуть самаго совершеннаго пониманія нѣкоторыхъ вопросовъ, но не можетъ выработать такого всесторонняго и глубокаго міросозерцанія, какъ Пушкинъ. Большіе пробѣлы и крайне парадоксальныя идеи — неизбѣжныя послѣдствія патологической организаціи.

Несомнѣнно, что психопаты могутъ достигать самыхъ высокихъ вершинъ умственнаго развитія, могутъ обладать геніальными умственными способностями, самыми глубокими свѣденіями въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія; поэтому совершенство умственной дѣятельности еще не доказываетъ психическаго здоровья. Психопаты всегда отличаются нравственными дефектами; никогда ихъ нравственное развитіе не достигаетъ идеальнаго совершенства. Поэтому самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ идеальнаго душевнаго здоровья Пушкина должно служить высокое нравственное значеніе его произведеній.

Не только произведенія нашего великаго поэта, но и его жизнь убѣдительно доказываютъ намъ, что онъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ. Несомнѣнно, что нѣкоторые великіе люди своею безнравственною жизнію, своими пороками выдѣлялись изъ окружающей среды. Прочитавъ біографію Альфреда де Мюссе, Верлэна, Боделара, психіатръ не усумнится въ томъ, что эти лица были больные. Талантливые, а тѣмъ болѣе геніальные люди должны и въ нравственномъ отношеніи быть выше окружающей

среды и только патологической организацией можно объяснить безнравственность нѣкоторыхъ великихъ поэтовъ.

Жизнь Пушкина убѣждаетъ насъ, что въ нравственномъ отношеніи онъ стоялъ неизмѣримо выше окружающей среды. Его доброта и честность общеизвѣстны; онъ умѣлъ любить. Особенно поразительно нравственное величіе Пушкина проявилось въ его отношеніи къ женѣ; мало людей, способныхъ такъ горячо, такъ беззавѣтно любить, какъ любилъ Пушкинъ свою жену. Хотя онъ имѣлъ не мало основаній ревновать свою жену, онъ, умирая въ ужасныхъ мукахъ, относился крайне нѣжно къ женѣ, хотя она въ значительной степени была виновата въ смерти поэта; только великія чистыя души могутъ любить такъ горячо и потому все прощать.

Какъ врачъ, я не могу упрекнуть Пушкина за его ревность: это естественное, вполне нормальное чувство; люди, лишеныя этого чувствованія, или никогда не любили, или изломаны воспитаніемъ. Не могу не замѣтить, что я наблюдалъ нѣсколько психопатовъ, совершенно беззучастно относившихся къ прямо неприличному поведенію ихъ женъ.

Въ одномъ лишь можно упрекнуть Пушкина, это въ любовныхъ шалостяхъ; онъ не былъ пуританинъ, но „слабости и пороки неизбежныя спутники человѣка“, вполне вѣрно сказалъ Пушкинъ. Этотъ недостатокъ нашего великаго поэта съ лихвою искупался его рѣдкою, благородною любовью къ свободѣ. Если принять во вниманіе ту среду, въ которой выросъ и вращался Пушкинъ, становится непонятнымъ, какъ онъ могъ сохранить священную любовь къ свободѣ. Именно эта любовь къ свободѣ доказываетъ намъ, какъ богата была натура Пушкина; не мало ему пришлось пострадать за то, что въ нравственномъ отношеніи онъ былъ неизмѣримо выше среды. Онъ всю жизнь, не смотря на всѣ невзгоды, его постигшія, оставался гражданиномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Если-бы онъ хотѣлъ или, правильнѣе говоря, могъ подслуживаться, онъ

достигъ-бы всего того, чего добиваются обыкновенные способности аристократы. Что стоило ему поддерживать хорошія отношенія съ Воронцовымъ и Бенкендорфомъ ; при томъ благоволеніи, какое ему оказывалъ Императоръ Николай I, ему было такъ легко составить себѣ карьеру, но даже безумная любовь къ женѣ не могла заглушить того священнаго огня, который украшалъ высоконравственную натуру нашего поэта.

Произведенія поэта, конечно, имѣютъ гораздо болѣе значенія для оцѣнки его нравственной личности, чѣмъ его жизнь. Какъ ни высокъ былъ въ нравственномъ отношеніи Пушкинъ, но его произведенія еще болѣе возвышенны, еще болѣе нравственны. Онъ былъ не только великій поэтъ и крупный мыслитель, но пророкъ въ истинномъ значеніи этого слова. Если не считать нѣсколькихъ юношескихъ стихотвореній, не дѣлающихъ чести поэту, его произведенія высоко нравственная книга.

Самъ Пушкинъ цѣнилъ выше всего въ своихъ произведеніяхъ ихъ нравственное значеніе; онъ гордился не мудростью, не красотой своихъ произведеній: онъ ясно сознавалъ, что добро для людей имѣетъ больше значенія, чѣмъ красота и даже истина. Самымъ важнымъ, дающимъ право на бессмертіе въ своей дѣятельности, Пушкинъ считалъ стремленіе къ добру; онъ говоритъ :

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу
 И милость къ падшимъ призывалъ.

Чтобы вполне оцѣнить, какъ вѣрно, какъ глубоко Пушкинъ понималъ нравственную дѣятельность, напомнимъ, что еще недавно въ Московскомъ философскомъ обществѣ обсуждался вопросъ о задачахъ нравственной дѣятельности. Одни утверждали, что нравственная дѣятельность должна состоять въ общественномъ служеніи, въ дѣятельности на пользу

общества, другіе думали, что нравственная дѣятельность состоитъ въ личномъ самоусовершенствованіи. Пушкинъ вполнѣ ясно и убѣдительно доказалъ намъ въ своихъ произведеніяхъ, что нравственная дѣятельность именно состоитъ и въ общественномъ служеніи, и въ личномъ самоусовершенствованіи. Онъ такъ ясно, такъ рельефно указалъ на высокое значеніе работы на пользу общую, на великое значеніе личнаго усовершенствованія, что нужно только сожалѣть о нашемъ маломъ знакомствѣ съ произведеніями нашего великаго учителя.

Въ эпилогѣ Полтавы Пушкинъ яснѣе, чѣмъ кто либо выяснилъ все величіе работы на пользу родины:

Прошло сто лѣтъ и чтожь осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

.
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.

Пушкинъ потому поклонялся Петру Великому, что этотъ Царь „на тронѣ вѣчный былъ работникъ“. Пушкинъ высоко цѣнилъ общественную дѣятельность и трудъ на пользу народа: онъ благоговѣлъ передъ Петромъ именно потому, что это былъ Царь-работникъ.

Конечно, Ницше и декаденты иначе понимаютъ обязанности человѣка и не могутъ понять всѣ задачи нравственной дѣятельности. Своею главною заслугой Пушкинъ считаетъ то, что пробуждалъ добрыя чувства, возславилъ свободу и призывалъ состраданіе. Своимъ примѣромъ онъ побуждалъ всѣхъ по мѣрѣ своихъ силъ любить свободу, быть сострадательными и добрыми; только исполненіе этихъ обязанностей гражданина даетъ право, по убѣжденію Пушкина, на уваженіе. Безсмертіе, училъ насъ Пушкинъ, вотъ награда „вѣчнымъ работникамъ“, людямъ, любящимъ свободу, добрымъ и сострадательнымъ.

Насколько Пушкинъ былъ великъ въ нравственномъ отношеніи, можно судить по тому, что, когда ему было только двадцать лѣтъ, онъ уже ясно понималъ главную причину тяжелаго положенія народа, всею душею сочувствовалъ страданіямъ народа. Въ 1819 имъ написаны строки, истинное значеніе которыхъ оцѣнено лишь въ послѣдніе годы:

Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.

Только необычайной нравственной чуткостью можно объяснить такую удивительную прозорливость поэта; если-бы мысль, высказанная Пушкинымъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ наше время для всѣхъ была вполнѣ понятна, у насъ не было-бы безграмотности. Такого удивительнаго пониманія значенія образованія, такой возвышенной печали, мы не найдемъ ни у одного изъ выше-названныхъ писателей.

Какъ высоко-нравственный человѣкъ, какъ истинный гражданинъ, Пушкинъ глубоко презиралъ рабовъ по натурѣ, то-есть людей, не любящихъ свободы:

Къ чему стадамъ дары свободы.

Меня всегда удивляло, почему Пушкина порицали за его стихотвореніе — „Чернь“. Пушкинъ, какъ и всѣ моралисты сожалѣлъ, что для „черни“ земныя блага выше духовныхъ, упрекалъ чернь за ея равнодушіе къ высшимъ духовнымъ благамъ и предпочтеніе грубыхъ физическихъ наслажденій. Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ высказалъ великую мысль о различіи между чернью и избранными натурами, между Марфой и Маріей. Чернь всегда и всюду выше всего цѣнила печной горшокъ; лучшія, избранныя натуры стремились къ духовнымъ наслажденіямъ¹⁾. Объ-

1) Я имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости словъ Пушкина въ Ватиканскомъ Музеѣ въ 1888 г. Я сидѣлъ именно передъ Аполлономъ Бельвердерскимъ; на ту же скамейку сѣли два господина и продолжали бранить по русски кухню той гостиницы, въ которой они сегодня завтракали. Меня такъ это поразило, что я заговорилъ съ ними; одинъ изъ

занность всякаго педагога, всякаго учителя развивать въ людяхъ стремленіе къ духовнымъ благамъ, потому что, какъ вѣрно говорить Wundt¹⁾: Die geistigen Güter sind Güter um ihrer selbst willen. Можно лишь сожалѣть о художникахъ слова, увлекающихъ читателей великолѣпнымъ описаніемъ физическихъ наслажденій, убѣждающихъ читателей въ ничтожествѣ духовныхъ наслажденій. Какъ въ стихотвореніи „Чернь“, такъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ поклонялся передъ истиной, добромъ и красотой, училъ насъ любить идеалы, любить свободу, любить людей, ненавидѣть рабство, презирать плотскія, животныя наслажденія.

Чтобы закончить указанія на возвышенность морали въ произведеніяхъ Пушкина, упомяну, что нашъ великій поэтъ весьма ясно объяснилъ, въ чемъ должно состоять нравственное самоусовершенствованіе, что составляетъ суть личной нравственности.

Обаятельность Татьяны, этой лучшей русской героини, зависитъ отъ того, что она высоко поняла значеніе долга, была надѣлена живымъ чувствомъ долга:

Я васъ люблю — къ чему лукавить?
 Но я другому отдана
 И буду вѣкъ ему вѣрна.

Татьяна сердцемъ постигла нравственность въ ея наивысшемъ развитіи, нравственность долга.

Я уже объяснялъ въ моей работѣ „Нравственность душевно-больныхъ“ значеніе нравственности долга, доказалъ, что нравственность долга есть высшее проявленіе нашей души. Поэтому здѣсь я не буду останавливаться на объясненіи этого психологическаго явленія.

нихъ былъ членъ суда, другой помѣщикъ; жили они въ той же гостиницѣ, въ которой жилъ и я, и насъ кормили не дурно. Они, повидимому, поняли неумѣстность этого разговора и потомъ меня избѣгли.

1) System der Philosophie. 641.

2) Вопросы философіи. 1891.

Безспорно, что Татьяна самая нравственная героиня въ нашей художественной литературѣ, столь богатой женскими типами большой духовной красоты; Татьяна нравственнѣе Лизы (Дворянское гнѣздо), потому что послѣдняя руководилась навѣяннымъ ей нянею религіознымъ чувствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ Татьяна самое совершенное созданіе Пушкина, наиболѣе для него дорогое; высоко-нравственный поэтъ наиболѣе трудился, наиболѣе любилъ этотъ образъ, именно потому что онъ могъ любить только нравственно-прекрасную Татьяну. Никто такъ не плѣнялъ Пушкина, никто такъ не приковывалъ воображеніе поэта, какъ чистые, нравственные образы Татьяны и Маши Мироновой. Эти два типа, дѣйствительно, должны очаровывать всякаго нравственно-чуткаго человѣка; нельзя сомнѣваться въ томъ, что поэтъ, создавшій эти образы, былъ человѣкъ высоко-нравственный, глубоко понимавшій нравственныя требованія, горячо любившій нравственно-прекрасное. Только Пушкинъ далъ намъ одни положительные типы — онъ понималъ и любилъ нравственно-прекрасные образы.

Пушкинъ яснѣе другихъ великихъ поэтовъ чувствовалъ и понималъ, что истинно-прекрасное не можетъ быть безнравственнымъ, и потому онъ симпатизировалъ только нравственнымъ героямъ и героинямъ. Даже Братья-разбойники могутъ возбуждать симпатіи строгаго моралиста, потому что страданія искупаютъ преступленія.

Пушкинъ писалъ и циничныя, достойныя порицанія стихотворенія, но это были худшія его произведенія; онъ не могъ съ любовью обрабатывать такія темы и, конечно, было бы лучше, если-бы онъ не написалъ этихъ стихотвореній, но „слабости и пороки неизбѣжные спутники человѣка“.

Если мы сравнимъ отношеніе Пушкина и Верлена къ циничнымъ темамъ, то вполне поймемъ громадную разницу между „слабостью“ здороваго генія и упоеніемъ цинизмомъ больного поэта. Наконецъ, эти стихотворенія Пушкина составляютъ ничтожную часть его высоко-нравственной природы.

Мнѣ нѣтъ надобности указывать на красоту произведеній нашего великаго поэта; никто не сомнѣвался въ художественной гениальности Пушкина. Чисто-художественный гений можетъ быть большимъ человѣкомъ и поэтому эстетическія достоинства произведеній не могутъ служить доказательствомъ психическаго здоровья ихъ автора. Гоголь и Верлэнъ были душевно-больные, но ихъ произведенія верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи. Только поразительное безвкусіе беллетриста можетъ возбуждать сомнѣніе относительно его психическаго здоровья, и я могу объяснить недостатокъ вкуса у самаго крупнаго нашего реалиста — Писемскаго — именно его патологической организаціей.

Пушкинъ былъ величайшій русскій художникъ слова; это общепризнано, и я ограничусь тѣмъ, что приведу выводы мало извѣстной, но интересной работы Дг. Воробьева¹⁾ „Къ фізіологіи рѣчи“. Дг. Воробьевъ подсчиталъ число гласныхъ и согласныхъ въ произведеніяхъ нашихъ перво-классныхъ писателей; при этомъ оказалось, что у Пушкина, Лермонтова, Тургенева гласныя составляютъ 39 0/0, у Гоголя 38 0/0, у Толстого 41 0/0.“ Изслѣдованія многихъ отрывковъ изъ этихъ авторовъ, кромѣ Толстого, даютъ одинъ и тотъ-же результатъ. У Толстого - же, равно какъ и у другихъ авторовъ, хотя и крупныхъ, но небрежныхъ въ стилѣ, какъ напримѣръ у Достоевскаго, получаются довольно рѣзкія колебанія: общее число гласныхъ въ разныхъ отрывкахъ такихъ авторовъ колеблется отъ 36 0/0 до 42 0/0 Въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина строгая пропорціональность между гласными и согласными достигаетъ удивительной точности: опредѣляя число гласныхъ въ 39 0/0, у этого автора почти не приходится отбрасывать или прибавлять для полученія круглой цифры, т. е. всякій разъ получается 38,95 — 39,10 — цифры очень близкія къ круглой цифрѣ 39,0 0/0“.

1) Нейрологическій Вѣстникъ 1895.

Всѣ эти общеизвѣстные доказательства выдающагося ума, высокой нравственности и великаго художественнаго вкуса Пушкина, я привелъ здѣсь или, лучше сказать, повторилъ еще разъ для того, чтобы отгнать глубокое различіе между нашимъ великимъ поэтомъ и выше перечисленными большими художниками. Только вполнѣ здоровый геній можетъ быть такъ всестороненъ, можетъ такъ гармонически понимать истину, добро и красоту, какъ понималъ Пушкинъ.

Альфредъ де Мюссе, Эдгаръ Поэ, Боделаръ, Верленъ, Флоберъ, Гоголь были поразительно безучастны къ общественнымъ вопросамъ, совершенно не интересовались многими, очень многими вопросами. Гоголь положительно не могъ заниматься научно, не любилъ науки и безъ особеннаго сожалѣнія покинулъ кафедру, занимать которую оказался неспособнымъ. Едва-ли нужно прибавлять, что нормальный, среднихъ умственныхъ способностей человѣкъ можетъ быть посредственнымъ профессоромъ. Достоевскій отличался оригинальностью и односторонностью своихъ взглядовъ, а Писемскій не могъ понять шестидесятихъ годовъ.

Жизнь Альфреда де Мюссе, Эдгарда Поэ, Боделера, и Верлена доказываютъ, что въ нравственномъ отношеніи они были ниже средняго уровня. Въ произведеніяхъ всѣхъ этихъ писателей, кромѣ эпилептиковъ Флобера и Достоевскаго, мы не находимъ глубины и широты пониманія нравственной жизни; всѣ они были или безучастны къ наиболѣе вопіющимъ общественнымъ преступленіямъ, или же понимали пороки своего времени поверхностно, какъ Писемскій. Боделаръ и Верленъ, даже гордились тѣмъ, что понимаютъ только красивое; добродѣтель, по ихъ мнѣнію, обязательна только для толпы, буржуа.

Поразительно безучастіе Гоголя къ тяжкимъ страданіямъ угнетеннаго крѣпостнымъ правомъ народа; никакихъ нравственныхъ идеаловъ онъ намъ не завѣщалъ. Наиболѣе симпатичны ему помѣщики, хорошо занимающіеся въ своихъ

имѣніяхъ. Онъ даже рѣшается смѣяться надъ бѣднымъ Петрушкой Чичикова за то, что онъ былъ лишень естественнаго права человѣка — умѣть читать. Этотъ любознательный лакей безспорно заслуживалъ лучшей участи и возбуждаетъ живое состраданіе. Dumont ¹⁾ вполне правильно объясняетъ непонятную Гоголю любознательность Петрушки. Высокія художественныя красоты произведеній Гоголя настолько очаровываютъ насъ, что мы мало обращаемъ вниманіе на непониманіе этимъ гениальнымъ художникомъ самыхъ вопіющихъ нарушеній нравственныхъ законовъ, на отсутствіе сочувствія къ нравственно-великому, на отсутствіе негодованія къ грубо-безнравственному.

Достоевскій и Флоберъ, какъ эпилептики, особенно увлекались всѣмъ мистическимъ и мало, конечно, по отношенію къ ихъ великому уму, понимали дѣйствительность. Несмотря на то, что Флоберъ по убѣжденіямъ былъ реалистъ и выше всего ставилъ реальный романъ, онъ, какъ эпилептикъ, увлекся мистическими темами. Эпилепсія Флобера объясняетъ намъ, почему авторъ „Мадамъ Бовари“, чистый атеистъ, съ наибольшою любовью писалъ „Легенду о Св. Юліанѣ“, „Иродіаду“.

Въ своихъ произведеніяхъ Писемскій, человѣкъ очень умный и очень хорошій наблюдатель, проявляетъ достойное вниманія равнодушіе передъ идеальнымъ, нравственно-прекраснымъ. Онъ порицаетъ взяточничество, самоуправство, праздность, но онъ не учитель нравственности.

Я уже указалъ на недостатки художественности въ его произведеніяхъ; особенно слабы въ этомъ отношеніи произведенія, написанныя имъ въ старости, когда его болѣзнь достигла значительной степени.

Однимъ словомъ ни у одного изъ названныхъ писателей мы не находимъ того гармоническаго развитія ума, нравственныхъ и эстетическихъ чувствованій, какъ у Пушкина.

1) Théorie scientifique de la sensibilité. 1881. p. 162.

кина. Если мы даже и согласимся, что Альфредъ де Мюссе и Верленъ по красотѣ своихъ стиховъ, Гоголь по яркости описаній и характеристикъ, Достоевскій по возвышенности оригинальности и глубинѣ нѣкоторыхъ идей и образовъ фантазіи равны и даже превосходятъ Пушкина, все таки нашъ великій поэтъ по существу отличается отъ названныхъ геніевъ именно тѣмъ, что въ его произведеніяхъ истина, добро и красота одинаково заслуживаютъ почитанія. Только идеально здоровый геній могъ постигать и осущестлять и истину, и добро, и красоту, потому что здоровье именно состоитъ въ гармоническомъ развитіи ума, нравственныхъ и эстетическихъ чувствованій.

Къ несчастію человѣчества, геніи рѣдко бываютъ надѣлены идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ и потому жизнь нѣкоторыхъ геніевъ безнравственна, а произведенія односторонни; въ самомъ дѣлѣ, развѣ не слѣдуетъ глубоко сожалѣть, что Верленъ и Гоголь понимали только красоту?

Пушкинъ былъ поэтъ и потому творилъ только въ области красоты, онъ не сдѣлалъ научныхъ открытій, не создалъ новой нравственной системы, но вѣдь геніальность не можетъ быть всесторонняя; богатая, гармонически развитая натура Пушкина, а не его геніальность, служить намъ доказательствомъ его полного психическаго здоровья. Что такое геній — мы не понимаемъ, и по моему убѣжденію, понимать не можемъ.

Изученіе произведеній Пушкина даетъ намъ возможность установить другой основной признакъ идеальнаго душевнаго здоровья.

Wundt ¹⁾ говоритъ: „развитіе каждаго индивидуума представляетъ ясный примѣръ могучаго нарастанія душевной энергіи“. Тѣмъ болѣе такое нарастаніе энергіи замѣтно у людей талантливыхъ, геніальныхъ; ихъ произведенія доступны всѣмъ и потому всѣ могутъ убѣждаться

1) Logik, Bd. II, S. 508.

въ нарастаніи душевной энергіи, т. е. въ постепенномъ развитіи таланта, въ усовершенствованіи произведеній.

Если въ дѣятельности таланта наступаютъ продолжительные перерывы, если за хорошими произведеніями слѣдуютъ сравнительно слабыя, мы должны предполагать или внѣшнія неблагопріятныя для развитія таланта условія, или внутреннія, то-есть болѣзнь, причемъ нужно имѣть ввиду, что внѣшнія неблагопріятныя условія оказываютъ больше воздѣйствія на болѣзненныя, чѣмъ на здоровыя натуры. Къ сожалѣнію, болѣзнь рано, очень рано воздѣйствовала на Гоголя и вмѣсто великихъ художественныхъ твореній онъ сталъ писать прямо вредныя письма. Флоберъ написалъ мало и рѣзко перемѣнилъ темы своихъ произведеній. У Альфреда де Мюссе между весьма слабыми для его генія произведеніями вдругъ, случайно наступали моменты, когда онъ творилъ стихотворенія чудной красоты. Въ творествѣ Эдгарда Поэ, Боделэра и Верлена мы не видимъ послѣдовательнаго развитія и послѣдующія произведенія этихъ больныхъ геніевъ не отличаются по существу отъ раннихъ. Послѣдовательное развитіе и нарастаніе духовной энергіи представляютъ произведенія Достоевскаго, что, по всей вѣроятности, зависѣло отъ того, что его болѣзнь протекала сравнительно благопріятно и не прогрессировала.

Поэтическое дарованіе у Пушкина проявилось очень рано, но первыя его произведенія, какъ то и должно быть при нормальномъ нарастаніи душевной энергіи, крайне слабы по сравненію съ послѣдующими. Это именно юношескія попытки геніальнаго поэта; только восемнадцатилѣтній поэтъ приступаетъ къ созданію истинно-поэтическаго произведенія „Русланъ и Людмила“. Достигнувъ совершеннолѣтія, Пушкинъ создаетъ уже чудныя стихотворенія и начинаетъ „Евгенія Онѣгина“. Полны йразцвѣтъ физическихъ и духовныхъ силъ наступилъ тогда, когда онъ творилъ „Бориса Годунова“; именно въ 25—27 лѣтъ нормальный человѣкъ переживаетъ годы полнаго разцвѣта своихъ силъ.

Затѣмъ поэтъ работаетъ болѣе или менѣе продуктивно въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Всего болѣе онъ творилъ въ 1830 въ Болдинѣ; этому творчеству способствовало то спокойствіе, какимъ онъ пользовался въ деревнѣ и приподнятое настроеніе духа, обусловленное влюбленностью въ невѣсту. Но и въ тяжелые для него годы онъ не переставалъ работать съ достойной подражанія настойчивостью. Интересы его постоянно расширялись, постоянно онъ занятъ былъ новыми темами, искалъ и новаго содержанія и новыхъ формъ для своего творчества. При этомъ никакихъ скачковъ, перерывовъ, рѣзкаго упадка и подъема въ его дѣятельности не замѣчается.

Всякій образованный человѣкъ можетъ прослѣдить могучее наростаніе духовной энергіи, прочитавъ прозаическія произведенія Пушкина въ томъ порядкѣ, какъ онѣ были созданы. Въ 1827 написано незаконченное, сравнительно слабое произведеніе „Арапъ Петра Великаго“. Неудача первой попытки не ослабила его энергіи; черезъ три года онъ создалъ „Повѣсти Бѣлкина“ и „Исторію села Горохина“. Конечно эти произведенія выше „Арапа Петра Великаго“. Въ 1832 написанъ „Дубровский“ — романъ съ крупными достоинствами; я не берусь рѣшать, что лучше, „Дубровский“ или „Пиковая Дама“ (1834), но всѣ согласны, что „Египетскія ночи“, написанныя въ 1835, одно изъ лучшихъ произведеній Пушкина. Только въ 1836 году онъ даетъ свое величайшее произведеніе, написанное прозою — „Капитанскую дочь“.

Вотъ какъ нарастаетъ душевная энергія, какъ развиваются гениальныя способности.

„Капитанская дочь“ — это неоспоримое доказательство идеальнаго душевнаго здоровья Пушкина, рѣдкой, завидной устойчивости нервной системы Пушкина. Если мы припомнимъ тѣ невзгоды, которыя переживалъ Пушкинъ, когда творилъ это произведеніе, проникнутое живою симпатіей къ чистой любви и беззавѣтной преданности долгу, мы должны будемъ

изумляться желѣзному здоровью Пушкина, должны будемъ благодарить Провидѣніе, надѣлившее нашего поэта рѣдкою по устойчивости нервной системой, и скорбѣть о тѣхъ условіяхъ, которыя свели его въ могилу. Въ этомъ чудномъ произведеніи Пушкинъ проявилъ необычайное умѣнье всецѣло отдаваться сюжету; въ немъ не видно даже намековъ на тѣ душевныя страданія, которыя въ то время переживалъ Пушкинъ.

Стихотворенія, написанныя въ 1836 году, также свидѣтельствуютъ, что поэтъ достигъ высшаго совершенства, что наростаніе духовной энергіи шло непрерывно.

Пушкинъ умеръ очень рано для того, чтобы можно было дѣлать съ увѣренностью предсказанія о его дальнѣйшей дѣятельности: всего вѣроятнѣе, что наростаніе его духовной энергіи плодотворно повліяло-бы на духовное развитіе Россіи. Можетъ быть, неблагоприятныя внѣшнія условія надорвали-бы его силы, но то, что онъ совершилъ, неоспоримо доказываетъ, что онъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ, и потому вся его дѣятельность представляетъ непрерывное наростаніе духовной энергіи.

Постоянное усовершенствованіе путемъ усерднаго труда — таково нормальное развитіе, а именно такое развитіе врожденнаго генія представляютъ произведенія Пушкина. Конечно, и между позднѣйшими произведеніями поэта встрѣчаются сравнительно слабыя, но несомнѣнно, что съ годами Пушкинъ совершенствовался и развивался во всѣхъ отношеніяхъ, несмотря на крайне неблагоприятныя для его дѣятельности условія.

Итакъ, безспорно, Пушкинъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ, и его жизнь, и его пониманіе истины добра и красоты, и наростаніе его духовной энергіи убѣдительно это доказываютъ.

Такимъ образомъ нашъ великій поэтъ можетъ служить примѣромъ идеальнаго душевнаго здоровья; изученіе его жизни и произведеній даетъ намъ весьма поучительный

матерьялъ для сужденія, въ чемъ состоитъ идеальное душевное здоровье. Такая крупная личность, какъ Пушкинъ, представляетъ весьма яркіе и очевидные признаки идеальнаго душевнаго здоровья; мы можемъ сравнивать произведенія Пушкина съ произведеніями другихъ писателей для того, чтобы уяснить себѣ, здоровымъ или больнымъ человекомъ написаны эти произведенія.

Тотъ несомнѣнный фактъ, что Пушкинъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ, окончательно опровергаетъ теорію о родствѣ или близости между гениемъ и помѣшательствомъ, хотя несомнѣнно нѣкоторые гениі были люди больные.

Намъ совершенно непонятенъ гениі, и я думаю, что мы и не можемъ понять гениальности. Мы можемъ только сожалѣть, что нѣкоторые гениі обладали патологическою организаціею и благодарить Провидѣніе, давшее Пушкину идеальное душевное здоровье.

Слово,

произнесенное въ университетской церкви

Профессоромъ богословія Протоіереемъ А. Царевскимъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Нынѣ вся грамотная и просвѣщенная Россія празднуетъ память величайшаго поэта своего, раба Божія Александра. Его значеніе, его великія заслуги для насъ, безъ сомнѣнія, составятъ предметъ тѣхъ рѣчей, которыя будутъ произнесены въ нарочито устраиваемыхъ для этого торжественныхъ собраніяхъ. Но и Церковь не остается безучастною къ настоящему торжеству, но, такъ сказать, предваряетъ его, благословляя его своею молитвою. И съ церковной кафедры позволительно сказать, что творенія великаго нашего поэта служатъ украшеніемъ русской литературы, славою русскаго имени. По мнѣнію одного изъ достойныхъ нашихъ писателей, въ твореніяхъ этихъ выразилась вся полнота русскаго народнаго духа. По нимъ воспитывались мы, воспитываются наши дѣти и будутъ воспитываться дѣти нашихъ дѣтей. Благодаря имъ, имя русскаго народа въ области словеснаго творчества стоитъ не ниже именъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ поэтическое вдохновеніе въ средѣ народа еврейскаго всегда разсматривалось, какъ признакъ особой близости народа къ Богу, и, наоборотъ, оскудѣніе этого вдохновенія указывало на оставленіе народа Богомъ, на нравственный упадокъ народа. Подобно этому и на поэти-

ческое вдохновеніе нашего поэта должно смотрѣть, какъ на залогъ особаго благословенія Божія народу русскому. Воздадимъ же ему благомъ молитвы за тѣ духовныя блага, которыя онъ оставилъ намъ въ своихъ твореніяхъ.

Но не по сознанію только заслугъ нашего поэта мы должны молиться о немъ, но и по чувству христіанской любви ко нему. Какъ и всякій человѣкъ, поэтъ нашъ предавался въ своей жизни многимъ грѣховнымъ увлеченіямъ и паденіямъ, за которыя онъ долженъ отдать отчетъ на судѣ Божіемъ тѣмъ болѣе строгій, чѣмъ съ ббольшею охотою онъ предавался имъ, чѣмъ ббольшимъ соблазномъ онъ послужилъ для другихъ. Но мы уповаемъ, что правосудіе Божіе въ отношеніи его будетъ срастворено милосердіемъ Божіимъ, ибо онъ умеръ съ искреннимъ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ, какъ истинный христіанинъ. „Хочу умереть христіаниномъ; прощаю всѣхъ“, говорилъ онъ въ предсмертныя свои минуты. Въ другой разъ онъ писалъ о себѣ:

Я содрагаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ стыдно и доловъ моихъ.
 Къ чему, несчастный, я стремился?
 Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?
 Ахъ, лира, лира, зачѣмъ мое безумство разгласила?
 Ты, Лета, зачѣмъ не поглотила
 Мои безумныя мечты?

Слова эти могли выйти только изъ сердца смиреннаго и сокрушеннаго, которое Господь не уничижитъ (Пс. 50, 19). Да учинить же его Господь, по его покаянію и по молитвамъ Церкви о немъ, въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюдуже отбѣже болѣзнь, печаль и въздыханіе и идѣже пребываютъ радость и веселіе вѣчныя.

Къ сказанному позволю присовокупить еще одно. Одинъ изъ близкихъ друзей нашего великаго поэта говорилъ о немъ, что все лучшее въ немъ принадлежало ему самому, все же худшее — лицамъ и обстоятельствамъ, окружавшимъ его. И дѣйствительно въ обществѣ, окружавшемъ поэта, мы видимъ злобу, взаимное недоброжелательство, лицемѣрие, легкомысленное отношеніе къ нравственности, отчужденіе отъ спасительныхъ установленій Церкви. Самое воспитаніе поэта, по его собственнымъ словамъ, было слишкомъ поверхностнымъ и лишено было благотворныхъ началъ народности и благочестія. Что же удивительнаго, если печальные слѣды всего этого отразились и на жизни нашего поэта, а совокупность всего этого привела его къ трагической кончинѣ, отнявшей отъ насъ поэта въ самомъ расцвѣтѣ его поэтическаго генія. Поэтому къ молитвѣ объ упокоеніи души его вполнѣ умѣстно также присовокупить нынѣ и молитву о нашемъ собственномъ исправленіи. Да не будетъ всего этого между нами. Да не будетъ между нами злобы и взаимнаго недоброжелательства. Да не будетъ между нами людей лицемѣрныхъ, добро именующихъ зломъ и зло добромъ, истину ложью и ложь истиною, въ очахъ другихъ усматривающихъ сучцы, а у себя не замѣчающихъ бревна. Да не будетъ между нами людей, легкомысленно относящихся къ вѣковѣчнымъ устоямъ нравственности, чуждающихся Церкви и ея спасительныхъ установленій. Если мы дадимъ себѣ подобное обѣщаніе, то, уповаемъ, бессмертный духъ поэта съ отрадою и утѣшеніемъ будетъ внимать настоящему собранію въ память его и настоящей нашей молитвѣ за него. Аминь.

26 мая 1899 г.

Пушкинъ и музыка.

Рѣчь, произнесенная проф. Б. И. Срезневскимъ на торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевскаго Университета 26-го мая 1899 года.

Есть мѣръ безсмертія. За горами земного
Есть царство свѣтлое чистѣйшей красоты.
Оттуда къ намъ идутъ живая мысль и слово,
Живой поэзіи волшебные цвѣты.

Изъ царства этого, прекраснаго, святаго
Бралъ звуки Моцартъ, образы Канова
И краски дивныя изящный Рафаэль.
Тотъ мѣръ — гармоніи и правды колыбель.

Оттуда къ намъ пришелъ великій нашъ учитель...

(Т. Л. Щепкина-Куперникъ.)

Эти стихи, произносимые сегодня на торжествѣ въ Святыхъ Горахъ юною послѣдовательницею великаго поэта, поставлю я эпиграфомъ своей краткой рѣчи. Изъ того свѣтлаго царства чистѣйшей красоты, царства волшебныхъ цвѣтовъ живой поэзіи, царства изъ котораго черпали свои вдохновенія Моцартъ, Канова, Рафаэль, отсюда принесъ великій нашъ учитель и слово, которымъ онъ жегъ сердца людей, и чуткость къ гармоніи, и способность наслаждаться пластическими образами, и пониманіе всего прекраснаго. Плоды той неземной страны, страны художества и красоты, были насущною потребностью Пушкина, потребностью столь же настоятельною, сколько настоятельно требованіе свободы для духа человѣческаго. Вотъ что называлъ Пушкинъ свободою, этимъ высшимъ благомъ земнаго своего поприща:

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья.
Вотъ счастье! вотъ права!...

Утопать безмолвно, говорить поэтъ. Но нѣтъ. Это безмолвіе поэта предъ созданіями искусствъ и вдохновенія только временное. Художественный образъ, занявшій мѣсто въ воображеніи поэта, долго покоится въ безмолвіи, но не гаснетъ. Въ головѣ художника совершается надъ этимъ образомъ бессознательная работа, мысль получаетъ толчекъ, появляются новыя мечты, новыя думы, мечты лелѣются, думы вынашиваются; наконецъ вступаетъ въ свои права вдохновеніе поэта. Настаетъ безпокойство, предшествующее проявленію творчества:

Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ какъ во снѣ
Излиться наконецъ свободнымъ проявленіемъ.

И тутъ, говоритъ Пушкинъ,

Ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды души моей.

Это все давнія впечатлѣнія, запомнившіеся образы, выношенные думы, взлелѣянные мечты. Наступаетъ мигъ воплощенія.

Такимъ то образомъ лира поэта увѣковѣчиваетъ и передаетъ намъ его впечатлѣнія. Какъ просто, какъ граціозно оно выливается, не вымученное нарочитыми усиліями, а подготовленное художественною воспримчивостью и воплощенное свободнымъ вдохновеніемъ! И мы — и подозревать не можемъ, сколько переработалъ въ себѣ художникъ исподоволь, сколько разнороднаго матеріала онъ собралъ, быть можетъ бессознательно, чтобы дать полный значенія художественный образъ, облеченный въ легкую, непринужденную, изящную форму.

Недостаточно было Пушкину увидать статую Кановы, чтобы описать ее своимъ стихомъ; вѣроятноже, что произведеніе скульптора только дало толчекъ вдохновенію, и оно

вызвало къ жизни цѣлый рой выношенныхъ мыслей, рядъ давнихъ впечатлѣній отъ образовъ, ритма, характера твореній античнаго искусства. Все это соединилось въ четырёхъ стишіи, проникнутомъ красотою древне-греческаго міра :

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
 Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ.
 Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой.
 Дѣва надъ вѣчной струей вѣчно печально сидитъ.

Такимъ то образомъ долженъ находить художественный образъ свое отраженіе и въ другихъ искусствахъ. Если мы встрѣчаемъ и въ музыкѣ счастливыя воспроизведенія лиры поэтовъ, то это тогда, когда красоты поэтическихъ образовъ находятъ себѣ въ музыкѣ родственное созвучіе, созвучіе самостоятельно прекрасное, отнюдь не стремящееся рабски перефразировать поэзію, но дополняющее красоту оригинала красотою новыми, сходными по характеру и значенію.

Лирика Пушкина сама просится на музыку, замѣтилъ на одной изъ своихъ сердечно прочувствованныхъ лекцій нашъ дорогой истолкователь чествуемаго поэта. Стихи „я васъ любилъ“ положены на музыку не менѣе 20 разъ. Какія чувства и страсти, и самыя человѣческія, и самыя святыя не перешли съ лиры Пушкина чрезъ вдохновеніе нашихъ художниковъ музыки на голосъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Тутъ вы найдете и уныніе — „я пережилъ свои желанія“, и упоеніе любовью — „мой голосъ для тебя и ласковый и томный“, и молодцеватое ухаживаніе Испанца — „я здѣсь Инезилья“, и отеческую ласку — „если жизнь тебя обманетъ“, и вакхическое разгулье, и мрачный юморъ шотландца, и увлеченіе юнаго стихотворца, сокрушающагося о томъ, что его память поглотитъ Лета, и чувство долга женщины, отрекающейся отъ счастья, которое когда-то было такъ близко, такъ возможно. И дѣйствительно, какія дивныя произведенія получаютъ отъ сочетанія цѣвницы, врученной

музою нашему поэту, съ лирами Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго.

Чѣмъ лучше можно было украсить легкую игривую поэзію, какъ не музыкою Глинки на слова: „играй Адель, не знай печали, хариты, лель тебя вѣнчали и колыбель твою качали“ !

Какую неподобную исторію любви рисуетъ Глинка на конвѣ романа, написаннаго поэтомъ подъ обаяніемъ Анны Петровны Кернъ: „я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, какъ мимолетное видѣнье, какъ геній чистой красоты“ ! Рѣзкими штрихами отгѣняетъ Глинка разлуку. Отрывистые, сухіе, рѣдкіе удары въ аккомпанементѣ какъ будто подчеркиваютъ жесткость, беспощадность судьбы, оторвавшей поэта отъ всего дорогаго :

Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Ожесточенность, озлобленіе слышите вы въ музыкѣ. Но за то какъ естествененъ, свѣжъ и милъ оживленный возвратъ первой темы при словахъ :

Душѣ настало пробужденье,
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Мастерскимъ *stretto* обрисовываетъ Глинка радость, наполняющую сердце и переходящую въ упоеніе счастіемъ ; сердце воскресаетъ, мечты воскресаютъ, вновь живы „и вдохновеніе, и жизнь, и слезы, и любовь“ .

У меня еще стоитъ въ ушахъ металлическій звукъ высокаго сопрано ученицы Глинки, талантливой пѣвицы и писательницы Гринбергъ, пѣвшей этотъ романсъ 30 лѣтъ тому назадъ такъ, какъ училъ ее Глинка. Вспоминаются

увлажненные слезою, теперь уже ослѣпшіе, глаза слушателя, 80-лѣтняго старца, понявъ помнящаго бывше восторги, и чувствуется тотъ благодатный трепеть, который овладѣвалъ при звукахъ, рисующихъ возвращеніе утраченнаго счастья.

Вспоминая такія глубокія, многолѣтнія впечатлѣнія, не можешь не признать, что музыка способна выражать, способна захватывать все существо человѣка, способна заставить его трепетать, способна умилять, вызывать слезы печали и воскрешать радость. Несомнѣнно, лира Пушкина вдохновила музыкантовъ къ произведеніямъ богатымъ и выразительностью, и чистою красотою. Это сочетаніе дорого намъ именно тогда, когда самостоятельная прелесть словъ соединяется съ красотою самостоятельною въ музыкальныхъ звукахъ, и когда звуки рѣчи и музыки согласно возбуждаютъ наше воображеніе и волнуютъ душу.

Но не ошибаемся ли мы? Можетъ ли быть вложено въ звуки музыки выраженіе чувствъ и изображеніе реальныхъ картинъ и движеній? Присуще ли оно музыкѣ? Не навязана ли музыкѣ эта способность нашимъ разыгравшимся воображеніемъ? Согласуется ли она со здравымъ смысломъ?

Здравый геній Пушкина даетъ намъ указанія на границы выразительности музыки. Вотъ какъ говоритъ онъ устами Моцарта, объясняющаго другу свое новое произведеніе:

Намедни ночью

Бессонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.
Сегодня я ихъ набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье.

Представь себѣ . . . кого-бы?

Ну, хоть меня, — немного помоложе,
Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка,
Съ красоткой или съ другомъ — хоть съ тобой

Я весель . . . Вдругъ : видѣнье гробовое,
 Внезапный мракъ или что-нибудь такое.
 Ну, слушай же.

Не ясно ли, что здѣсь Пушкинъ высказываетъ желаніе связать съ звуками музыки реальныя образы; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настолько далекъ отъ программы, что не опредѣляетъ ни одного отчетливаго реального образа: „кого бы? ну, хотъ меня“, „съ красоткой или съ другомъ“, „видѣнье гробовое, внезапный мракъ или что-нибудь такое“. Мало того, у Моцарта оказывается готовымъ музыкальный образъ, форма, и онъ къ готовой музыкѣ старается только подобрать реальныя жизненныя образы; эти образы, кажется, только настолько важны, насколько они способны скорѣе навести на желаемое настроеніе, нужное для того, чтобы проникнуть въ музыкальную красоту и оцѣнить ее. Пушкинъ признаетъ слѣдовательно въ музыкѣ прежде всего ея самостоятельную прелесть, а затѣмъ настроеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отвергаетъ въ музыкѣ нѣкоторой изобразительности, допуская впрочемъ картины дѣйствительности, какъ атрибутъ, но не существенное начало музыки, и предоставляя большую свободу въ выборѣ этихъ атрибутовъ. Такимъ образомъ Пушкинъ становится въ золотой срединѣ между музыкальными эстетиками двухъ лагерей: между такъ называемыми идеалистами и формалистами.

Этимъ взглядомъ Пушкина, мнѣ кажется, должны руководиться тѣ композиторы, которые задаются цѣлью дополнить музыкою очарованіе его стиха. Дать легкую, граціозную, подобную Пушкинской, форму и уловить настроеніе, не доискиваясь буквальности выраженія — вотъ ихъ задача. Одно изъ счастливыхъ сочетаній словъ Пушкина съ музыкою получено совершенно случайно изъ соединенія его романса „мой голосъ для тебя и ласковый и томный . . .“ съ подходящимъ къ нему по настроенію прелестнымъ фортепіаннымъ романсомъ А. Г. Рубинштейна. Много прекрасныхъ

образцовъ совпаденія настроенія въ музыкѣ и въ лирическихъ оригиналахъ Пушкина можно найти и помимо перечисленныхъ примѣровъ.

Но какъ ни богаты средства музыки для дѣйствія на чувство человѣка, однако встрѣчается затрудненіе при иллюстраціи нѣкоторыхъ даже лирическихъ текстовъ Пушкина. Музыка вступающая на путь преднамѣреннаго выраженія, берется за дѣло трудное, почти непосильное; она собираетъ тогда всѣ свои средства, сосредоточиваетъ все вниманіе на предметѣ изображенія и уже не даетъ возможности соединить хотя бы два противорѣчивыхъ настроенія. Она, быть можетъ, прекрасно передаетъ настроеніе „грусти томной“. Но если нужно сказать, что Ольга „не способна къ грусти томной“, то такое отрицаніе уже ускользаетъ изъ власти музыки; Чайковскій этому примѣромъ.

Еще болѣе неодолимая затрудненія представляются при иллюстраціи болѣе крупныхъ, особенно эпическихъ произведеній Пушкина, которыя блещутъ тонкимъ, шутливымъ, порхающимъ настроеніемъ. Возьмемъ хотя-бы сказочные ужасы похищенія Людмилы Черноморомъ, томленія отрубленной головы великана и пр. . Эти эпическіе образы могутъ составить содержаніе полныхъ значенія музыкальныхъ картинъ у Глинки; но къ сожалѣнію, чтобы усвоить значеніе этихъ картинъ, слушатель долженъ отнестись къ воспріятію съ полнымъ сосредоточеніемъ. Онъ долженъ вникать въ музыку, активно участвовать въ музыкѣ, переживать ее такъ же, какъ переживалъ ее композиторъ. При этомъ обоюдномъ сосредоточеніи на предметѣ изображенія со стороны и композитора, и слушателя, по неволѣ исчезаетъ та игривость и шутливость, какою украсилъ Пушкинъ свою поэму „Русланъ и Людмила“. Глинкѣ было поставлено въ вину это несоотвѣтствіе Сѣровымъ. Но что же дѣлать, если въ музыкѣ не найдено того жанра, который позволилъ бы совмѣстить изобразительность съ игривостью настроенія, притомъ безъ намека на извѣстный нежелательный пошибъ?

Къ этой легкости изображенія приближался въ хорошей музыкѣ только Моцартъ; музыка же современная привыкла требовать серьезности и полного сосредоточенія. Только при сосредоточеніи слушатель воспринимаетъ желательную экзальтацію, тотъ, такъ сказать, гипнозъ, который лежитъ въ задачахъ музыкантовъ, называющихъ себя идеалистами.

Пушкинъ не сторонникъ такой экзальтаціи. Противопологая экстазъ вдохновенію, онъ отдавалъ предпочтеніе вдохновенію, потому что экстазъ, по его мнѣнію, исключалъ спокойствіе, „необходимое условіе прекраснаго“.

Въ этомъ отношеніи мы находимъ удивительное сходство Пушкина съ тѣми классиками, которые упомянуты выше въ эпиграфѣ, которые ставили своимъ идеаломъ идеаль чистой красоты, остерегаясь болѣзненнаго возбужденія, причиняемаго менѣе тонкими произведеніями искусства. Возьмите Рафаэля: его Христосъ падаетъ подъ бременемъ креста, Христосъ изнеможенъ, клонится къ землѣ; но онъ не падаетъ всею тяжестью своего тѣла, не придавливается крестомъ, который во-время поддержанъ окружающими; художникъ не довелъ физической возмутительности до крайняго предѣла, онъ даетъ чувствовать ее, оставаясь вѣрнымъ требованіямъ красоты. Не подобное ли мы чувствуемъ въ Моцартовыхъ звукахъ: ужасъ появленія статуи командора слышится въ этихъ мѣрныхъ, широкихъ, ритмическихъ ударахъ благозвучныхъ D-moll-ныхъ аккордовъ, и страхъ, неодолимость этой каменной, таинственной, загробной силы не вырываетъ у художника ни одного диссонанса. Съ полнымъ самообладаніемъ онъ послѣ грозной музыкальной картины, открывающей Донъ-Жуана, рассыпается въ блестяхъ игривой увертюры.

Намъ, привыкшимъ теперь къ тому, чтобы произведенія искусства били по нервамъ, приводили въ экзальтацію, гипнотизировали, такое легкое отношеніе къ только-что вызванному настроенію кажется непонятнымъ, почти обиднымъ.

Дѣйствительно многіе изъ насъ при имени Моцартажимаютъ плечами. Точно также и по отношенію къ Рафаэлю можно слышать мнѣніе заправскихъ живописцевъ, что „теперь всякій умѣетъ рисовать какъ Рафаэль и даже лучше Рафаэля, но что теперь уже такъ не рисуютъ, потому что у публики нѣтъ спроса на подобныя произведенія.“ А тѣмъ не менѣе никто не можетъ теперь создать ни Сикстинской Мадонны, ни С-dur'наго квартета.

Параллель, проводимая между Рафаэлемъ и Моцартомъ, продолжается и до Пушкина. И у его твореній есть черта недоступности для лицъ, цѣнящихъ въ искусствѣ сильныя ощущенія выше всего. И Рафаэль, и Пушкинъ работали сознательно, отдаваясь труду изученія предмета и вынашивания мысли. Въ параллель упорному труду Пушкина, кропотливо собиравшаго матеріалы, вырабатывавшаго планы и испестрявшаго рукописи помарками, можно привести извѣстную манеру Рафаэля, который не довольствовался для Мадонны списываніемъ фигуры избранной натурщицы, поставленной и драпированной согласно его замыслу, но сперва отыскивалъ красоту посредствомъ многихъ пробъ установки и списыванія фигуры цѣликомъ и по частямъ à pi, и затѣмъ повторялъ поиски за красотой драпировки. Не такъ ли вырабатывалъ свои планы, свою гармонию частей въ цѣломъ, свою мысль и свой стихъ нашъ Пушкинъ?

А въ той независимости продукта творчества отъ обстоятельствъ жизни и отъ случайнаго влеченія, которой мы удивляемся въ Пушкинѣ, не найдемъ ли мы сродства его генія съ геніемъ Моцарта, писавшаго свои квартеты безъ единого жалобнаго звука, безъ единой мрачной черты тогда, когда въ душѣ было отчаяніе отъ нищеты и постыдныхъ интригъ враговъ его?

Таковъ былъ и Пушкинъ. Во мракѣ заточенія онъ все же сохранялъ свободу, непринужденность, игривость творчества. Онъ рисовалъ не мрачные образы, не тяжелыя впечатлѣнія, но волшебные цвѣты поэзіи изъ прекраснаго

свѣтлаго царства Моцарта и изящнаго Рафаэля — изъ колыбели гармоніи и правды.

Подобіе трехъ великихъ художниковъ является и въ ихъ преждевременной смерти.

Недолго медлил онъ : величіемъ Творца
Опять отозванъ былъ въ ту свѣтлую обитель
А мы . . . мы можемъ лишь, смущенныя сердца,
Смирненно лепетать судьбѣ жестокой пени
И, горды славою его священной тѣни,
Вѣнчать безсмертіемъ великаго пѣвца.

Пушкинъ въ эстской литературѣ.

Рѣчь,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевскаго Университета 26 мая 1899 г.

Эстская литература находилась, въ первой половинѣ XIX-го вѣка, относительно переводовъ съ другихъ языковъ совсѣмъ подѣ вліяніемъ нѣмецкой литературы. Въ особенности не существовало переводовъ съ русскаго языка или существовало очень мало. Вслѣдствіе этого и гениальный русскій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, во время своей жизни и болѣе сорока лѣтъ послѣ своей кончины, не былъ извѣстенъ въ эстскомъ народѣ, занимавшемся впрочемъ довольно много чтеніемъ беллетристической литературы. Только сыновья эстовъ, посѣщавшіе гимназіи въ городахъ обитаемой эстами земли, читали сочиненія Пушкина. Болѣе всего въ гимназіяхъ Прибалтійскаго края въ тогдашнее время читали повѣсть подѣ заглавіемъ „Капитанская дочка“, а кромѣ того драму „Скупой рыцарь“ и стихотвореніе „Полтава“; рѣже стихотворенія „Мѣдный всадникъ“, „Евгеній Онѣгинъ“ и пр.

То обстоятельство, что въ гимназіяхъ читали избранныя произведенія Пушкина, дало основаніе сообщить эти сочиненія всему эстскому народу. Геній Пушкина воодушевлялъ всѣхъ, читавшихъ его поэтическія произведенія. Повѣсть „Капитанская дочка“, подѣ эстскимъ заглавіемъ „Kapteni tütar“, переведенная Я. Кьрвомъ на эстскій языкъ въ

1879-омъ году, въ слѣдующемъ году появилась въ печати. Въ томъ же самомъ году появилось въ печати и драматическое сочиненіе „Скупой рыцарь“, на эстскомъ языкѣ „*Kõibi güütel*“, переводъ А. Дидо; въ послѣдствіи оно часто давалось на любительскихъ сценахъ.

Кромѣ упомянутыхъ сочиненій почти все остальное являлось въ разныхъ журналахъ, газетахъ и книжкахъ въ числѣ прочаго содержанія, такъ какъ особаго изданія сочиненій Пушкина до сихъ поръ на эстскомъ языкѣ не было.

Вниманіе народа этими изданіями уже было обращено на Пушкина. Въ періодическихъ изданіяхъ начали появляться въ особенности разныя стихотворенія его. Мнѣ нельзя было собрать всѣ номера, въ которыхъ они помѣщались. „Дубровскій“, переводъ А. Морфельдта, изданъ былъ въ газ. „*Seesti Postimees*“ 1880 г. (№ 25—33). Повѣсть „Барышня-крестьянка“, по-эст. „*Salu-preili*“, издана даже въ трехъ переводахъ, послѣдній разъ въ редактируемомъ мною журналѣ „*Õbbi-leht*“, изъ подъ пера А. Таммери. Въ то же время явилась въ печати и часть другихъ рассказовъ изъ „Повѣстей Бѣлкина“. Такъ именно рассказъ „Метель“, по-эст. „*Luiß*“, явился въ журналѣ „*Õma maa*“, основанномъ и редактировавшемся покойнымъ докторомъ М. Веске, въ 1885-омъ году. Разныя газеты публиковали болѣе мелкія стихотворенія.

Въ 1886-омъ году, въ томъ-же журналѣ „*Õma Maa*“, явился переводъ стихотворенія „Полтава“. Переводъ принадлежитъ перу Якова Тамма, уже раньше обратившаго на себя вниманіе собственными поэтическими произведеніями и переводами сочиненій Лермонтова на эстскій языкъ. Переводъ Тамма произвелъ значительное впечатленіе своею плавностью и красотой, а также правильностью языка, хотя и не въ такой степени. Скоро послѣ того Таммъ перевелъ еще другое стихотвореніе Пушкина, именно „Мѣдный всадникъ“, по-эстски „*Waff-ratjanit*“. Это стихотвореніе вошло въ самую

употребительную эстскую школьную книгу для чтенія К. Р. Якобсона. Впослѣдствіи Яковъ Таммъ перевелъ еще мелкія стихотворенія, напр.: „Птичка“ („Sinnufe“), „Зимняя дорога“ („Talwine tee“), „Бѣсы“ („Londid“) и пр. Кромѣ означенныхъ явились въ „Oma Maa“, V: „Женихъ“, по-эст. „Veigmees“, а въ „Oma Maa“; VI — „Пророкъ“, по-эст. „Prophet“, и, вторично, „Поэтъ“, по-эст. „Suuletaja“.

Изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина были напечатаны: „Зимній вечеръ“ („Talme õhtu“), переводъ Т. Е. Кузика, въ газетѣ „Valgus“ 1889 г. (№ 23); „Русалка“ („Mäff“), переводъ Р. Ганзона, въ той же газетѣ 1890 г. (№ 13); въ газетѣ „Postimees“: 1889 г., приложение (стр. 233) — „Птичка“ („Sinnu laul“); 1891 г. (№ 23) — „Я помню“ („Mul meeles“); 1892 г. (№ 185) — „Teefäigu kaebtused“; 1892 г., приложение (стр. 292) — „Элегія“ („Elegia“); 1893 г. (№ 28) — „Зимняя дорога“ („Talwine tee“); 1896 г. (№ 245) — „Утопленникъ“ („Uppunud mees“); въ газ. „Safala“ 1890 г.: „Ангель“ („Angel“); въ газ. „Õesti Postimees“ 1895 г. (№ 52): вторично „Русалка“, переводъ І. Ф. Мейера; 1897 г. (№ 3) — „Зимняя дорога“; 1897 г. (№ 30) — „Clu-fõit“, перев. К. Аннила; въ газ. „Õiemis“ 1897 г.: „Разлука“ („Sahumine“), „Птичка“ („Sinnufe“), перев. А. Латика, вторично, и пр. Кромѣ того еще стихотворенія: „Поэтъ“ („Saulis“), переводъ Г. Э. Луйга; „Талисманъ“ („Talisman“), перев. І. Лешпика; „Молитва“ („Palme“), Т. Кузика, и „Пѣсня о вѣщемъ Олегѣ“ („Tarf Oleg“).

Нѣкоторыя стихотворенія, какъ видно, переведены дважды, зато другія поэтическія произведенія Пушкина еще совсѣмъ неизвѣстны эстской литературѣ. Такъ напр. „Евгенія Онѣгина“ и „Кавказскаго плѣнника“ еще до сихъ поръ нѣтъ въ переводахъ на эстскомъ языкѣ.

По сему выше изложенному, до 1887-го года эстскіе друзья литературы знали уже нѣкоторыя сочиненія Пушкина, но самая жизнь поэта была еще неизвѣстна. Въ упомянутомъ журналѣ „Oma Maa“, изъ подъ пера И. Егевера, явилась

краткая характеристика Пушкина. Это случилось въ память пятидесятилѣтія дня кончины Пушкина, 29-го января 1887-го года. Въ краткихъ очеркахъ здѣсь говорится о дѣтствѣ и молодости, но мало о зрѣлыхъ годахъ и вовсе ничего о кончинѣ поэта. О его поэзіи сказано: „Поэзія Пушкина чиста, идеальна, свѣжа и утѣшительна, какъ утренній воздухъ на берегу озера при восходѣ солнечнаго колеса на ясное небо.“

Краткое жизнеописаніе Пушкина составлено мною въ журналѣ „*Saifu ja maŋgu leht*“ 1890-го года (№ 8). Въ этомъ жизнеописаніи я постарался дать ясную картину о гениальномъ поэтѣ и объяснить, какимъ образомъ возникли и сложились его произведенія. Здѣсь описана и его трагическая смерть. Я не могъ присовокупить портрета Пушкина; но черезъ шесть лѣтъ, а именно въ 1896-мъ году, мнѣ удалось опубликовать также и портретъ его въ томъ же самомъ журналѣ (№ 5) и еще разъ указать на его безсмертныя сочиненія.

Вотъ вкратцѣ все, что я могъ сказать о Пушкинѣ въ эстской литературѣ и о вліяніи его сочиненій. Вслѣдствіе краткости времени мнѣ не возможно было собрать весь матеріалъ, относящійся къ этой темѣ. Но изъ изложеннаго видно, что великій и знаменитый русскій стихотворецъ достаточно популяренъ между эстскими друзьями литературы.

Пушкинъ въ латышской литературѣ.

Рѣчь,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевскаго
Университета 26 мая 1899 года приватъ-доцентомъ и лекторомъ
Я. Лаутенбахомъ.

Милостивыя государыни,

Милостивые государи!

На меня, какъ преподавателя латышскаго языка и литературы при здѣшнемъ университетѣ, выпала честь сдѣлать сообщеніе о Пушкинѣ въ латышской литературѣ. Имѣю честь вкратцѣ сообщить слѣдующее.

Хотя русскія народныя поэтическія произведенія — народныя пѣсни, сказки, пословицы и загадки — проявляютъ нѣкоторое сходство и родство съ латышскими народными поэтическими произведеніями того же рода; хотя въ началѣ 18-го столѣтія, во время реформъ императора Петра Великаго, извѣстный дѣятель латышской литературы, воспитатель императрицы Екатерины I-ой, бывшій ректоръ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, Эрнстъ Глюкъ, былъ и дѣятелемъ русской литературы; хотя еще современникъ чествуемаго нынѣ поэта, латышскій поэтъ пасторъ Гугенбергеръ занимается русскою литературой: переводитъ нѣкоторыя русскія сказки на латышскій языкъ, знакомится съ поэзію Державина, — все-таки знакомство латышской читающей публики съ произведеніями русскіхъ писателей начинается довольно поздно. И это не мудрено. Съ одной стороны произведенія русской народной словесности — народныя пѣсни, сказки, пословицы и загадки — собираются и печат-

таются лишь въ новѣйшее время, самая русская національная изящная литература есть продуктъ новаго и новѣйшаго времени, и съ другой стороны прежніе дѣятели латышской литературы (предыдущихъ столѣтій), получившіе свое высшее образованіе большею частью на Западѣ, находились подъ вліяніемъ Запада, не обращая почти никакого вниманія на Востокъ. Только въ новѣйшее время дѣло принимаетъ другой оборотъ. Самые латыши, получивши доступъ къ образованію, созидавая свою національную словесность, обращаютъ въ настоящее время вниманіе и на Востокъ, на духовныя сокровища своихъ славянскихъ братьевъ. И такимъ образомъ появляются на латышскомъ языкѣ переводы, какъ-то: южнославянскія и русскія стихотворенія, народныя пѣсни, да, мало по малу переводятся сочиненія, біографіи и даже ученые труды русскихъ писателей и ученыхъ, и теперь нѣтъ почти ни одного сколько-нибудь извѣстнаго русскаго поэта, изъ произведеній котораго не имѣлось бы хоть нѣкоторыхъ на латышскомъ языкѣ.

Какое же вліяніе оказалъ Пушкинъ на эту литературную дѣятельность латышей? Что волны и теченія, приведенныя въ движеніе пылкимъ духомъ и гениемъ Пушкина, достигли и Балтійскаго побережья, это несомнѣнно. И на самомъ дѣлѣ, между русскими поэтами, произведенія которыхъ уже переведены на латышскій языкъ, Пушкинъ никакъ не стоитъ на послѣднемъ планѣ. Мало того. Пушкинъ даже первый изъ русскихъ поэтовъ, которые привлекаютъ молодыхъ образованныхъ латышей. Въ срединѣ этого столѣтія при здѣшнемъ университетѣ образовался кружокъ латышскихъ студентовъ съ цѣлью заниматься латышскою литературою. Уже съ этого времени начинается знакомство латышей съ Пушкинымъ. Ибо между упомянутыми студентами находился переводчикъ-поэтъ Юрисъ Алуансъ, который началъ переводить на латышскій языкъ и стихотворенія русскихъ поэтовъ, между ними и Пушкина. Къ сожалѣнію, Алуансъ скоро умеръ. Только въ 1869 г.

вышла въ свѣтъ вторая часть переведенныхъ имъ стихотвореній, гдѣ встрѣчаются между прочими въ отрывкахъ „Цыганы“ Пушкина. Это, сколько мнѣ извѣстно, первый опытъ ознакомленія латышей на ихъ собственномъ языкѣ съ сочиненіями великаго поэта. Въ 1872 г. издаетъ Каудзите I-ую часть своихъ стихотвореній, между которыми встрѣчаются и переводы нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина. Тотъ же самый поэтъ переводитъ впослѣдствіи (1877 г.) еще нѣсколько лирическихъ стихотвореній и эпическую поэму „Кавказскій плѣнникъ“. Теперь послѣ этого скромнаго начала увеличивается число переводчиковъ чествуемаго поэта. Въ 1877 г. другой переводчикъ издаетъ „Русалку“ въ ямбахъ и на хорошемъ языкѣ. Спустя годъ (1878 г.) была переведена „Капитанская дочка“ и, начиная съ 1874 г. до настоящаго времени, почти всѣ латышскіе журналы, газеты и даже календари участвовали въ переводѣ сочиненій Пушкина.

1) Еженедѣльные газеты: *Mājas Veess* (Домашній Гость) въ своемъ приложеніи (*Peelikums*) въ 1874 году; *Pasaule un Daba* (Міръ и Природа) въ 1875 г.; *Baltijas Vēstnesis* (Балтійскій Вѣстникъ) въ 1877 г.; *Balss* (Голосъ) въ шести своихъ годовыхъ изданіяхъ, въ 1881, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1894 гг.; *Tēviņa* (Отечество) въ 1884 и 1889 г.; *Baltijas Zemkopis* (Балтійскій Сельскій Хозяинъ) въ 1889 г.; *Latveešu Avīzes* (Латышская Газета) въ томъ же году и наконецъ *Latveetis* (Латышь) въ 1891 г.

2) Ежедневныя газеты: *Rīgas Lapa* (Рижскій Листокъ) въ 1880 г.; *Baltijas Vēstnesis* (Балтійскій Вѣстникъ) въ 1889 и 1892 г. и *Deenās Lapa* (Ежедневный Листокъ) въ 1892 и 1893 г.

3) Иллюстрированныя ежемѣсячныя научно-литературныя журналы: *Austrums* (Востокъ) съ 1885 года до нынѣ и *Mājas Veesa Mēnešraksts* (Ежемѣсячный журналъ газеты „Домашній Гость“) въ 1898 г. Наконецъ

4) Иллюстрированные литературные календари: *Vidzemes kalendars* (Лифляндский календарь) в 1893 г. и *Austruma kalendars* (Календарь журнала „Востокъ“) в 1897 г.

Во всѣхъ этихъ изданіяхъ помѣщено — въ однихъ больше, въ другихъ меньше — множество, какъ мелкихъ, такъ и большихъ произведеній чествуемаго поэта. Съ 1885 г. начинаетъ выходить уже упомянутый иллюстрированный научно-литературный журналъ *Austrums* (Востокъ), въ которомъ уже въ первомъ году его изданія появляются: повѣсть „Дубровский“, „Барышня крестьянка“, баллада „Утопленникъ“ и др. Въ томъ же самомъ журналѣ (1887 г.) появились „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: „Скупой Рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“ и тамъ же печаталось впоследствии множество мелкихъ лирическихъ, эпическихъ и драматическихъ произведеній Пушкина, между ними и отрывки изъ романа „Евгеній Онѣгинъ“. Множество сочиненій Пушкина появляется какъ въ газетахъ, журналахъ и литературныхъ календаряхъ, такъ и отдѣльными изданіями. Отдѣльно изданы, именно: в 1877 г. „Кавказскій плѣнникъ“ и въ томъ же самомъ году „Русалка“; потомъ в 1878, 1892 и 1894 гг. „Капитанская дочка“, а именно въ послѣднемъ году въ переводѣ латышскаго писателя Нѣдры, въ изданіи Научной Комиссіи Рижскаго Латышскаго Общества для латышской молодежи; далѣе, в 1889 г. „Полтава“ (прозаическій переводъ), в 1891 г. цѣлый сборникъ различныхъ сочиненій Пушкина, в 1892 г. „Цыганы“, наконецъ на дняхъ, какъ юбилейное изданіе уже упомянутой Научной Комиссіи, опять „Капитанская дочка“. Въ указанномъ уже второмъ иллюстрированномъ ежемѣсячномъ научно-литературномъ журналѣ *Mājas Veesa Mēneņraksts* (Ежемѣсячный журналъ газеты „Домашній Гость“) былъ помѣщенъ въ прошломъ году переводъ Бориса Годунова съ подробнымъ описаніемъ жизни и литературной

дѣятельности поэта и съ иллюстраціями. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ уже упомянутомъ журналѣ были помѣщены и портреты поэта. Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издаетъ Научная Коммиссія Рижскаго Латышскаго Общества сочиненія писателей изъ литературъ другихъ народовъ, между которыми встрѣчаются и многіе русскіе. Наконецъ теперь по случаю столѣтней годовщины во всѣхъ латышскихъ газетахъ и журналахъ помѣщаются біографіи съ портретами чествуемаго поэта и та же самая Научная Коммиссія Рижскаго Латышскаго Общества приготовляетъ юбилейное изданіе избранныхъ сочиненій Пушкина.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ Истории Пугачовскаго бунта, на латышскомъ языкѣ имѣются уже почти всѣ поэтическія произведенія Пушкина. Я долженъ при томъ еще замѣтить, что нѣкоторыя изъ его сочиненій переведены уже во второй, даже въ третій, четвертый и пятый разъ, а именно: „Скупой рыцарь“ и „Русалка“ два раза, „Пиковая дама“ три раза, „Цыганы“ и нѣкоторыя лирическія стихотворенія, какъ, напр., „Зимній вечеръ“, „Тройка удалая“ и другія, два, три и болѣе разъ; наконецъ „Капитанская дочка“ уже въ пятый разъ.

Изъ всего изложеннаго уже заключаемъ, что литературная дѣятельность Пушкина не могла остаться безъ всякаго впечатлѣнія и вліянія на латышей и ихъ литературу. Но какое это вліяніе, о томъ говорить теперь еще рано. Время ознакомленія латышей съ великимъ поэтомъ еще сравнительно короткое.

Возникаетъ вопросъ, почему латыши только около двадцати-тридцати лѣтъ послѣ смерти великаго поэта начинаютъ знакомиться съ нимъ? По устройству прибалтійской жизни въ первой половинѣ текущаго столѣтія латышамъ едва возможно было получать высшее образованіе. Лишь со второй половины 19-го столѣтія обстоятельства улучшаются и въ этомъ отношеніи: латышская образованная

молодежь, число которой съ каждымъ годомъ увеличивается, начинаетъ уже знакомиться съ Пушкинымъ. Сверхъ того Пушкинъ принадлежитъ къ тѣмъ гениямъ, которые мало признавались во время своей жизни и дѣятельности. Признанію любого поэта со стороны инородцевъ должна предшествовать любовь и признательность собственнаго народа.

Но такъ или иначе, духъ великаго незабвеннаго поэта можетъ утѣшаться и быть довольнымъ, что сравнительно въ короткій срокъ послѣ физической смерти поэта его бессмертные поэтическіе труды извѣстны латышамъ уже цѣликомъ. Изъ довольно значительнаго числа латышскихъ переводчиковъ Пушкина съ одной стороны, и изъ многократныхъ переводовъ многихъ его сочиненій въ теченіе столь короткаго времени съ другой стороны, мы можемъ, безъ сомнѣнія, заключить, что поэзія эта на самомъ дѣлѣ имѣетъ бѣльшее значеніе, чѣмъ исключительно узконаціональное, что она переходитъ узкія грани родины и отечества, что и къ ней примѣняется слово: „нѣсть іудей, ни эллинъ“. Гений и духъ Пушкина такъ великъ и обширенъ, что онъ принадлежитъ не только собственному народу, но и инымъ народамъ, — да, всему человѣчеству.

Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевского Университета 26 мая 1899 года.

Нѣтъ, весь онъ не умретъ:
Онъ памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа,
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа. . .

М. Г-ни и М. Г-ри! Одинъ за другимъ всходимъ мы на эту кафедру, одинъ за другимъ пытаемся охарактеризовать ту или иную сторону дѣятельности гениальнаго поэта, но если бы насъ явилось сюда вдвое, втрое, вчетверо болѣе, и если бы каждый изъ насъ избралъ себѣ темою какую-нибудь наиболѣе выпуклую черту въ поэзіи Пушкина, то и тогда, съ увѣренностью скажу, не исчерпать всей этой многосторонней, всеобъемлющей, — я хотѣлъ бы сказать, этой многогранной фигуры. . .

Не столько тотъ десятокъ минутъ, какимъ я располагаю, не столько недостатокъ времени, сколько именно эта многогранность не позволяетъ мнѣ даже и пытаться очертить нашего Пушкина во весь его ростъ. А между тѣмъ задача такъ заманчива! . . . Такъ хотѣлось бы, именно отступя на нѣкоторое разстояніе, бросить взглядъ заразъ на всю творческую дѣятельность поэта! . . . Поэтому позвольте хотя бы только подчеркнуть эту сторону Пушкинскаго таланта, хотя бы только остановить ваше вниманіе на этой

всеобъемлемости его поэзии, охватившей самые разнообразные настроенія и запросы человѣческой души, съумѣвшей заглянуть въ самые затаенные, самые священные тайники человѣческой мысли.

Многосторонность Пушкина, быть можетъ, всего ярче обрисуетъ при сопоставленіи его съ другими поэтами и художниками русскаго слова, на фонѣ той односторонности, съ какою является талантъ остальныхъ.

Дѣйствительно, возьмемъ ли мы, на примѣръ, Жуковскаго — съ нимъ прежде всего и преимущественно вступаешь въ область романтизма, туманной дали, въ міръ фантазіи, неясныхъ стремленій, заоблачныхъ высей, въ міръ чего-то одновременно и страшнаго, и сладкаго. Въ этой области Жуковский, безспорно, силенъ; но чуть вышелъ онъ изъ своей сферы, — и сила его поэзіи сразу теряетъ свои крылья. Поэзія Лермонтова есть негодующій протестъ оскорбленной личности, чувство, близкое къ мести, во имя поруганной воли, себялюбиваго Я; съ именемъ Некрасова давно уже связывается представленіе о поэзіи, черпавшей свое вдохновеніе, у „музы мести и печали“; Гоголь — неподражаемый сатирикъ, но все же только сатирикъ: все остальное въ его поэтическомъ творчествѣ блѣднѣетъ, ступевывается передъ этою чертою таланта; Островскій — такой же неподражаемый бытописатель, но специально купеческой жизни, и только. Идемъ далѣе. Вотъ, на примѣръ, Фетъ, этотъ поэтъ личнаго настроенія, тонкихъ ощущеній души, неуловимыхъ движеній человѣческаго сердца; вотъ Достоевскій — поэтъ больной души; вотъ лира Надсона — болѣзненный плачъ ноющаго, изстрадавшагося сердца. . . Подбирайте, если угодно, другіе примѣры; но повсюду мы найдемъ въ сущности одно и то же. Я не хочу сказать, что всѣ эти поэты намѣренно смотрятъ въ одинъ какой-нибудь излюбленный уголь; нѣтъ, всѣ они, и крупные, и второстепенные, откликаются также и на другіе мотивы, кромѣ своего главнаго;

но какой-нибудь одинъ, данный, всегда преобладаетъ у нихъ надъ остальными, перевѣшиваетъ ихъ, оттѣсняетъ, затушевываетъ.

Не то Пушкинъ! У него не затушевывается ничто, у него ничто не подавляетъ другого. Гармонія душевнаго равновѣсія у него постоянна. Съ рѣдкостною силою таланта, съ неподражаемою легкостью, съ изумительной ясностью, съ восхитительной гибкостью формы, съ непередаваемой граціей, всегда воздушной и свободной, подобно мягкому дуновенію вѣтра, — онъ одинаково мастеръ во всѣхъ родахъ поэзіи, и въ лирикѣ, и въ эпосѣ, и въ драмѣ; онъ одинаково мощенъ, и какъ историкъ своего общества, и какъ пророкъ, вѣщающій божественный глаголь; одинаково обаятеленъ, и какъ поэтъ чуткаго женскаго сердца, и какъ баянъ, воскресившій намъ сказочный міръ родной старины. . . И любая струна, по которой онъ ударилъ, поетъ для слушателя родными, знакомыми звуками.

Въ этомъ отношеніи другого таланта подъ пару Пушкина въ русской литературѣ намъ не найти: Пушкинъ стоитъ одинокимъ. Правда, какъ разъ въ наше время, на рубежѣ двухъ столѣтій, подобно старому вѣковѣчному дубу, одинокимъ колоссомъ среди остальныхъ соратниковъ по литературному перу стоитъ другой великій писатель, другая слава и гордость Русской земли; но, при всей поразительной мощи его психологическаго анализа, при всей яркости и законченности художественныхъ образовъ, въ силахъ ли будетъ даже и онъ сравняться съ геніальнымъ поэтомъ? . . .

Это-то умѣнье отзываться, все охватить, эта-то многосторонность натуры и дѣлаетъ Пушкина понятнымъ для всѣхъ и каждаго. Кто только не читаетъ его, кто только не восхищается имъ! Не даромъ услышите вы его и въ народной аудиторіи, и въ ученомъ собраніи, въ театрѣ и на музыкальномъ концертѣ; его читаютъ и въ деревенской школѣ, и въ кабинетѣ высокообразованнаго человѣка, и въ

великосвѣтскомъ салонѣ; не только читають, — его изучають: въ университетѣ, въ печати. . . Пушкинъ близокъ и доступенъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ состояніямъ, всѣмъ ступенямъ образованія. У него есть что сказать и ребенку, и взрослому, и старику, богатому и бѣдному, образованному и полуграмотному; любое стихотвореніе Пушкина, любое настроеніе его найдетъ своего читателя, найдетъ свой отголосокъ. Поэтъ поведетъ васъ на шумные пиры въ честь Вакха и Киприды и рядомъ съ этимъ дастъ вамъ усладу въ торжественно-молитвенномъ самоуглубленіи; онъ изобразить вамъ бурную, кипучую страсть, отъ которой такъ и вѣтъ африканскимъ пламенемъ, и тутъ же вы услышите изъ устъ его нѣжный, цѣломудренный шепотъ юной любви; онъ подниметъ васъ на самыя горнія, онъ дастъ испытать вамъ счастье прощенія, усладу въ горделивомъ чувствѣ патриотической радости, научить съ уваженіемъ относиться даже къ падшему врагу, который „міру вѣчную свободу изъ мрака ссылки завѣщаль“ . . . и тутъ же займетъ васъ самой обыденною мелочью, спустится до самыхъ житейскихъ интересовъ, въ родѣ грязи на одесскихъ мостовыхъ — и все это будетъ проникнуто такою искренностью чувства, такой теплотой и задушевностью, такой разительной, жизненной правдою, облечено въ формы такого высокаго поэтического созданія, что долго, долго стоите вы очарованный, съ умиленіемъ и благодарностью слѣдя за тѣмъ яркимъ и чистымъ потокомъ свѣта и добра, который льется на васъ отъ лучезарной фигуры поэта. . .

Гибкость и всесторонность таланта Пушкина не проявились, можетъ быть, нигдѣ съ такою яркостью и наглядностью, — именно яркостью, въ столь ослѣпительномъ блескѣ, брызжущимъ и, казалось, никогда не способномъ ослабнуть — какъ въ произведеніяхъ на темы изъ чужой жизни, изъ чужихъ временъ и нравовъ, — черта уже не разъ останавливавшая вниманіе наблюдателя. Тутъ онъ очаровываетъ, подобно волшебнику, и нить за нитью, точно

гирлянды благоухающихъ розъ, напизываетъ передъ вашимъ удивленнымъ взоромъ. Поэтъ точно хочетъ сказать вамъ: „Для меня не существуетъ ни времени, ни пространства, ни той оболочки которую мы зовемъ національностью, и которая такъ часто и сильно мѣшаетъ намъ уловить черты чуждаго духа“. . . . Что иному дается, какъ результатъ многолѣтнихъ усилій и наблюдений, стѣбитъ напряженной работы мысли, упорнаго изученія — то Пушкинъ схватываетъ и воспринимаетъ одною лишь силою своего изумительнаго генія.

Вспомните его „Пророка“, переложеніе молитвы Ефрема Сирина, „Подражаніе Корану“. . . . Развѣ не библейскимъ Востокомъ, сильнымъ своею близостью къ Богу, дышать эти слова:

И вялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье. . . ?

Развѣ это не голосъ народа, привыкшаго бесѣдовать съ Творцемъ неба и земли, гордаго въ сознаниі, что никто иной, какъ онъ — „народъ избранный“ :

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполниись волею моею,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ, жги сердца людей. . . ?

На почвѣ того же Востока выросла и великоностная молитва, которую такъ неподобно переложилъ Пушкинъ. Правда, она знакома была ему, какъ и любому изъ насъ, еще съ ранняго дѣтства; но есть ли въ русской литературѣ другая, подобная же, которая бы такъ властно овладѣвала нашимъ настроеніемъ, столь ощутительно рисовала нашему воображенію полутемные своды храма „во дни печальные великаго поста“, клубящійся дымъ церковныхъ кадильницъ, трепетное мерцаніе лампадъ передъ иконами святыхъ и то

сладкое чувство смиренія, съ какимъ, при звукахъ этихъ проникновенныхъ словъ никнешь долу въ тревожномъ сознаніи своихъ грѣховъ и пламенномъ желаніи скорѣе омыть ихъ, очистить себя? . . .

Тѣмъ же Востокомъ, но на этотъ разъ уже мусульманскимъ, вѣетъ отъ переложеній Корана. Какъ полны чисто арабской мистики эти противопоставленія:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой!..

Какая пламенная вѣра въ Бога, ищущая выраженія своему представленію о Творцѣ, какъ о Существовѣ, который

. . . править вѣтромъ; въ знойный день
На небо посылаетъ тучи,
Даетъ землѣ древесну тѣнь. . .

Какой фанатизмъ (а имъ вообще такъ богатъ исламъ!), какой восторженный энтузіазмъ правовѣрнаго, для котораго нѣтъ высшаго наслажденія, какъ разить враговъ во славу Аллаха:

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье:
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.
Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньѣ своемъ
Рекутъ: „Возьмите насъ съ собою“,
Но вы скажите: „Не возьмемъ“.
Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи,
Неотравляемомъ ничѣмъ

Подобно магу и чародѣю, переноситъ насъ Пушкинъ неоконченнымъ отрывкомъ „Цесарь путешествовалъ“ въ

эпоху императорскаго Рима. Въ изящной простотѣ этого строгаго стиля, чуждаго риторическихъ украшеній, въ спокойномъ ритмѣ этой сдержанной рѣчи, глубоко прочувствованной и сильной своимъ убѣжденіемъ, въ этихъ короткихъ предложеніяхъ такъ и слышится перо Тацита или Свтонія. Съ первыхъ же строкъ, за внѣшней оболочкой разсказа, вы уже погружаетесь въ міросозерцаніе той эпохи, когда человѣческая жизнь ставилась ни во что, когда люди, пресыщенные земными благами, лишенные сильныхъ желаній, разставались съ жизнью, какъ съ ненужной игрушкой, и умирали подъ ароматъ еиміамовъ, съ улыбкой на устахъ, — той эпохи, когда благородство позы, красота движеній цѣнились выше благородства души, когда міръ, коченѣя отъ душевнаго холода, еще не успѣлъ прозрѣть и понять, чего ему не достаетъ — любви, чистой, святой любви . . . Подъ перомъ Пушкина этотъ маленькій случайный разсказецъ преобразился въ самую изящную и тонкую работу; какъ истый художникъ-ювелиръ, онъ мастерски отшлифовалъ свой алмазъ и въ затѣйливой игрѣ его лучей отразилъ намъ цѣлый уголокъ изъ жизни древняго Рима.

Наконецъ, захочется ли вамъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ окунуться въ жизнь средневѣковой Германіи — откройте его „Скупаго рыцаря“; захочется вчитаться въ думы и мысли древняго грека — берите его подражанія „древнимъ“, Анакреону; а то, если хотите, поэтъ унесетъ васъ на мощныхъ крыльяхъ своей прихотливой фантазіи далеко, далеко, въ тотъ поэтическій, полуволшебный край, гдѣ ночи такъ темны, гдѣ очи красавицъ такъ черны, а шпага противника такъ остра, неотвратима:

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!

Исполненъ отвагой,
 Окутанъ плащемъ,
 Съ гитарой и шпагой
 Я здѣсь подъ окномъ!

Ты спишь ли? Гитарой
 Тебя разбужу!
 Проснется ли старыи —
 Мечомъ уложу . . .

Въ одномъ уже размѣрѣ этого чуднаго романса сколько рѣшимости, истинно-испанской страсти, бурной, едва сдерживаемой, готовой на все, сосредоточенной на одной жадной мысли! Развѣ это не настоящая Испанія, по крайней мѣрѣ та, какую мы преимущественно, хотя, можетъ быть, и одно-сторонне, привыкли представлять ее отсюда, на далекомъ разстояніи съ нашего сѣвера? . . . Глухое безмолвіе кругомъ, полный мракъ; во всемъ мірѣ бьется одно только горячее сердце пламеннаго любовника да чуть слышные аккорды гитары страстнымъ шепотомъ зовутъ его милую. . . И развѣ до васъ не доносится біеніе этого сердца? Развѣ не видите вы, какимъ восторгомъ, какою любовью горять эти глаза? . . .

Поэтъ, съ такой поразительной силою умѣвшій проникнуться чужимъ настроеніемъ, схватить міросозерцаніе, то есть, душу живу отдаленныхъ, даже отжившихъ народностей, тѣмъ съ бѣльшимъ совершенствомъ долженъ былъ воспринять черты родной ему жизни. Всеобъемлемость Пушкинской поэзии была въ сущности только основой, на которой развернулся мощный геній поэта и породилъ то, что и составляетъ его истинный вкладъ, главнѣйшую заслугу передъ потомствомъ — раскрытіе національных особенностей русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, мотивы изъ жизни Востока, древняго Рима, Германіи или Испаніи насъ могутъ плѣнять, восхищать, приводить въ изумленіе — но вся глубина Пушкинскаго творчества, весь безпредѣльный размахъ его генія раскры-

ваются лишь тамъ, гдѣ онъ рисуеъ намъ жизнь и бытъ русскаго народа въ разнообразнѣйшихъ его проявленіяхъ, начиная съ природы и кончая изображеніемъ духовнаго склада, заглядывая въ самые сокровенные тайники, въ святая святыхъ народныхъ помысловъ, чаяній, желаній. И въ жизни русскаго общества скоро минетъ уже вотъ столѣтіе, какъ поэзія Пушкина, безъ преувеличенія, стала неисчерпаемымъ источникомъ для всѣхъ, кто хотѣлъ оглянуться вокругъ себя, — познать самого себя.

Впервые лишь съ Пушкина ознакомились мы съ истинно-художественными образами русской природы, именно съ тѣми особенностями, какія присущи ей въ нашихъ широтахъ и климатѣ. Зачастую мы не примѣчаемъ этихъ особенностей, онѣ примелькались намъ и мы не отдаемъ себѣ въ нихъ отчета. Но раскройте Пушкина, и онъ нарисуетъ вамъ картину, восхитительную по своей прелести, изумительную по своей точности и реализму. Какой натуралистъ изображалъ съ большей правдой и чутьемъ, напимѣръ, нашу весну:

Гонимы вешними лучами,
 Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
 Сбѣжали мутными ручьями
 На потопленные луга.
 Улыбкой ясною природа
 Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
 Синѣя блещутъ небеса;
 Еще прозрачные, лѣса
 Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
 Пчела за данью полевой
 Летитъ изъ кельи восковой;
 Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
 Стада шумятъ, и соловей
 Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей . . . ?

Кто изъ предшественниковъ Пушкина съумѣлъ нарисовать такую яркую картину осени, когда „лѣсовъ таин-

ственная сѣнь съ печальнымъ шумомъ“ обнажается; когда ложится „на поля туманъ“, и къ югу тянется „гусей крикливыхъ караванъ“? . . . ту осень, когда дохнетъ

осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ. . . ?

или когда

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребрить морозъ увянувшее поле. . . ?

Русская зима полна разнообразія и оттѣнковъ — въ разнообразныхъ формахъ представилъ ее и Пушкинъ. Сколько новыхъ ощущеній несетъ она за собою :

Опрятнѣй моднаго паркета,
Блится рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вѣтся первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ. . . !

Въ нашемъ воображеніи возстаютъ образы то спящей царевны въ непробудномъ снѣ :

. недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;

то волшебницы изъ старой, забытой сказки :

Клоками повисла на сукахъ дубовъ,
Легла волнистыми коврами

Среди полей, вокругъ холмовъ,
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравняла съ пухлой пеленою. . . .

Впервые лишь у Пушкина мы познакомились съ прелестью тихаго деревенскаго вечера :

Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
 Ужъ расходились хороводы ;
 Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
 Огонь рабочій ;

съ томящимъ уединеніемъ въ длинный зимній вечеръ, когда

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри снѣжные крутя ;

съ бодрымъ настроеніемъ въ морозное солнечное утро, когда

Подъ голубыми небесами,
 Великолѣпными коврами,
 Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ,
 Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
 И ель сквозь иней зеленѣетъ,
 И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Поэтъ одинаково ярко, съ одинаковой любовью рисуетъ намъ и пышную столицу съ ея „темнозелеными садами“, ея „оградъ узоръ чугунный“, ея

задумчивыхъ ночей
 Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный. . . .
 Невы державное теченье,
 Береговой ея гранить, —

и глухую деревню,

избушекъ рядъ убогій,
 За ними черноземъ, равнины скатъ отлогій,
 Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса

иль

. . . рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты. . .

Незатѣйливый пейзажъ нашей равнины, свѣжныя неприступныя вершины Кавказа, грустный шумъ голубыхъ волнъ Чернаго моря, ликующій день, вновь ожившій вслѣдъ за разсѣянной бурей — все, все нашло отраженіе въ кристальной поэзіи Пушкина.

Но природа, среди которой живетъ человѣкъ, не есть ли частица самихъ насъ? . . Развѣ не чувствуется, хотя бы инстинктивно, глубокая, таинственная связь съ окружающей насъ обстановкой? . . И вотъ почему картины русской природы, въ изображеніи Пушкина, рисуя эту обстановку, въ сущности вводили насъ во внутренній міръ нашей собственной жизни. Дѣло не въ картинѣ, нарисованной поэтомъ, но въ тѣхъ аккордахъ, какими она для насъ звучала. А вѣдь этими аккордами полны всѣ творенія Пушкина! . .

Если поэтъ счумѣлъ плѣнить насъ своею „зимой“ или „осенью“, то еще болѣе неотразимымъ явился онъ тамъ, гдѣ заглядываетъ въ нашу собственную душу, гдѣ говорить о самихъ насъ. Человѣка вообще, движенія его сердца, полетъ его ума, волненія его души — все это знакомо было намъ и раньше; но впервые только Пушкинъ уловилъ движеніе русскаго сердца, впервые только у него этотъ полетъ и эти волненья обрисовались съ той окраскою, съ той индивидуальностью, какія присущи именно русскому человѣку. Странное дѣло! Мы прожили почти тысячу лѣтъ, а еще не знали самихъ себя! Видѣли, ощущали, но не давали себѣ отчета. И только теперь, въ этихъ чудныхъ сказкахъ и балладахъ впервые отчетливо раскрылась передъ нами душа русскаго народа, съ ея вѣрованіями и надеждами, горемъ и радостями. Царь Сал-

тань, князь Гвидонъ, королевичъ Елисей, старикъ рыбакъ „со своею старухой“ перенесли насъ въ такую сѣдую старину родного прошлаго, которая, казалось, совсѣмъ уже ушла отъ насъ навсегда; „Бѣсы“, „Утопленникъ“, „Русалка“ неожиданно приподняли завѣсу, скрывавшую особый міръ, гдѣ жизнь — и при томъ совсѣмъ подлѣ, бокъ о бокъ съ нашей — была полнымъ ключемъ, а мы ее до сихъ поръ и не замѣчали. . . Устами Пушкина заговорилъ „простой“ народъ, и впервые образованнымъ людямъ XIX в. стала понятенъ его языкъ, та пѣсня, которую пѣлъ онъ изъ края въ край земли русской. И насъ неудержимо захватилъ широкій, величавый размахъ этой пѣсни, ея эпическая простота, трезвая правда, то нравственное здоровье, какимъ отъ нея дышетъ. Въ этой „грубой, мужицкой“ оболочкѣ, къ своему изумленію, мы увидали нѣчто намъ близкое, родное и дорогое; почувствовали, что выросли изъ тѣхъ же понятій и что сознать это неожиданное родство — значить, почерпнуть себѣ новыя силы, новую мощь.

А русская женщина! Трепетная Татьяна, скромная Марья Ивановна, наивная старушка-няня, несчастная русалка съ ея беззавѣтной любовью! Какой новый чудный міръ открыть былъ гениальнымъ поэтомъ! . . . Раньше мы тоже не подозрѣвали его присутствія; раньше намъ и не въ домыслъ было, какое безцѣнное сокровище въ нашихъ рукахъ, и при томъ всецѣло наше, нами созданное, — богатство, которое остается только растить и множить, чтобы черпать въ немъ новыя духовныя силы. . .

А этотъ разладъ мысли и желаній, борьба съ собой и съ окружающей средою! „Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ“, — этотъ неумирающій типъ, живущій подъ иными формами среди насъ и по настоящую еще пору! „Англійская складка“ не помѣшала ему быть продуктомъ чисто-русской почвы, и если современный историкъ справедливо ищетъ его прототиповъ еще въ отдаленной старинѣ, то

впервые обнаружить существование самого типа удалось лишь художественной прозорливости поэта.

Наконецъ, весь бытъ и строй нашей жизни, провинціальный и великосвѣтскій, помѣщичій, чиновничій! Перелистуйте хотя бы одного только „Евгенія Онегина“: для насъ — это воскреснетъ цѣлая эпоха недавняго прошлаго, для современниковъ Пушкина — это было зеркало, гдѣ они впервые увидали себя, поняли, кто и каковы они. . .

Да, М. Г-ни и М. Г-ри, поэзія Пушкина, взятая въ ея цѣломъ, дала намъ неоцѣнимое сокровище: она раскрыла намъ глаза, давъ возможность увидѣть, познать самихъ себя.

Что такое познаніе самого себя?

Народное самопознаніе выражается въ проникновеніи сходными идеалами и интересами, въ сознаніи у даннаго общества своего національнаго Я, своей индивидуальной особенности и отличія среди другихъ народностей, — въ потребности и стараніи выдѣлить эту индивидуальность, не смѣшивая съ другими, — наконецъ, въ желаніи во что бы то ни стало отстоять ее отъ враждебнаго натиска, въ незыблемой готовности обезпечить ей просторъ и свободу.

Вѣками строилась Русская земля — соотвѣтственно этому росло, крѣпло въ русскомъ обществѣ и сознаніе своихъ національныхъ отличій, своего духовнаго облика. Много славныхъ работниковъ потрудилося на этой благородной нивѣ. Первоначально наше самоопредѣленіе носило характеръ религіозный; позже мы выдѣлили свое Я подѣ влияніемъ политической идеи, подѣ могучимъ ростомъ государственнаго организма. Окутанные сѣдымъ туманомъ прошлаго, отодвинулись отъ насъ далеко вдаль великіе борцы монгольской эпохи — они отстаивали русскую вѣру и жертвовали собою для блага будущихъ поколѣній; нѣсколько ближе, но тоже далеко стоятъ и тѣ, кто нѣкогда въ тиши московскаго захолустья терпѣливо собиралъ наши разрозненныя силы и ковалъ броню на защиту потомства; съ

благодарной памятью вспоминаемъ мы и тѣхъ отважныхъ, большей частью безвѣстныхъ героевъ, которые въ тяжелую годину вынесли на себѣ разрушительный шквалъ, что съ такой беспощадной яростью пронесся было три вѣка тому назадъ надъ Русскою землею и чуть совсѣмъ не погубилъ работу прежнихъ поколѣній. . . Дивною, величавою фігурою выростаетъ передъ нами Петръ и, бросая длинную тѣнь на прошлое, „застить собою весь древній періодъ русской исторіи“, открывая новые пути, новые горизонты для роста народнаго самосознанія. Чѣмъ ближе къ нашему времени, чѣмъ дальше отъ московской эпохи, тѣмъ больше и больше освобождались мы отъ представлений о религіозномъ и политическомъ единствѣ, какъ исключительной основѣ нашей національной самостоятельности. Отнюдь не отвергая этихъ основъ, по прежнему продолжая цѣпко держаться за нихъ, мы однако начинали провидѣть, что эта самобытность зиждется на всей совокупности нашихъ вѣрованій, вкусовъ, понятій, на всемъ духовномъ складѣ нашей жизни, на свойствахъ и чертахъ, правда, зачастую неуловимыхъ, но тѣмъ не менѣе стойкихъ и незыблемыхъ, какъ гранитъ. Но нуженъ былъ гений Пушкина, чтобъ раскрыть это съ непреложною ясностію.

Раньше, въ своемъ сознаніи, мы оставались лишь общечеловѣками — теперь намъ стало ясно, что мы прежде всего русскіе; теперь мы увидали тѣ особенности и спеціальныя черты, которыя дѣлаютъ насъ такими и отличаютъ отъ всѣхъ остальныхъ. Познавъ себя, могли мы увидеть свои достоинства и недостатки, понять, въ чемъ наша сила и слабость. Познать же свою силу, значить, и вѣру пріобрѣсти въ свои силы, а вѣдь только съ вѣрой въ себя и можно идти впередъ!

Вы скажете: да что-жъ тутъ особеннаго? Все это такъ просто: Тургеневъ и Гончаровъ, Достоевскій и Толстой, а за ними цѣлая когорта второстепенныхъ художниковъ-писателей со временъ Пушкина вплоть до нашего времени только и

знають, что „раскрываютъ“ намъ насъ. Но вѣдь Пушкинъ, а не иной кто обусловилъ это дальнѣйшее „раскрытіе“! Пушкинъ положилъ ему такое мощное начало! Идти теперь за нимъ по проложенному пути стало уже не такъ трудно.

Работа, совершенная Пушкинымъ, столь велика по своему значенію, что невольно оглядываешься назадъ и въ прошломъ ищешь ей объясненій. . . Вотъ уже десять вѣковъ минуло съ той поры, какъ выступилъ на поприще исторіи русскій народъ; за это время русская жизнь дала намъ трехъ гигантовъ, трехъ величайшихъ геніевъ: Владиміра Святого, царя Петра и Пушкина, которому по величію, размаху и результатамъ его творческой дѣятельности принадлежитъ полноправное мѣсто рядомъ съ тѣми двумя: первый—вдохнулъ пламень вѣры, приобщилъ насъ къ культурнымъ народамъ, посѣялъ вѣчныя идеи правды, истины, добра; второй — воплотивъ въ себѣ всю силу и мощь, накопленную вѣками развитіемъ государственнаго начала, величавымъ размахомъ руки очертилъ разъ навсегда тотъ широкій горизонтъ, въ просторныхъ предѣлахъ котораго съ тѣхъ поръ происходитъ культивированіе этихъ идей; третій — уловилъ форму, въ которую облеклись эти идеи, и тотъ духъ, которымъ онѣ прониклись въ сознаніи и въ творческой переработкѣ русскаго народнаго генія, а уловивъ и передавъ въ художественномъ образѣ, онъ и въ нашу собственную душу вдохнулъ силу самосознанія, положилъ начало духовной самостоятельности и равноправности съ другими культурными народами.

Неужели этого мало, чтобы признать въ Пушкинѣ одного изъ величайшихъ дѣятелей русской исторіи? . . Великій Пушкинъ! . . Но, говорятъ, великихъ людей создаетъ только великій народъ? . . . Такъ за одно уже это сознаніе да прогремитъ же во всѣ концы Русской земли наше благодарное слово, да не изсякнетъ во вѣки благоговѣйная память о великомъ поэтѣ! . . .

Е. Шмурло.

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

Торжественное засѣданіе Учено-Литературнаго
Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ
Университетѣ 23 мая 1899 г.

Въ воскресенье 23 мая текущаго года состоялось торжественное засѣданіе Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ, посвященное чествованію памяти величайшаго и геніальнѣйшаго русскаго поэта, А. С. Пушкина, по случаю столѣтія со дня его рожденія.

Въ совѣтскомъ залѣ Университета, гдѣ происходило это торжественное засѣданіе, на высококомъ пьедесталѣ помѣщался декорированный живыми растеніями бюстъ виновника торжества.

Чествованіе памяти великаго поэта началось въ 1^{1/2} часа дня, въ присутствіи большинства членовъ Общества и значительнаго количества гостей, панихидою, отслуженною дѣйствительнымъ членомъ Общества, протоіереемъ, профессоромъ Университета, А. С. Царевскимъ, причемъ пѣлъ гимназическій хоръ подъ управленіемъ А. И. Кондратьева.

Передъ панихидою А. С. Царевскій сказалъ слово, приводимое ниже.

Послѣ панихиды товарищъ предсѣдателя, профессоръ М. Н. Крашенинниковъ, слѣдующими словами объявилъ торжественное засѣданіе открытымъ: „Присоединяясь къ общему грандіозному движенію, широкою и мощною волною охватившему всю интеллигентную Россію и обусловленному единомудушнымъ желаніемъ достойно отпраздновать высокознаменательное для всей Россіи событіе — исполняющуюся

на дняхъ столѣтнюю годовщину рожденія А. С. Пушкина, наше молодое Учено-Литературное Общество постановило посылно почтить память этого, безспорно, величайшаго и гениальнѣйшаго русскаго поэта, посвятивъ его чествованію особое торжественное засѣданіе, которое я теперь и объявляю открытымъ“.

Послѣ этого гимназическій хоръ подъ управленіемъ А. И. Кондратьева исполнилъ кантату „Слава Пушкину!“ (слова и музыка г. Рубца).

Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ дѣйствительный членъ Общества, директоръ Юрьевской классической гимназіи, Н. И. Ивановъ, и произнесъ (приводимую ниже) рѣчь: „о воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина“.

За рѣчью Н. И. Иванова послѣдовалъ „гимнъ въ память Пушкина“ (слова К. К. Случевского, музыка г. Главача), исполненный гимназическимъ хоромъ вмѣстѣ съ гимназическимъ же оркестромъ, подъ управленіемъ г. Якова.

Затѣмъ дѣйствительный членъ Общества, учитель Юрьевской учительской семинаріи, М. Н. Столяровъ, произнесъ (также приводимую ниже) рѣчь: „Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина“.

Послѣ этой рѣчи гимназическимъ оркестромъ были исполнены: 1) свадебный хоръ изъ оперы Даргомыжскаго „Русалка“ и 2) вальсъ изъ оперы Чайковскаго „Евгеній Онѣгинъ“.

Затѣмъ дѣйствительный членъ Общества, учитель Юрьевской классической гимназіи, А. П. Павловъ, продекламировалъ стихотворенія Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“ и „Памятникъ“.

Въ заключеніе гимназическимъ оркестромъ былъ исполненъ маршъ изъ оперы Глинки „Русланъ и Людмила“.

Совѣтъ Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ считаетъ долгомъ

публично выразить свою искреннюю благодарность Юрьевскому Семейному Общественному Собранию „Роднику“ — за любезное доставленіе бюста А. С. Пушкина, а также гимназическому хору и гимназическому оркестру въ лицѣ ихъ талантливыхъ руководителей, гг. Кондратьева и Якоба, за любезное содѣйствіе.

Слово,

произнесенное передъ панихидою по А. С. Пушкинѣ въ день торжественнаго засѣданія Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ 23 мая 1899 года.

Настоящее торжественное собраніе въ честь великаго нашего поэта, раба Божія Александра, мы предваряемъ молитвою объ упокоеніи души его. Такъ мы поступаемъ по сознанию заслугъ его предъ нами и по чувству христіанской любви къ нему. Не мнѣ, конечно, говорить здѣсь о заслугахъ его, но и съ церковной каѳедры позволительно сказать, что безсмертныя творенія его служатъ украшеніемъ русской литературы, славою русскаго имени. По выраженію одного изъ достойнѣйшихъ нашихъ писателей, въ твореніяхъ этихъ вполне выразилась вся полнота русскаго народнаго духа. По нимъ воспитывались мы, воспитываются наши дѣти и будутъ воспитываться дѣти нашихъ дѣтей. Имъ мы обязаны тѣмъ, что имя русскаго народа въ области словеснаго творчества стоитъ не ниже именъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ, ибо въ лицѣ нашего поэта русскій народъ имѣетъ своего Гомера, своего Шекспира, своего Гёте. Въ Ветхомъ Заветѣ поэтическое вдохновеніе въ средѣ народа еврейскаго разсматривалось какъ признакъ особой близости народа къ Богу и, наоборотъ, оскудѣніе этого вдохновенія указывало на нравственный упадокъ народа. Подобно этому и на поэтическій

даръ нашего поэта должно смотрѣть какъ на залогъ особаго благоволенія Божія къ народу русскому; располагающій насъ къ всегдашней благодарности. Воздадимъ же ему благомъ молитвы за тѣ духовныя блага, которыя онъ оставилъ намъ въ своихъ твореніяхъ.

Но не по сознанію только заслугъ нашего поэта мы должны молиться объ упокоеніи души его, но и по чувству христіанской любви къ нему. Какъ и всякій человѣкъ онъ подвергался въ своей жизни многимъ грѣховнымъ увлеченіямъ и паденіямъ, за которыя онъ долженъ отдать отчетъ на судѣ Божіемъ тѣмъ болѣе строгій, чѣмъ съ большею охотою онъ предавался имъ и чѣмъ бѣльшимъ соблазномъ послужилъ онъ для другихъ. Будемъ уповать, что правосудіе Божіе въ отношеніи его будетъ растворено милосердіемъ Божіимъ, ибо онъ умеръ съ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ, какъ истинный христіанинъ. „Хочу умереть христіаниномъ; прощаю всѣхъ“, говорилъ онъ въ предсмертныя свои минуты.

„Я содрогаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ стыдно идиловъ моихъ,
 Къ чему, несчастный, я стремился?
 Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?“ —

писалъ также поэтъ, и эти слова могли выйти только изъ сердца смиреннаго и сокрушеннаго, которое Богъ не уничтожитъ. Да учинитъ же его Господь по его покаянію въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе, и идѣже пребываютъ радость и веселіе вѣчныя. —

Къ сказанному позволю присовокупить еще одно. Одинъ изъ ближайшихъ друзей нашего великаго поэта говорилъ о немъ, что все лучшее въ немъ принадлежало ему самому, а все худшее въ немъ принадлежало лицамъ и обстоятельствамъ, окружавшимъ его. И дѣйствительно, въ обществѣ, окружав-

шемъ поэта, мы видимъ злобу, коварство, взаимное недоброжелательство, легкомысленное отношеніе къ нравственности, полное отчужденіе отъ спасительныхъ установленій церкви. Самое воспитаніе поэта, по его собственнымъ словамъ, было слишкомъ поверхностнымъ и лишено было благотворныхъ началъ народности и благочестія. Что же теперь удивительнаго, если печальные слѣды всего этого отразились на жизни нашего поэта! Что же удивительнаго въ томъ, если совокупность всего этого привела его къ трагической кончинѣ, отнявшей отъ насъ поэта въ самомъ расцвѣтѣ его поэтического таланта? Поэтому вполне будетъ уместно къ молитвѣ объ упокоеніи души нашего поэта присовокупить молитвенное обѣщаніе собственнаго нашего исправленія. Да не будетъ всего этого между нами; да не будетъ между нами злобы, коварства и взаимнаго недоброжелательства; да не будетъ между нами людей, смѣшивающихъ добро со зломъ и зло съ добромъ; да не будетъ между нами людей, подобныхъ тѣмъ, которыхъ Спаситель уподобляетъ гробамъ повапленнымъ, внѣ уду краснымъ, а внутри уду исполненнымъ мерзости и всякой нечистоты. Да не будетъ въ средѣ нашей легкомысленнаго отношенія къ вѣковѣчнымъ устоямъ нравственности и отчужденія отъ спасительныхъ началъ церковности и благочестія. Если мы дадимъ себѣ подобное обѣщаніе, то, уповаемъ, бессмертный духъ нашего великаго поэта съ отрадою и утѣшеніемъ будетъ внимать настоящему собранію въ память его и настоящей нашей молитвѣ за него. Аминь.

Проф. Протоіерей А. С. Царевскій.

О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина.

Мм. Гг.

Не безъ смущенія всхожу я на кафедру въ нынѣшнемъ торжественномъ собраніи нашего Общества, посвященномъ чествованію памяти великаго поэта. Великій человѣкъ, его великія дѣянія, поэтический гений и его созданія требуютъ и великихъ силъ для ихъ вѣрнаго пониманія и достойнаго изображенія въ словѣ. Въ 85 лѣтъ, протекшихъ со времени появленія въ свѣтъ первыхъ юношескихъ произведеній нашего поэта, оставившаго міру въ теченіе своей свыше 20-лѣтней поэтической дѣятельности высочайшіе образцы художественнаго творчества, послѣдніе составляли предметъ мысли и слова нашихъ первоклассныхъ критиковъ, великихъ писателей, философовъ, художниковъ. Всѣ они такъ или иначе испытывали силу своихъ дарованій надъ изученіемъ и объясненіемъ личности и произведеній нашего бессмертнаго поэта. Но и послѣ этихъ трудовъ нельзя сказать, что мы имѣемъ вполне опредѣленные и полные отвѣты на всѣ вопросы, возбуждаемые какъ его своеобразною личностью, такъ и великими созданіями. Такова вообще судьба великихъ историческихъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе таковыхъ дѣятелей въ области мысли и творчества.

Рѣшимость посвятить свое посильное слово изображенію великихъ заслугъ гениальнаго художника мы можемъ считать лишь слабою данію признательности за эти заслуги и удивленія

его гению. Сверхъ того, общеніе съ высокими идеями и возвышенными чувствами великаго художника имѣеть чрезвычайно важное значеніе въ нашей умственной жизни и вполне отвѣчаетъ естественнымъ запросамъ и потребностямъ духа. Въ вѣкъ широкаго развитія и необычайно быстрыхъ, поражающихъ самое смѣлое воображеніе, успѣховъ матеріальной культуры, захватывающей въ свои сѣти столько интересовъ современнаго образованнаго человѣчества, особенно цѣнно, важно не упускать изъ виду вопросовъ самопознанія. У всѣхъ великихъ поэтовъ, мыслителей, художниковъ стараго и новаго времени ярко и рѣзко стояла задача самопознанія, стояли тѣ жгучіе для развитаго сознанія вопросы бытія человѣческаго, какіе и до сихъ поръ остаются для человѣка и столь же глубоко важными, и столь же глубоко интересными. Съ этой точки зрѣнія чествованіе памяти нашего великаго поэта имѣеть глубокое моральное значеніе.

Въ настоящемъ очеркѣ представляется нѣсколько мыслей о томъ великомъ значеніи, какое имѣеть поэзія А. С. Пушкина для воспитанія высокихъ чувствъ, для выработки возвышенныхъ понятій въ сферѣ личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній.

Чувство имѣеть чрезвычайно важное значеніе въ жизни и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго общества. Составляя одинъ изъ главныхъ источниковъ нашихъ стремленій и дѣйствій, оно тѣмъ самымъ служить однимъ изъ основаній какъ частныхъ, такъ и общественныхъ отношеній. Нѣкоторые, напр., принимаютъ, что прирожденное чувство состраданія есть основа симпатіи, развивающейся въ свою очередь, при извѣстныхъ условіяхъ, въ сознательную любовь. Изъ ежедневнаго опыта мы знаемъ, какія важныя послѣдствія иногда влечетъ за собою сильное развитіе такихъ чувствъ, какъ: гнѣвъ, ненависть, ревность, съ одной стороны, а искренняя дружба, привязанность, любовь — съ другой. При такой важной роли въ нашей жизни чувства вполне понятно, какое важное значеніе должно имѣть правильное его развитіе, цѣлесообразное воспитаніе.

Искусство, какъ преимущественная форма выраженія общечеловѣческихъ чувствъ, и есть одно изъ важнѣйшихъ средствъ въ развитіи и цѣлесообразномъ направленіи чувства, въ дѣлѣ его воспитанія. По опредѣленію нашего знаменитаго современнаго писателя, истинное искусство есть зараженіе другихъ тѣмъ чувствомъ, какимъ одушевленъ самъ художникъ. Чувство изящнаго, преимущественно возбуждаемое различнаго рода искусствами, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ облагороженіи человѣческихъ отношеній и формъ жизни. Впечатлѣніе прекраснаго не пропадаетъ въ эстетическомъ чувствѣ. Нѣтъ, оно сопровождаетъ наши понятія, выражается въ образѣ жизни, въ отношеніяхъ людей. Изыщество формъ и благородство общественныхъ отношеній, которыми такъ гордятся образованные народы, впервые выработались въ сферахъ искусства, впервые развились въ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, въ высокомъ подъемѣ чувства художника. Въ этомъ отношеніи изящныя формы пластики, живописи, гармоническіе звуки музыки наряду съ изящными созданіями поэтическаго генія одинаково важны, одинаково могущественно двигаютъ впередъ формы и отношенія жизни, могущественно содѣйствуютъ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства распространяется далеко за предѣлы ихъ ближайшей сферы.

Поэзія есть выраженіе чувства, окрыленнаго мыслью. Эта особенность поэзіи ставитъ ее неизмѣримо выше всѣхъ другихъ родовъ искусства въ дѣлѣ воспитанія, облагороженія чувства. Чувство, освѣщенное и окрыленное мыслью, составляетъ не только основу человѣческихъ подвиговъ, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ и могущественное орудіе человѣческаго развитія.

Но въ этомъ отношеніи не всякое чувство, какъ бы оно ни было глубоко, какъ бы оно ни было изящно выражено, имѣетъ положительное значеніе, но лишь въ томъ случаѣ, когда, по выраженію нашего поэта, муза послушна велѣнью Божію, когда красота и добро (въ нравственномъ смыслѣ) сливаются въ одно прекрасное цѣлое. Лишь при этомъ условіи

искусство выполняет свою великую роль истиннаго очеловѣченія чувства и жизни. Нашъ современный гениальный писатель и не признаетъ никакого иного искусства.

Задуманность, возвышенность и глубина чувствъ, изящество выраженія лучшихъ поэтическихъ созданій Пушкина ставятъ послѣднія въ ряду величайшихъ созданій въ области искусства, какъ орудія общественнаго воспитанія.

Имѣя въ виду указать на воспитательныя, поучительныя черты въ самой личности нашего великаго поэта, въ развитіи его идеальныхъ воззрѣній, какъ эта личность и эти воззрѣнія отразились въ его поэтическихъ созданіяхъ, нельзя не остановиться на вопросѣ объ отношеніи этихъ созданій къ личности поэта. Эстетическая критика, игнорирующая вопросъ объ источникѣ поэтическихъ произведеній, объ ихъ, такъ сказать, психологической исторіи, ихъ связи съ самою жизнію поэта, восхищаясь красотой этихъ произведеній, считала ихъ не болѣе, какъ игрою поэтической фантазіи, произведеніями художественнаго гениа, не выражающими никакихъ личныхъ убѣжденій поэта. Этотъ взглядъ на поэтическія созданія, очевидно, не далекъ отъ того, который цѣнилъ значеніе поэзіи наравнѣ съ вкуснымъ лимонадомъ. Взглядъ на поэта, лишь какъ на жреца чистаго искусства, по справедливому замѣчанію Ап. Григорьева, „лишаетъ поэта его великой личности, его пламенныхъ, но обманутыхъ жизнью сочувствій, его высокаго общественнаго значенія и низводитъ его на степень кимвала звенящаго и мѣди бряцающей, громкаго и равнодушнаго эха, сладко поюшей птицы.“ (Соч. I, 238.) Историческая, въ обширномъ смыслѣ, критика, не отвергая вполнѣ художественной точки зрѣнія, основаніемъ своихъ сужденій о художественныхъ созданіяхъ принимаетъ положеніе, что эти послѣднія суть выраженія личной жизни художника, чувствъ, имъ дѣйствительно пережитыхъ, мыслей, имъ дѣйствительно передуманныхъ. Иная точка зрѣнія представлялась бы намъ теперь по меньшей мѣрѣ странною. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ только, что художественныя созданія Достоевскаго, Льва Толстого не за-

ключаютъ въ себѣ выраженія ихъ дѣйствительныхъ идеальныхъ воззрѣній, а суть лишь плоды развлеченій, „забавъ, иль празднои скуки“. Можно ли еще болѣе унижить эти созданія и ихъ авторовъ, которыми наша литература справедливо гордится, и которые такъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашихъ просвѣщенныхъ сосѣдей, европейскихъ и заокеанскихъ друзей, ставящихъ себя во главѣ современнаго литературнаго и вообще культурнаго развитія человѣчества? Не нужно доказывать, что упомянутыя созданія — плоды не забавъ и празднои скуки, а наоборотъ — тяжелыхъ думъ, захватывающихъ чувствъ, тяжелыхъ душевныхъ мукъ. Иными путями не рождаются истинно художественныя созданія. По своеобразному, но мѣткому выраженію нашего современнаго гениальнаго художника и мыслителя, „гладкихъ, жирующихъ и самодовольныхъ мыслителей и художниковъ не бываетъ. Духовная дѣятельность и выраженія ея, дѣйствительно нужныя для другихъ, есть самое тяжелое призваніе человѣка, крестъ, какъ выражено въ Евангеліи. И единственный несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть самоотверженіе, есть жертва собой для проявленія вложенной въ человѣка на пользу другимъ людямъ силы. Безъ мукъ не рождается и духовный плодъ.“ (Л. Толстой. Сочин. т. XII, стр. 326. Москва, 1886).

Поэзія была страстью Пушкина. Сдѣланное имъ самимъ указаніе, что „поэзія бываетъ исключительною страстью многихъ, родившихся поэтами. Она объемлетъ, поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни,“ въ полной мѣрѣ приложимо къ нему самому. Въ его произведенія мы имѣемъ не мало признаній, что онъ рано началъ сознавать въ себѣ эту страсть.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея

Я безмятежно расцвѣталъ,

Въ тѣ дни въ таинственныхъ долинахъ,

Весной при крикахъ лебединыхъ,

Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,

Являются муза стала мнѣ. (Евг. Он. VIII, 1.)

Съ этихъ поръ муза стала неразлучною спутницею Пушкина до послѣдней минуты его жизни, среди его увлеченій, порывовъ молодости и страстной природы, въ тиши уединенія, въ минуты грусти и печали, въ его частной и общественной жизни, въ его сознательномъ служеніи развитію родной мысли и слова. Поэтъ такъ изображаетъ свое творчество въ первую юношескую эпоху :

Все волновало нѣжный умъ :
 Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
 Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
 Старушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Моими играми, досугомъ ;
 За мной повсюду онъ леталъ,
 Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
 И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава ;
 Въ ней грезы чудныя рождались ;
 Въ размѣры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой риемой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ иль вихорь буйный,
 Иль иволги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой,
 Иль шопоть рѣчки тихоструйной.

Въ 1830 году поэтъ, изображая себя среди тишины сельской обстановки, говорить :

И пробуждается поэзія во мнѣ :
 Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
 Трепещетъ и звучить, и ищетъ, какъ во снѣ,
 Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
 И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
 Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
 И риемы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
 И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
 Минута — и стихи свободно потекутъ. (II, 103.)¹⁾

При такой силѣ поэтическаго дарованья, естественно, рѣдкое событіе, рѣдкое впечатлѣніе, рѣдкое движеніе чувства проскользнетъ у поэта не запечатлѣннымъ въ поэтическомъ образѣ. И наоборотъ — нѣтъ въ поэзіи Пушкина образа, нѣтъ отдѣльной черты въ образѣ, которые не имѣли бы своего основанія въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ его чувствѣ. Онъ поистинѣ и безъ всякаго преувеличенія — поэтъ дѣйствительности. Вотъ что даетъ основаніе сказать, что поэзія Пушкина имѣетъ несомнѣнное біографическое, или правильнѣе, біографическо-психологическое значеніе; что въ этой поэзіи мы въ правѣ видѣть дѣйствительные помыслы, надежды, стремленія, идеалы самого поэта,

Какія же черты духовной природы Пушкина, его нравственной личности, отразившіяся въ его произведеніяхъ, могутъ для насъ имѣть воспитывающее, поучительное значеніе? Конечно, образъ поэта, какъ онъ вырисовывается въ плодахъ его духовной дѣятельности, прежде всего дѣйствуетъ на воображеніе наблюдателя, какъ цѣльная личность, со всѣми ея чувствами, стремленіями, страстями. Но на такомъ представленіи образа поэта останавливается лишь пассивно воспринимающая мысль, лишь поверхностное отношеніе къ поэтическому образу. Болѣе внимательное отношеніе къ послѣднему, анализъ заключенныхъ въ немъ мыслей и чувствъ, сопоставленіе тѣхъ и другихъ въ ихъ постепенномъ развитіи въ дѣятельности поэта — приводятъ наблюдателя къ генезису этихъ мыслей и чувствъ поэта, къ опредѣленію ихъ взаимной зависимости, относительнаго значенія, безъ чего немислимо правильное разумѣніе художественнаго произведенія.

Пушкинъ былъ необыкновенно богато одаренная натура. Не получивъ правильнаго, разумнаго, сообразно своей богатой

1) Цитаты приводятся по изд. Литер. фонда. 1887.

природѣ, воспитанія, будучи наоборотъ подвергнуть своего рода пытку такъ называемаго французскаго поспитанія, если не извратившаго природы поэта, то во всякомъ случаѣ задержавшаго развитіе природныхъ и, нужно прибавить, глубоко народныхъ свойствъ его натуры, не нашедши и въ учебномъ заведеніи, въ которомъ обучался, правильной школы, которая стояла бы на уровнѣ современныхъ ей знаній и ученія, нашъ поэтъ естественно страдалъ, особенно въ юности, отъ послѣдствій своего, какъ онъ выражался, проклятаго воспитанія и своего образованія. Въ своихъ запискахъ Пушкинъ съ горечью отмѣтилъ: „Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ деритскимъ студентомъ (онъ разумѣлъ Вульфа). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы научились танцовать.“ Но такая богато одаренная натура, какъ Пушкинъ, не могла помириться съ своимъ безпорядочнымъ воспитаніемъ и недостаточнымъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи самосознаніе Пушкина рано просыпается. Первымъ по времени отраженіемъ этого самосознанія является превосходное стихотвореніе 1819 г. „Возрожденіе“. Здѣсь мы еще не видимъ сознательно поставленной цѣли самовоспитанія, самообразованія. Она пока заключается лишь въ постепенномъ очищеніи отъ грѣховъ воспитанія, сознаниі своихъ заблужденій, какъ слѣдствія дурно направленнаго воспитанія. Я не стану останавливаться на томъ, въ данномъ случаѣ важномъ, обстоятельстве, какъ неблагопріятны были для такого сознанія условія жизни Пушкина, его отношенія въ періодъ времени отъ выхода его изъ Лицея до выѣзда въ Екатеринославль, да и впослѣдствіи съ нѣкоторыми перерывами вплоть до переселенія въ с. Михайловское въ 1824 году. Но самый фактъ проявленія этого сознанія въ художественномъ произведеніи въ высшей степени знаменателенъ. Сознаніе своихъ заблужденій, хотя бы и не надолгое время, строгій, испытующій взоръ на пройденный путь есть могучій рычагъ дальнѣйшаго развитія, вѣрный залогъ самосовершенствованія.

Упомянутое стихотвореніе „Возрожденіе“ открываетъ собою цѣлый рядъ подобныхъ, какъ бы ,покаянныхъ произведеній нашего поэта. Чѣмъ болѣе развивалось самосознаніе Пушкина, тѣмъ глубже онъ видѣлъ и понималъ требованія разумнаго воспитанія чувства, характера, истиннаго образованія. По самому существу своему горькое чувство прошлаго пробивается въ произведеніяхъ Пушкина не часто, но оно тѣмъ рѣзче, тѣмъ острѣе. Относящіяся сюда стихотворенія то цѣликомъ посвящены выраженію этого чувства, то послѣднее служитъ лишь основою, фономъ для выраженія вытекающихъ изъ него чувствъ.

Отзвуки этого чувства встрѣчаемъ въ элегіи 1821 г. : „Я пережилъ свои желанья, я разлюбилъ свои мечты...“ (238, I.)

Всецѣло посвящено выраженію горькаго чувства раскаянія въ заблужденіяхъ жизни и чувствъ молодости стихотвореніе 1828 г. „Воспомяніе“ : „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“ (II, 37). Ярко выражено это чувство въ „Стансахъ“ 1830 г. въ отвѣтъ на посланіе м-та Филарета :

„Въ часы забавъ иль празднои скуки,
 Бывало лирѣ я моей
 Ввѣрялъ изнѣженные звуки
 Безумства, лѣни и страстей“ . . .
 „Я лилъ потоки слезъ нежданнхъ,
 И ранамъ совѣсти моей
 Твоихъ рѣчей благоуханнхъ
 Отраденъ чистый былъ елей.“ (II, 88.)

Къ тому же году относится элегія :

„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
 Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье“ (II, 101.)

Въ 1834 году Пушкинъ дѣлаетъ переложеніе первой главы знаменитаго сочиненія англійскаго теософа Бѣньюана „Странникъ“, изображающей отчаяніе человѣка, сознающаго свою неприготовленность къ смерти, къ загробному суду. Изобразивъ отчаяніе человѣка, увидѣвшаго передъ собою

смерть и услышавшаго призывъ къ нелицепріятному суду, поэтъ указываетъ страннику рукою юноши вдали мерцающій свѣтъ, къ которому и отправляетъ странника, и послѣдній, оставивъ семью, друзей, бѣжалъ къ источнику указаннаго свѣта. Изъ того же чувства вылилось чудное по своей задушевности стихотвореніе 1835 г. „Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ отшельникомъ два года незамѣтныхъ“ (с. Михайловское) (II, 182). Въ особенности для насъ въ данномъ случаѣ интересны дополнительные стихи къ этому стихотворенію, не отданные Пушкинымъ въ печать, по ихъ слишкомъ автобіографическому характеру. Въ черновыхъ рукописяхъ къ этому стихотворенію встрѣчаемъ слѣдующее добавленіе:

„Вотъ уголокъ, гдѣ для меня безмолвно пролетали
 Часы трудовъ, свободно вдохновенныхъ;
 Здѣсь погруженный въ думы,
 Я размышлялъ о грустныхъ заблужденьяхъ
 Объ испытаньяхъ юности моей,
 О строгомъ, заслуженномъ осужденьѣ“

Такимъ образомъ указанное горькое чувство, какъ осадокъ увлеченій и страстей, проходитъ весьма замѣтную струею въ произведеніяхъ Пушкина на протяженіи послѣднихъ 16 лѣтъ его жизни и поэтической дѣятельности.

Въ связи съ этою выдающеюся чертою личности Пушкина, съ этой кристально чистой струей его поэзіи нужно поставить не менѣе важный для насъ въ данномъ случаѣ мотивъ ея — исканіе и постепенная выработка жизненнаго и творческаго идеала поэта. Мотивъ этотъ, можно сказать, непосредственно вытекалъ изъ самосознанія поэта, выразившагося въ самокритикѣ, въ раскаяніи въ своемъ жизненномъ и поэтическомъ прошломъ.

Въ чемъ же выразилось это исканіе идеала, и въ чемъ заключается самый этотъ идеалъ? По существу вопроса трудно ожидать найти въ поэзіи Пушкина прямой отвѣтъ на

него. Такого рода интимныя, задушевные мечты поэта пробиваются, въ особенности вначалѣ, едва замѣтными чертами, лишь въ послѣдствіи выростая въ опредѣленные образы, въ обстановкѣ то исторической, то современной поэту дѣйствительности. Въ данномъ отношеніи несомнѣнно важно вскрыть разнообразныя вліянія, которыя несомнѣнно имѣли значеніе въ выработкѣ содержанія и формы пушкинской поэзіи, пока она не вылилась въ широкій потокъ творчества самобытнаго русскаго гениа. Не пересматривая всего сдѣланнаго уже въ этомъ отношеніи критикою, мы ограничимся важнѣйшими въ этомъ направленіи наблюденіями. Вышепоставленный вопросъ сводится къ опредѣленію лично-общественныхъ идеаловъ Пушкина, какъ они выразились въ его поэзіи.

Въ развитіи пушкинскихъ идеаловъ различаютъ два періода, граница которыхъ совпадаетъ внѣшнимъ образомъ съ границею двухъ царствованій. Конечно, въ дѣлѣ развитія нравственныхъ убѣжденій трудно указать какія нибудь болѣе или менѣе опредѣленныя, точныя грани. Къ этому нельзя не прибавить, что широкая увлекающаяся, страстная натура Пушкина менѣе всего склонна была укладываться разъ навсегда въ точно опредѣленныя рамки той или другой морали, подчиняться въ своей дѣятельности отвлеченной теоріи. Но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить великой разницы нравственно-общественныхъ идеаловъ Пушкина-юноши и Пушкина-мужа въ смыслѣ широкаго развитія его мысли и высоты міровоззрѣнія. Это-то совершенствованіе его нравственныхъ воззрѣній и составляетъ для насъ въ высшей степени поучительный фактъ, достойный великаго поэта.

Могущественная, демоническая, по выраженію самого поэта, сила творчества, которою онъ былъ одаренъ, требовала не менѣе могучихъ нравственныхъ силъ, чтобы направить это бурное дарованіе къ истиннымъ и высокимъ цѣлямъ. Силу эту Пушкинъ не могъ почерпнуть ни въ семьѣ, которая дала нашему поэту много отрицательнаго въ нравственномъ смыслѣ, ни въ школѣ, которая по своему воспитательному

вліянію стояла не выше его семьи, ни тѣмъ менѣе въ томъ обществѣ золотой молодежи, въ которомъ Пушкинъ занималъ видное мѣсто по выходѣ изъ Лицея. Порывы страсти, увлеченія модными въ то время либеральными идеями до атеизма включительно наполняли въ первое время жизнь поэта и въ значительной мѣрѣ отразились и на его произведеніяхъ перваго періода. Самъ Пушкинъ такъ изображаетъ свои идеалы этого времени :

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
 Страстей единый произволь,
 Съ толпою чувства раздѣляя,
 Я музу рѣзвую привелъ
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ;
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары,
 И какъ вакханочка рѣзвилась,
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочилась,
 И я гордился межъ друзей
 Подругой вѣтренной моей“. (Евг. Он. VIII, 3.)

Но пройдя черезъ всѣ эти искушенія, отразивъ на себѣ разнообразныя вліянія эпохи, переболѣвши разнообразными ея недугами, Пушкинъ однако-же нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы отъ нихъ освободиться. А освободившись отъ этихъ юношескихъ увлеченій, поэтъ обнаружилъ такую нравственную высоту возрѣній, какая была недосыгаема для тѣхъ, слабости которыхъ онъ раздѣлялъ. Мицкевичъ, другъ Пушкина, такъ отзывался о его характерѣ: „Недостатки Пушкина, повидимому, зависѣли отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ вращался, но что въ немъ было добраго, то проистекало изъ его собственнаго сердца“. И вотъ около 25 года жизни Пушкинъ мало по малу, осторожно, по мѣрѣ

проясненія своихъ воззрѣній, вводитъ въ свои произведенія художественные образы совѣтъ иного нравственнаго закала, чѣмъ изображенные выше идеалы страсти, чувственнаго порыва. Безъ предположенія начавшагося около этого времени нравственнаго возрожденія, заблиставшихъ для него, хотя еще въ синей дали, высокихъ личныхъ и общественныхъ идеаловъ, намъ невозможно было бы объяснить появленіе въ его произведеніяхъ совершенно новыхъ въ нравственномъ смыслѣ образовъ, которые, постепенно совершенствуясь, предстаютъ предъ нами въ дивныхъ созданіяхъ его послѣднихъ лѣтъ. Приведемъ въ общихъ очеркахъ занимающіе насъ образы. Уже въ первой изъ такъ называемыхъ байроническихъ поэмъ Пушкина, въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, рядомъ съ байроническимъ или, по мнѣнію другихъ¹⁾, шатобриановскимъ, характеромъ плѣнника мы встрѣчаемъ совѣтъ въ другомъ родѣ идеальный образъ, образъ черкешенки, которая со своимъ самоотверженіемъ является истинною героинею предъ слабохарактернымъ плѣнникомъ. Но въ чертахъ этой героини, названной, Пушкинымъ черкешенкой, мы съ большимъ правомъ, говоритъ критикъ, должны признать настоящую русскую женщину, для которой права другого сердца дороже ея собственнаго счастья. (В. В. Никольскій. Идеалы Пушкина. Стр. 24). „Въ „Цыганахъ“, позднѣйшей и совершеннѣйшей изъ всѣхъ поэмъ, задуманныхъ подъ вліяніемъ байроновской романтики, уже вложено одно изъ завѣтнѣйшихъ началъ народной русской жизни — требованіе смиренія личныхъ страстей, указаніе на то, что душевная правда и свобода даются только подвигомъ личнаго самоусовершенствованія, а не погоней за блестящими и фантастическими призраками внѣшней свободы“ (В. Буренинъ. Критическіе этюды. Стр. 273). Идеальный образъ старика цыгана Пушкинъ, конечно, не наблюдалъ въ бессарабскихъ степяхъ, въ дѣйствительныхъ цыганскихъ таборахъ. „Идеалъ этотъ совершенно не цыганскій. Это идеалъ

1) В. В. Сиповскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ. Спб. 1899.

пушкинскій, и подобно черкешенкѣ онъ есть созданіе нравственной природы самого Пушкина, есть выраженіе его собственного понятія о свободѣ, и этимъ созданіемъ Пушкинъ рѣшительно осудилъ байроническій идеалъ“ (В. В. Никольскій Идеалы Пушкина. Стр. 24).

Поэма „Братья разбойники“ есть какъ-бы психологическій этюдъ безпашаной удали, дерзкихъ подвиговъ нравственно-одичавшихъ людей. Поэма не окончена, но заключительные стихи послѣдней строфы ясно намекаютъ на нравственный смыслъ поэмы:

„Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть;
Она проснется въ черный день.“

Итакъ совѣсть, нравственный законъ долженъ, по мысли поэта, торжествовать въ отношеніяхъ людей. Иныя отношенія представляются поэту неестественными. Очевидно, вопросъ о торжествѣ нравственного закона надъ страстью уже вполне овладѣлъ поэтическимъ сознаніемъ Пушкина.

Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, изобразивъ бѣшеную страсть восточнаго деспота, поэтъ заставляеть ее разбиться о непреодолимыя препятствія нравственной чистоты плѣнницы христіанки.

„Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ
И между тѣмъ какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.“

Къ этому Пушкинъ присоединяетъ чрезвычайно характерное лирическое отступленіе:

„Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство.“

Съ „Цыганами“, когда уже были написаны двѣ первыя главы „Онѣгина“, Пушкинъ совершенно освободилъ свое творческое воображеніе отъ байроновскихъ страстныхъ героевъ.

Въ „Онѣгинѣ“, лучшемъ и любимомъ своемъ созданіи, Пушкинъ развѣнчалъ въ лицѣ главнаго героя навѣянный, заемный типъ русскаго романтика-либерала; онъ поставилъ его со всѣмъ его европейскимъ просвѣщеніемъ и блескомъ, со всѣми красивыми позами „въ Гарольдовомъ плащѣ“, со всѣмъ протестомъ скитальца, оторваннаго отъ почвы, — въ приниженное положеніе предъ истинною носительницею родной правды и естественности, предъ этой чистой и прекрасной деревенской дѣвушкой, „бѣдной Таней“, развившейся потомъ въ еще болѣе возвышенную русскую женщину, въ дивный образъ нравственной красоты. „Чувство законнаго долга, спокойное достоинство, основанное именно на этомъ непоколебимомъ чувствѣ, ея свобода отъ всякой душевной тревоги и мелочныхъ страстей — вотъ идеальныя черты, плѣвившія Пушкина въ истинно русской женщинѣ. Татьяна развилась до той свободы, гдѣ человѣкъ становится господиномъ своихъ душевныхъ движеній, и гдѣ невозможно паденіе, потому что невозможно рабство страстямъ“ (В. В. Никольскій. *Ibid.* стр. 31—32). Это же непоколебимое чувство долга руководило Пушкинымъ при созданіи и другихъ женскихъ типовъ его произведеній: Марьи Кирилловны Трекуровой, въ „Дубровскомъ“, Марьи Гавриловны, въ „Метели“, Марьи Ивановны, въ „Капитанской дочкѣ.“

Величавый образъ могучаго Петра долгое время занималъ творческую мысль Пушкина. Этотъ образъ въ „Полтавѣ“ рѣшительно господствуетъ надъ окружающими его въ поэмѣ персонажами; онъ своею могучею благородною фигурою исполнѣ

заслоняетъ преданныхъ эгоистическимъ страстямъ Мазепу и его сторонниковъ. Въ этой поэмѣ, одномъ изъ совершеннѣйшихъ созданій Пушкина, идея поэта уже выражена открыто; нравственная сила, преданность высокой идеѣ долга царствуетъ надъ нравственнымъ ничтожествомъ произвола страстей.

„Прошло сто лѣтъ — и чтожь осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.“ (Полт. Эпил.)

Созданный еще въ 1825 году, но обнаруженный лишь черезъ 5 лѣтъ послѣ окончанія, „Борисъ Годуновъ“ или, какъ первоначально озаглавилъ Пушкинъ свою драму: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“, среди множества лицъ, волнующихъ различными страстями, захваченныхъ водоворотомъ событий и такъ или иначе страдающихъ отъ общенародныхъ бѣдствій, вызванныхъ чудовищнымъ преступленіемъ вѣнца носца, — среди всѣхъ этихъ тревожныхъ характеровъ драма представляетъ намъ дивный; умиленный образъ преданнаго исполненію „отъ Бога завѣщаннаго“ долга, безстрашнаго лѣтописца Пимена. Онъ одинъ съ высоты своего нравственнаго величія спокойно взираетъ на волнующееся вокругъ море человѣческихъ страстей, не отступая отъ своего дѣла, вполне преданный волѣ Провидѣнія. Онъ одинъ не вовлеченъ въ общее движеніе страстей, одинъ не страдаетъ отъ тяжкихъ послѣдствій увлеченій страстями. Пушкинъ оставилъ намъ признанія, что въ образѣ Пимена онъ стремился воплотить черты, *плѣнившія* его въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ.

Но сила Пушкинскаго творчества въ этомъ направленіи достигла высшаго своего развитія въ повѣсти „Капитанская дочка“, въ изображеніи тѣхъ типовъ ея, которые, по терминологіи Ап. Григорьева, принадлежатъ къ „смирнымъ“. Здѣсь необыкновенная художественная простота изображенія вполне слилась съ дѣйствительностью чудныхъ по своему нравственному величію образовъ изъ семействъ Гриневыхъ и Мироновыхъ. Плѣнительная нравственная чистота и высота этихъ типовъ вмѣстѣ съ поразительною вѣрностью дѣйствительности рѣшительно захватываетъ читателя. Самые величавые подвиги во имя нравственнаго долга до жертвованія жизнью включительно эти люди совершаютъ, какъ вполне обыденныя дѣла, не рисуясь ни предъ собою, ни предъ другими. Можно сказать, что эти люди — Мироновы, Гриневы, среди сѣрой незатѣйливой обстановки своей жизни, среди видимыхъ мелкихъ интересовъ ея, неизмѣнно остаются на высшей степени нравственнаго подъема, который лишь при извѣстныхъ условіяхъ становится доступнымъ наблюденію. Но не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла съ отсутствіемъ, съ утратою интереса къ жизни? Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла съ своего рода тупыми людьми, не знающими цѣны жизни? Нѣтъ, эти люди не утратили интереса къ жизни, они знаютъ ея радости, но живы они не собственными эгоистическими побужденіями, не мелкими страстями. Они живы сознаніемъ высокаго долга. Во имя долга они забываютъ всѣ мелкіе и важные интересы своей личной жизни, до собственныхъ дѣтей включительно. Во имя высшаго долга передъ родиною, передъ отечествомъ, они умѣютъ не шадить своей жизни. Безъ этого долга имъ не понятна, не нужна жизнь.

Таковы характеры, плѣнявшіе нашего поэта на безвременномъ закатѣ его дней. Такова теперь нравственная чистота и высота возрѣній того, кто въ бурной юности поставлялъ себѣ въ законъ „страстей единый произволъ“. Такъ-то нашъ бессмертный поэтъ, выработавъ силою своего великаго духа столь высокіе жизненные идеалы, является дѣйствитель-

нымъ воспитателемъ общества, руководителемъ его въ жизненной борьбѣ. Средство, которымъ Пушкинъ выработалъ въ себѣ свои высокіе идеалы, заключалось въ упорномъ трудѣ надъ самовоспитаніемъ и самообразованіемъ. Силою этого труда Пушкинъ могъ обуздать свое могучее, своенравное дарованіе и подчинить его своимъ высокимъ идеальнымъ стремленіямъ.

Въ заключеніе этого бѣглаго очерка развитія самосознанія нашего великаго поэта и его нравственно-общественныхъ идеаловъ, какъ они выразились лишь въ крупнѣйшихъ его произведеніяхъ, нельзя не остановиться на весьма знаменательномъ и имѣющемъ глубокое нравственно-воспитательное значеніе явленіи въ его душевной жизни. Я разумю развитіе у нашего поэта въ послѣдніе годы его жизни религіознаго чувства. Давно отдѣлавшись отъ легкомысленнаго увлеченія идеями невѣрія, нашъ поэтъ однакоже нѣкоторое время оставался въ этомъ отношеніи на распутьи — явленіе, свойственное всѣмъ недоужиннымъ и дѣятельнымъ натурамъ. Это явленіе у Пушкина выразилось въ охватившемъ его на нѣкоторое время разочарованіи жизнью, утратѣ смысла жизни и дѣятельности. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этого состоянія душевной жизни поэта служитъ извѣстное стихотвореніе Пушкина 1828 г., вызвавшее обращенное къ нему увѣщаніе м-та Филарета.

„Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ? . . .

Цѣли нѣтъ передо мною;

Сердце пусто, празденъ умъ,

И томитъ меня тоскою

Однозвучный жизни шумъ“. (П, 38)

Мы не знаемъ того внутренняго душевнаго процесса, который привелъ поэта къ столь безотраднымъ мыслямъ. Не знаемъ и ближайшихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ выраженію этого безотраднаго душевнаго состоянія. Но среди послѣднихъ, быть можетъ, не маловажное значеніе имѣло двусмысленное положеніе, въ которомъ находился Пушкинъ по освобожденіи отъ заключенія въ селѣ Михайловскомъ. Съ внѣшней стороны Пушкинъ былъ свободенъ, но въ тоже время его литературная дѣятельность и самая жизнь находились подъ строгимъ надзоромъ бдительнаго графа Бенкендорфа. До какой степени простиралась эта бдительность, причинявшая Пушкину, несомнѣнно, немало нравственныхъ страданій, видно изъ писемъ къ нему графа Бенкендорфа. Такъ, по поводу чтенія поэтомъ въ кругу друзей ненапечатанной еще въ то время трагедіи „Борисъ Годуновъ“, гр. Бенкендорфъ пишетъ Пушкину, отъ 22 ноября 1826 г.: „При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, я обратился къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до отпечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ мое посредство, или даже и прямо, его Императорскому Величеству.

„Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ однакоже заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи его нѣкоторымъ особамъ.

„Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію.

„Сіе меня побуждаетъ покорнѣйше просить васъ объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ? Я увѣренъ впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго“. (Напечат. въ „Русской Старинѣ“ 1899 г., кн. V стр. 248).

Позднѣе, по поводу поѣздки поэта въ Закавказье графъ Бенкендорфъ писалъ Пушкину, отъ 14 октября 1829 г.: „Государь Императоръ, узнавъ, по публичнымъ извѣстіямъ, что вы странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ спросить васъ, по чьему позволенію предприняли вы сіе путешествіе? Я же съ своей стороны покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили вы сдержать даннаго мнѣ слова и отравились въ Закавказскія страны, не предъувѣдомивъ меня о намѣреніи вашемъ сдѣлать сіе путешествіе“ (ibid. 249). Какъ бы то ни было, но къ 30-мъ годамъ Пушкинъ уже отдѣлался отъ этого безотраднaго душевнаго холода, разлада съ жизнью. Съ 30-хъ годовъ поэтъ нерѣдко въ своей поэзіи обращается уже къ библейскимъ мотивамъ, какъ бы выполняя тѣмъ собственное предназначеніе, выраженное въ послѣдней строфѣ отвѣтнаго посланія м-ту Филарету, 19 января 1830 г.:

„Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.“

Въ 1836 г. Пушкинъ плѣняется такими высокими образцами религіознаго творчества, какъ исполненная глубокаго христіанскаго смиренія великопостная молитва св. Ефрема Сирина. Религіозное воодушевленіе Пушкина выливается въ стихотворномъ переложеніи этой молитвы.

„Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мой, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.“ (II, 188.)

Къ высоковоспитательнымъ элементамъ поэзіи Пушкина нельзя, конечно, не отнести и выражаемое имъ живое чувство высокаго патріотизма. Не указываемъ здѣсь произведеній прямо патріотическаго содержанія, какъ, напр. „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“ и др. Высокій патріотизмъ Пушкина стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и живо чувствуется въ его поэзіи. Чувствомъ искренняго патріотизма согрѣты всѣ произведенія, связанныя съ именемъ Петра Великаго, съ великими эпохами и событіями нашей исторіи, нашедшими свое изображеніе въ произведеніяхъ Пушкина, какъ-то: эпоха царствованія Бориса Годунова, современная поэту великая народная эпопея отечественной войны и ея герои, наконецъ величавый образъ императора-рыцаря Николая I.

Не станемъ касаться здѣсь вопроса о томъ, насколько самъ поэтъ слѣдовалъ въ жизни, въ своихъ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ выработаннымъ имъ самимъ высокимъ идеальнымъ воззрѣніемъ. Широкая и увлекающаяся натура нашего поэта, какъ уже было упомянуто, не всегда и не во всемъ способна была подчиняться требованіямъ хотя бы и высокой морали. Не мало можно найти фактовъ въ жизни Пушкина, которые трудно было бы согласовать съ его же собственными идеальными воззрѣніями. Современная философская критика въ лицѣ г. В. Соловьева старается подрывать значеніе этихъ воззрѣній поэта указаніемъ именно на такого рода факты въ жизни и отношеніяхъ Пушкина. Но наиболѣе важнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи она представляетъ столкновеніе поэта съ предполагавшимся имъ виновникомъ нарушенія его семейнаго мира — барономъ Геккерномъ. Упомянутая критика осудила увлеченіе Пушкина страстью мщенія нарушителю этого мира. „Пушкинъ убить, говоритъ г. Соловьевъ, не пулю Геккерна, а своимъ собственнымъ выстрѣломъ въ Геккерна“. (Влад. Соловьевъ. Судьба Пушкина. Стр. 32. С.-Пет. 1898 г.). Въ отвѣтъ на это тяжкое обвиненіе поэта, съ точки зрѣнія той же критики, можно, конечно, только сожалѣть, что поэтъ, несмотря

на свои искреннія религіозныя чувства, на свои высокія понятія о духовной свободѣ, не нашелъ въ себѣ на этотъ разъ достаточно силъ, чтобы дать перевѣсъ этимъ чувствамъ надъ силой страстнаго порыва, силой негодованія на врага.

Но если допустима въ этомъ случаѣ точка зрѣнія философская, точка зрѣнія отвлеченной морали, то вполне законна и другая точка зрѣнія — историческая. Съ этой послѣдней точки зрѣнія фактъ какъ бы учиненной поэтомъ расправы съ своею жизнью получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе. Пушкинъ, съ одной стороны, былъ связанъ крѣпкими узами съ современнымъ окружающимъ обществомъ, а съ другой, — въ своихъ идеальныхъ воззрѣніяхъ, которыя онъ въ возрастѣ мужества стремился проводить въ жизнь, вводитъ въ отношенія къ окружающимъ, настолько рѣзко, столь глубоко разошелся съ этимъ обществомъ, что катастрофа, въ той или иной формѣ, для него представлялась неизбежною. Пушкинъ это ясно сознавалъ и глубоко чувствовалъ. Съ этой точки зрѣнія жизнь и судьба нашего великаго поэта отличаются глубоко трагическимъ характеромъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, какъ неизбежномъ слѣдствіи опредѣленно сложившихся историческихъ условій русской жизни, чувство потомства находитъ успокоеніе и примиреніе съ трагическою судьбою гениальнаго поэта.

Указавши важнѣйшіе въ дѣлѣ воспитанія высокихъ чувствъ мотивы и элементы поэзіи Пушкина, нельзя не остановить вниманія на формѣ ихъ выраженія. Въ сферѣ искусства вопросъ о томъ, какъ выражается содержаніе, не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ, что выражается. Высотѣ и важности содержанія въ художественномъ произведеніи должно соответствовать изящество формы. Критика безповоротно рѣшила, что произведенія Пушкина въ этомъ отношеніи отмѣчены печатью гениальнаго художника. „Геній Пушкина тѣмъ и превосходитъ всѣхъ представителей русскаго искусства, что ни у кого изъ нихъ не проявляется въ творествѣ такое гармоническое сліяніе красоты и правды, что никто съ такою чуткостью не урѣ-

зумѣлъ красоту и правду русской жизни, русскихъ народныхъ идеаловъ и никто не выразилъ ихъ въ такой ясности, опредѣленности, въ такой искренней простотѣ и полнотѣ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ представляетъ поистинѣ чудесное, изумительное явленіе, особенно если взять во вниманіе тѣ жизненныя условія, при которыхъ воспитался и проявилъ себя его гений“ (В. Буренинъ. Критическіе этюды. Стр. 271).

Я не стану останавливаться на характеристикѣ поэзіи Пушкина, какъ поэзіи національной. Это повело бы насъ слишкомъ далеко. Да и въ сущности въ развитіи этого вопроса намъ пришлось бы повторять многое изъ сказаннаго о развитіи личности и творческихъ идеаловъ Пушкина. Русская литературная критика, „пройдя цѣлый рядъ колебаній, несправедливыхъ и легкомысленныхъ оцѣнокъ, признала наконецъ Пушкина величайшимъ гениемъ, истиннымъ основателемъ русской поэзіи, въ настоящемъ и высшемъ значеніи этого слова, зачинателемъ всего того, чѣмъ гордится теперь наша литература, чѣмъ славится она и у другихъ народовъ, великимъ учителемъ всѣхъ крупнѣйшихъ представителей русскаго творчества“. (Бур. *ibid.* Стр. 275).

При рассмотрѣннн развитія и творческихъ идеаловъ Пушкина невольно привлекаетъ вниманіе наблюдателя поразительное типическое совпаденіе важнѣйшихъ моментовъ этого развитія нашего поэта съ развитіемъ другихъ нашихъ великихъ писателей — Гоголя, Достоевскаго, Льва Толстого. Тѣ же муки сомнѣній, то же неустанное и неуклонное исканіе правды жизни и творческихъ идеаловъ, тотъ же, наконецъ, глубокій интересъ къ религіознымъ вопросамъ — вотъ эти поразительно типическія черты сходства. Фактъ — глубоко знаменательный и поучительный для національнаго сознанія.

Заключая рѣчь о воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина, нельзя обойти молчаніемъ и мнѣніе перваго ея цѣнителя, великаго нашего критика-эстетика Бѣлинскаго, такъ любовно и не разъ останавливавшася на пушкинской поэзіи. „Читая

его творенія, говоритъ Бѣлинскій, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоого пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрочно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянь, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ“. . . „Чтеніе Пушкина должно сильно дѣйствовать на воспитаніе, развитіе и образованіе изящно-гуманнаго чувства въ человѣкѣ“. . . „Никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ Пушкинъ, потому что мы не знаемъ на Руси болѣе нравственнаго, при великости таланта, поэта, какъ Пушкинъ“. (Бѣлинскій. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. Т. II, стр. 719, 721).

Искреннее преклоненіе потомства предъ памятью и заслугами великаго человѣка можетъ быть основано на искреннемъ же и сознательномъ отношеніи къ этимъ заслугамъ, а такое отношеніе можетъ вытекать лишь изъ усвоенія высокихъ идей великаго человѣка, изъ зараженія, выражаясь словами гр. Толстого, его высокими чувствами. Всеобщій и доселѣ небывалый по отношенію къ писателю подъемъ духа въ нашемъ отечествѣ, по случаю чествованія столѣтней годовщины рожденія гениальнаго поэта, составляетъ отрадное доказательство, будемъ вѣрить, того, что соотечественники чествуемаго поэта, по крайней мѣрѣ образованнаго слоя, не чужды его идеямъ и чувствамъ. Но будемъ вѣрить и въ то, что сладкіе, по выраженію самого поэта, звуки его пѣсенъ, по его пророчеству, пройдутъ по всей Руси великой, и назоветъ его всякъ сущій въ ней языкъ — и гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій тунгузъ, и другъ степей калмыкъ. Непрерывно возрастающее внѣшнее могущество Россіи и внутренняя образовательная сила началъ ея государственности и гражданствен-

ности служатъ намъ въ томъ непререкаемымъ и надежнымъ залогомъ.

Но эта центростремительная сила русскаго могущества не лишена обаянія и за предѣлами государственными. Уже нашъ безсмертный поэтъ поставилъ вопросъ: сольются ли славянскіе ручьи въ русскомъ морѣ, хотя съ сомнѣніемъ прибавилъ: или оно изсякнетъ. Національная идея, столь широко развившаяся въ наше время, во времена Пушкина едва зарождалась. Духовное возрожденіе славянъ западныхъ вполне опредѣлилось лишь къ половинѣ нынѣшняго столѣтія, а южныхъ — на нашихъ глазахъ. Въ пробужденіи самосознанія и политическаго возрожденія славянскихъ народностей отъ вѣковаго порабощенія чуждыми народами Россія всегда принимала самое живое участіе, а освобожденіе южныхъ славянъ отъ турецкаго ига запечатлѣно кровью ея сыновъ. Но то было дѣломъ преимущественно политическаго могущества и вліянія Россіи. Однако сознаніе племенного, а у южныхъ славянъ и религіозно-исповѣднаго единства съ русскимъ народомъ составляло и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ славянскаго возрожденія. Западно- и южнославянскіе поэты и художники нерѣдко почерпали свое вдохновеніе въ сокровищницѣ русской литературы, и поэзія Пушкина въ этой сокровищницѣ всегда представляла для славянъ предметъ удивленія и поклоненія. Съ своей стороны Пушкинъ не разъ вдохновлялся славянскими мотивами („Черногорцы“, Пѣсни Западн. Славянъ). Если позволительно судить о будущемъ на основаніи прошлаго, то поставленный Пушкинымъ вопросъ теперь имѣетъ для насъ значеніе лишь въ первой своей части. Непрерывный ростъ могущества и вліянія Россіи, мирныя культурныя завоеванія ея, высокогуманныя, воодушевляющія весь образованный міръ, стремленія ея верховныхъ вождей даютъ намъ право отвергнуть мысль объ изсяканіи русскаго моря, объ оскудѣніи русской силы. И если суждено разрѣшиться поставленному Пушкинымъ вопросу о слияніи, хотя бы духовномъ, славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, то

на знамени этого величаваго мірового движенія имя Пушкина будетъ изображено неизгладимыми чертами. Пѣвецъ красоты и гармоніи, пѣвецъ мира, дружбы и любви, по преимуществу, онъ будетъ сіять на этомъ знамени неугасающимъ свѣтомъ. Движеніе, возбужденное среди славянскихъ народностей чествованіемъ столѣтней годовщины рожденія нашего великаго національнаго поэта, свидѣтельствуетъ о живомъ сознаніи и чувствѣ ихъ въ отношеніи къ нашему торжеству, торжеству славянскаго генія.

Н. Ивановъ.

Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина.

Прочитано въ засѣданіи Учено-Литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ 23 мая 1899 года.

Въ седьмой главѣ „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ назвалъ свою судьбу „блуждающей“, и дѣйствительно, мы видимъ великаго поэта почти постоянно кочующимъ. Москва, Царское Село, село Михайловское, С.-Петербургъ, Екатеринославъ, Пятигорскъ, Крымъ, Кишиневъ, Одесса, Псковъ, Эрзерумъ, Болдино, Оренбургъ и цѣлый рядъ другихъ географическихъ пунктовъ составляютъ главныя точки тѣхъ зигзаговъ, которые описывалъ Пушкинъ, странствуя по Россіи. Большая часть мѣстностей, посѣщенныхъ Пушкинымъ, оставили слѣды не только въ черновыхъ рукописяхъ поэта въ видѣ помѣтокъ о томъ, гдѣ написано то или другое произведеніе, не только на заголовкахъ его писемъ, но и въ художественныхъ созданіяхъ. По стихотвореніямъ Пушкина можно составить любопытную географію Европейской Россіи и Кавказа, куда войдутъ описанія цѣлаго ряда городовъ, рѣкъ, народностей и т. д. Благодаря именно этому обстоятельству уже начавшееся чествованіе памяти великаго поэта во многихъ городахъ Россіи будетъ имѣть не только обще-національный, но и мѣстный характеръ, что, безспорно, увеличитъ самую торжественность и сердечность этихъ празднествъ. Какіе бы подчасъ непривлекательные эпитеты ни вырывались у Пушкина по адресу того или другого города, эти эпитеты лучше всего знаютъ на мѣстѣ, этими эпитетами гордятся,

какъ свидѣтельствомъ о болѣе или менѣе кратковременномъ пребываніи великаго поэта въ извѣстномъ городѣ.

Нашъ Юрьевъ въ этомъ отношеніи несчастнѣе очень многихъ городовъ и даже селеній Россіи: Пушкинъ въ немъ не былъ даже проѣздомъ. Правда, въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“, изданныхъ Анненковымъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, говорится, что, получивъ 12 августа 1833 года разрѣшеніе на поѣздку въ юго-восточную Россію, Пушкинъ началъ свое путешествіе, ка жется, съ Дерпта, гдѣ тогда жила К. А. Карамзина“ (с. 362); но изъ писемъ поэта къ своей женѣ мы знаемъ, что Пушкинъ отправился изъ Петербурга прямо въ Москву, хотя, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе заѣхать въ Дерптъ къ Карамзинымъ ¹⁾. „Софья Николаевнѣ (дочери исторіографа) объясни, — пишетъ Пушкинъ женѣ изъ Болдина 8 октября, — что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнихъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать.“

Но если нашъ городъ и не можетъ гордиться тѣмъ, что имѣлъ счастье принимать величайшаго русскаго поэта, то все-таки старый Дерптъ играетъ немаловажную роль и въ жизни Пушкина и даже въ его поэзіи.

9 августа 1824 года Пушкинъ былъ водворенъ въ родовомъ имѣніи своей матери, знаменитомъ селѣ Михайловскомъ, Псковской губерніи, и отданъ подъ надзоръ полиціи. Подневольное существованіе, скука одиночества, недостатокъ образовательныхъ средствъ для человѣка, желающаго „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“, наконецъ, безобразныя столкновенія съ отцомъ, одно изъ которыхъ заставило пылкаго поэта обратиться къ Жуковскому съ такой мольбой: „спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ,“ — всѣ эти невыносимыя для свободолюбиваго

1) Въ Дерптскомъ университетѣ въ это время учились сыновья исторіографа.

поэта условія заставили его помышлять о спасеніи посредствомъ бѣгства за границу.

Мысль объ эмиграціи впервые явилась у Пушкина еще на югѣ Россіи, во время пребыванія въ Одессѣ.

Придетъ ли часъ моей свободы?
спрашиваетъ Пушкинъ въ I главѣ „Евгенія Онѣгина“.

Пора, пора! — взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ . . .

О своемъ намѣреніи эмигрировать изъ Одессы писалъ Пушкинъ и брату: „Ты знаешь, я дважды просилъ . . . о своемъ отпускѣ и два раза воспослѣдовалъ всемілостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя: такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотри́тъ на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежь. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ триньтрава, братцы!“ Любовь и болѣе прозаическая причина — недостатокъ денегъ — помѣшали Пушкину привести въ исполненіе, можно сказать, завѣтную мечту своей молодости. Прощаясь съ моремъ передъ отъѣздомъ изъ Одессы, въ извѣстной элегіи „Къ морю“ поэтъ не позабылъ высказать сожалѣніе и о томъ, что ему не удалось покинуть Россіи.

Не удалось навѣкъ оставить
 Мнѣ скучный, неподвижный берегъ,
 Тебя восторгами поздравить
 И по хребтамъ твоимъ направить
 Мой поэтическій побѣгъ.
 Ты ждалъ, ты звалъ . . . я былъ окованъ;
 Вотще рвалась душа моя:
 Могучей страстью очарованъ,
 У береговъ остался я.

Водворенный въ Михайловскомъ, Пушкинъ не замедлилъ возобновить знакомство съ П. А. Осиповой, владѣлицей сосѣдняго сельца Тригорскаго, и съ ея семействомъ, въ томъ числѣ съ ея сыномъ отъ перваго брака А. Н. Вульфомъ, студентомъ Дерптскаго университета. Знакомство съ Вульфомъ скоро перешло въ тѣсную дружбу, и съ нимъ подѣлился Пушкинъ своей завѣтной мечтой. Молодой другъ поэта предложилъ ему свои услуги, и въ результатѣ явился такой планъ: Пушкинъ, сославшись на предполагаемую болѣзнь, аневризмъ въ ногѣ, выхлопочетъ позволеніе отправиться въ Дерптъ къ знаменитому въ то время дерптскому хирургу Мойеру, а изъ Дерпта уѣдетъ за границу. Мать поэта обратилась къ самому императору Александру I съ просьбой о дозволеніи сыну съѣздить въ Дерптъ; благодаря Жуковскому, Мойеръ изъявилъ полную готовность позаботиться о Пушкинѣ. Дѣло было налажено хорошо. Поэтъ почти не сомнѣвался въ успѣхѣ своего замысла и собирался трактовать съ братомъ о перепискѣ, о банкирѣ, черезъ котораго можно было бы пересылать деньги за границу, и о мѣстѣ пребыванія Чаадаева, бывшаго въ то время въ Западной Европѣ. 25 іюня 1825 г. Пушкинъ писалъ въ альбомъ П. А. Осиповой:

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
 Въ изгнаньѣ мирномъ оставаться,

Вздыхать о милой старинѣ
 И сельской музѣ въ тишинѣ
 Душой безпечной предаваться.

Но всѣ надежды Пушкина разсѣялись, какъ дымъ, когда онъ получилъ позволеніе (отъ 26 іюня 1825 г.) — ѣхать для лѣченія не въ Дерптъ, а въ Псковъ. Отвѣтомъ на это разрѣшеніе было ѣдкое письмо Пушкина, адресованное Жуковскому. „Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно . . . Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволода, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученomъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей. Не смотря на все это я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества. Боюсь, чтобъ медленность мою пользоваться монаршею милостью не почли за небреженіе или возмутительное упрямство, — но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность? Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца императора, авосьлибо позволить онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лекаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства“.

Между тѣмъ обезпokoенная мать Пушкина и Жуковскій вели переговоры съ Мойеромъ, упрашивая его пріѣхать въ Псковъ. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ пришелъ въ ужась, что почтенный ученый будетъ оторванъ отъ своихъ занятій и совершитъ утомительное путешествіе только для того, чтобы увидѣть передъ собой совершенно здороваго человѣка. „Сейчасъ получено мною извѣстіе, — писалъ Пушкинъ Мойеру 29 іюня 1825 г., — что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія,

что вы согласитесь, но умоляю васъ, ради Бога, не приѣзжайте и не беспокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопробыванія. Благодареніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца. Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковского.“

Между тѣмъ Пушкинъ узналъ, что за Мойеромъ была послана уже коляска въ Дерптъ. Это извѣстіе вызвало слѣдующее письмо къ Вульффу уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ: „Друзья мои и родители вѣчно со мной прокажутъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ приѣхалъ и опять уѣхалъ, и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. Вразумите его. Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться“. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Вульффу уже въ октябрѣ мѣсяцѣ Пушкинъ писалъ своему другу въ Дерптъ: „почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца; вполне чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лѣчиться я не намѣренъ“. Жуковскому же относительно Мойера Пушкинъ писалъ: „я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ“. Въ томъ же самомъ письмѣ отъ 6 октября Пушкинъ сообщалъ о своей поѣздкѣ въ Псковъ и о томъ, что псковскій губернаторъ обѣщалъ довести до свѣдѣнія государя, что лѣчиться поэту въ Псковѣ невозможно. „Итакъ погодимъ, — говоритъ Пушкинъ, — авось либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу“.

Такимъ образомъ, Пушкину не удалось посѣтить Дерптъ и убѣжать оттуда за границу при посредствѣ дерптскаго

студента и дерптскаго профессора. Мы можемъ только по-радоваться, что нашему городу не суждено было сыграть въ жизни Пушкина такой-же фатальной роли, какъ въ жизни князя А. М. Курбскаго. Какъ ни проклиналъ Пушкинъ родину въ тяжелыя минуты своей жизни, какъ ни стремился онъ вырваться за границу и въ царствованіе императора Николая I, — нашъ великій поэтъ былъ патриотомъ еще до примиренія съ молодымъ царемъ. „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ, — писалъ онъ князю П. А. Вяземскому изъ Пскова въ началѣ іюня 1826 г., — но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мной это чувство.“ Вражда Западной Европы къ Россіи, съ особенною силою проявившаяся въ царствованіе императора Николая I и вызвавшая въ послѣдствіи негодующій протестъ Пушкина въ его одахъ: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, безъ сомнѣнія, отравила бы его пребываніе за границей. Пушкинъ-эмигрантъ, безъ сомнѣнія, былъ бы несчастнѣе Пушкина-камеръ-юнкера. Самъ поэтъ въ послѣдствіи созналъ безразсудство своей юношеской мечты и, обращаясь неоднократно съ просьбой о заграничномъ отпускѣ, никогда, насколько извѣстно, не допускалъ и мысли о нелегальномъ отъѣздѣ въ Западную Европу. Въ минуты раздраженія изъ-подъ пера Пушкина вылетали фразы въ родѣ такой: „чортъ догадалъ меня родиться съ умомъ и талантомъ въ Россіи“; но въ одну изъ болѣе спокойныхъ минутъ онъ писалъ Чаадаеву 19 октября 1836 года: „Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками — я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ.“

Мы можемъ радоваться за Пушкина не только какъ за человѣка, но и какъ за писателя. Пребываніе за границей,

вдали отъ живыхъ впечатлѣній русской жизни, безспорно, неблагоприятнымъ образомъ отразилось бы и на творествѣ нашего великаго поэта. Наконецъ, мы должны радоваться и за Россію. Даже если допустить, что и за границей Пушкинъ сумѣлъ бы создать великія національныя произведенія, подобно Гоголю, написавшему „Мертвыя Души“ въ Римѣ, и Мицкевичу, создавшему „Пана Тадеуша“ въ Парижѣ, — то трудно было надѣяться, чтобы пылкая натура поэта, не сдерживаемая строгою цензурой правительства или друзей, удержалась отъ такихъ выходовъ по адресу русскаго правительства, которыя надолго преградили бы доступъ произведеніямъ Пушкина въ Россію и сдѣлали бы его „запрещеннымъ писателемъ“. Больше всего и прежде всего пострадала бы отъ этого, конечно, русская школа, въ которой Пушкинъ вмѣстѣ съ Крыловымъ являются незамѣнимыми педагогами.

Смерть императора Александра I положила конецъ мечтамъ Пушкина о бѣгствѣ за границу, но тяготѣніе великаго поэта къ Дерпту не прекратилось. Его влекли туда и дружба съ Вульфомъ и желаніе познакомиться съ Языковымъ, учившимся въ то время въ Дерптскомъ университетѣ. Уже черезъ мѣсяць съ небольшимъ послѣ водворенія въ селѣ Михайловскомъ Пушкинъ пишетъ Вульфу въ Дерптъ 20 сентября 1824 г. слѣдующее посланіе :

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!

Пріѣзжай сюда зимой,

Да Языкова поэта

Затащи ко мнѣ съ собой

Погулять верхомъ порой,

Пострѣлять изъ пистолета.

Лайонъ, мой курчавый братъ

(Не Михайловскій прикащикъ),

Привезетъ намъ, право, кладъ!

Что — бутылокъ полный ящикъ.

Запируемъ — ужъ молчи!
 Чудо — жизнь анахорета!
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни — любви посвящены,
 Ночью — царствуютъ стаканы;
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо.“ Въ слѣдующихъ письмахъ къ Вульффу мы находимъ цѣлый рядъ упоминаній о Языковѣ, изъ которыхъ видно сильное желаніе Пушкина познакомиться съ „огненнымъ поэтомъ“ и глубокой интересъ къ его произведеніямъ. Пушкинъ шлетъ Языкову поклоны, хвалить его стихотворенія, дорожить даже пропущеннымъ при перепискѣ его стихомъ, просить новыхъ его стихотвореній и т. д. Наконецъ въ 1825 г. Пушкинъ посылаетъ въ Дерптъ извѣстное свое посланіе „Языкову“:

Издревле сладостный союзъ
 Поэтовъ межъ собой связуетъ —
 Они жрецы единыхъ музъ,
 Единый пламень ихъ волнуетъ;
 Другъ другу чужды по судьбѣ,
 Они родня по вдохновенью.
 Клянусь Овидіевой тѣнью:
 Языковъ, близокъ я тебѣ!
 Давно бъ на дерптскую дорогу
 Я вышелъ утренней порой,
 И къ благосклонному порогу
 Понесъ тяжелый посохъ мой,
 И возвратился бъ оживленный
 Картиной беззаботныхъ дней,
 Бесѣдой вольно-вдохновенной

И звучной лирою твоей.
 Но злобно мной играетъ счастье:
 Давно безъ крова я ношусь,
 Куда подуетъ самовластье:
 Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь,
 Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ
 Влачу закованные дни.
 Услышь, поэтъ, мое призванье,
 Моихъ надеждъ не обмани . . .
 Я жду тебя. Тебя со мною
 Обниметь въ сельскомъ шалашѣ
 Мой братъ по крови, по душѣ,
 Шалунъ, замѣченный тобою;
 И музъ возвышенный пророкъ,
 Нашъ Дельвигъ все для насъ оставить,
 И наша троица прославить
 Изгнанья темный уголокъ.
 Надзоръ обманемъ караульный,
 Восхвалимъ вольности дары
 И нашей юности разгульной
 Пробудимъ шумные пиры,
 Вниманье дружное преклонимъ
 Ко звону рюмокъ и стиховъ,
 И скуку зимнихъ вечеровъ
 Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Совершенно иначе относился къ Пушкину Языковъ до своего личнаго знакомства съ нимъ. Подъ вліяніемъ профессора русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ Перевошикова и съ высоты нѣмецкой литературы, которую изучалъ въ Дерптѣ Языковъ, онъ относился къ Пушкину довольно пренебрежительно. Познакомившись съ „Бахчисарайскимъ фонтаномъ“ въ неудовлетворительномъ спискѣ, Языковъ писалъ брату: „эта поэма едва ли не худшая изъ всѣхъ его прежнихъ“. Когда была

напечатана первая глава „Евгенія Онѣгина“, Языковъ писалъ изъ Дерпта: „Онѣгинъ мнѣ очень, очень не понравился! Думаю, что это самое худое изъ произведеній Пушкина“. Относительно второй главы романа Языковъ писалъ: „Я читалъ вторую главу „Онѣгина“ въ рукописи — не лучше первой! То-же отсутствіе вдохновенія, та-же риемованная проза. Вотъ кого должны уважать мы на безлюдьи!“ „Но особенно неблагосклонно — говоритъ г. Шенрокъ — отнесся Языковъ къ невинному фарсу, разыгранному Пушкинымъ по поводу мнимаго аневризма въ ногѣ. Странно видѣть, до какого ригоризма доходилъ Языковъ, возмущавшійся со стороны Пушкина необдуманнѣмъ безпокойствомъ Мойера изъ-за небывалой болѣзни“¹⁾. Кромѣ того смущало Языкова и то обстоятельство, что Пушкинъ находился подъ надзоромъ полиціи. Вотъ почему Языковъ не прѣхалъ изъ Дерпта въ Тригорское ни въ 1824, ни въ 1825 г., не смотря на неоднократныя приглашенія Пушкина и П. А. Осиповой. Только въ 1826 г. явился Языковъ въ Тригорское, послѣ того, какъ Пушкинъ написалъ Вульфѣ: „Не правда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго (Н. М. Языкова)? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи“.

Личное знакомство съ Пушкинымъ, во время пребыванія въ Тригорскомъ съ 10 іюня по 1 августа, кореннымъ образомъ измѣнило отношеніе Языкова къ своему великому современнику. По возвращеніи въ „градъ профессоровъ и скуки“ онъ написалъ разнымъ лицамъ рядъ стихотворныхъ и прозаическихъ посланій, въ которыхъ говоритъ о Пушкинѣ и о времени, проведенномъ съ нимъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. „Я вопрошалъ совѣсть мою, — писалъ поэтъ изъ Дерпта Вульфѣ въ февралѣ 1827 г., — и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго, красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и

1) „Вѣстникъ Европы“ 1897 года, ноябрь, сс. 163—164.

достоинѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто 1826 года!“

Тотчасъ по возвращеніи въ Дерптъ Языковъ написалъ Пушкину слѣдующее посланіе:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣ дѣвицы пригожей,
Святѣ всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальныя края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы — ты да я —
Два сына Руси православной
Два первенца полныхъ музъ,
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ, и т. д.

Эту „годину золотую“ Языковъ „ознаменовалъ“ въ знаменитомъ стихотвореніи „Тригорское“, гдѣ между прочимъ говорится и о совмѣстной жизни поэтовъ на лонѣ природы.

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говорить поэтъ?
Жрецы великаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ живы, пламенны ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ! и т. д.

Въ 1827 г. Языковъ писалъ Вульфу изъ Дерпта :

Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ,
 Все свято: Пушкинъ, ты да я —
 Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
 Мы пили нѣгу бытія!

Въ томъ же году въ одномъ изъ посланій П. А. Осиповой, вспоминая о пріѣздѣ Пушкина въ Тригорское, Языковъ называетъ его поэтомъ, совмѣстившимъ геній Вольтера, Гете и Расина¹⁾. Наконецъ, Языковъ почтилъ и няню Пушкина, знаменитую Арину Родионовну, спеціальнымъ поэтическимъ посланіемъ, также написаннымъ въ Дерптѣ, и кромѣ того написалъ элегію по случаю ея смерти.

Пушкинъ не оставался въ долгу передъ дерптскимъ пѣвцомъ и на его восторженные посланія отзывался также и стихотвореніями и письмами, адресованными въ Дерптъ. 9 ноября 1826 г., по возвращеніи изъ Москвы въ село Михайловское, Пушкинъ благодарилъ Языкова за „Тригорское“ и между прочимъ писалъ: „Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія. Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная.“ Въ томъ же году на посланіе Языкова онъ отвѣтилъ стихотвореніемъ

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты шалишь и какъ ты миль,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое! и т. д.

1) Заморской шляпою покрытый,
 Спѣша въ Тригорское, одинъ —
 Вольтеръ и Гете и Расинъ —
 Являлся Пушкинъ знаменитый.

Въ слѣдующемъ году, 14 іюня 1827 г., уже изъ Петербурга Пушкинъ отправилъ Языкову третье свое поэтическое посланіе въ Дерптъ.

Къ тебѣ собирался я давно
 Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
 Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
 Тобой воспѣтое вино.
 Ужъ зазывалъ меня съ собою
 Тобой воспѣтый Киселевъ ¹⁾,
 И я съ веселою душою
 Оставить былъ совсѣмъ готовъ
 Неволю невскихъ береговъ.
 И что жъ? Гербовыя заботы
 Схватили за полы меня,
 И на Невѣ, хотъ нѣтъ охоты,
 Прикованный остался я.
 О юность, юность удалая!
 Могу-ль тебя не пожалѣть?
 Въ долгахъ, бывало, утопая,
 Заимодавцевъ убѣгая,
 Готовъ былъ всюду я летѣть.
 Теперь докучно посѣщаю
 Своихъ лѣнливыхъ должниковъ;
 Остепенившись, проклиная
 Я тяжесть денегъ и годовъ.
 Прости, пѣвецъ, играй, пируй,
 Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
 Не знай сіятельнаго чванства,
 Не знай любезныхъ должниковъ
 И не плати своихъ долговъ
 По праву русскаго дворянства! ²⁾

1) Николай Дмитріевичъ Киселевъ — студентъ Дерптскаго университета, впоследствии русскій посолъ въ Парижѣ и Римѣ.

2) Дальнѣйшая исторія отношеній Пушкина и Языкова, очень характерная для послѣдняго, не имѣетъ связи съ Дерптомъ. Позволю

Говоря о попыткѣ Пушкина бѣжать черезъ Дерптъ за границу и о дружбѣ Пушкина съ Языковымъ, сдѣлавшей Дерптъ мѣстомъ, гдѣ писались одно время диэирамбы великому поэту и куда самъ Пушкинъ посылалъ свои поэтическія и прозаическія посланія, — я неоднократно упоминалъ имя Вульффа. Этотъ представитель русской національности, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, — является довольно интересной личностью и помимо дружескихъ отношеній къ нему Пушкина и Языкова. „Академическій альбомъ“ Дерптскаго университета сообщаетъ о Вульффѣ очень немного: родомъ изъ Пскова, родился въ 1805 г., изучалъ военныя науки съ 1822 по 1825 г., кончилъ курсъ кандидатомъ, дослужился въ военной службѣ до чина полковника, умеръ въ 1851 г.¹⁾ Но помимо этихъ официальныхъ и не во всемъ вѣрныхъ свѣдѣній, мы знаемъ Вульффа, во первыхъ, по цѣлому ряду посвященныхъ ему Языковымъ стихотвореній, гдѣ между прочимъ Вульффъ называется „проповѣдникомъ и героемъ академической свободы“. Затѣмъ изъ разказовъ покойнаго Семеваго, по-

себѣ отмѣтить, что въ то время, какъ Языковъ съ Дельвигомъ и Баратынскимъ составляли для Пушкина, по выраженію Анненкова, „плеяду, поставленную имъ почти въ всякой возможности суда, а еще менѣе, какому-либо осужденія,“ — авторъ „Тригорскаго“ въ тридцатыхъ годахъ позволялъ себѣ такіе же недобрительные отзывы о Пушкинѣ, какъ и прежде, до личнаго съ нимъ знакомства. „Повѣсти Бѣлкина“, за исключеніемъ „Выстрѣла“ и „Барышни-крестьянки“, по мнѣнію Языкова, „не стоятъ письма, а тѣмъ наче — печати.“ Сказки Пушкина, по отзыву Языкова, „далеко отстали отъ (сказокъ) Жуковскаго“. Относительно „Бориса Годунова“ Языковъ писалъ брату: „Пушкинъ издалъ его слишкомъ и слишкомъ поздно. Добро бы хоть въ эти пять лѣтъ поправлялъ его, а то все прежнее и все не то, чего ожидать слѣдовало.“ При такомъ отношеніи къ Пушкину не удивительно, что Языковъ встрѣтилъ извѣстіе о смерти великаго поэта довольно сдержанно. Въ то время, какъ Жуковский, Гоголь, Лермонтовъ, Марлинскій, Вяземскій, Губеръ, Кольцовъ и цѣлый рядъ другихъ русскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ оплакали смерть Пушкина, какъ національное и личное горе, отъ Языкова остались слѣдующія строки въ письмѣ изъ симбирской деревни: „И здѣсь надѣлала много шуму смерть Пушкина, столь жалко погибшаго отъ руки подлаго нѣмчурки.“

1) На самомъ дѣлѣ, Вульффъ умеръ въ селѣ Тригорскомъ въ 1881 г.

сѣтившаго въ срединѣ шестидесятихъ годовъ село Тригорское, мы знаемъ, что Вульфъ, будущій гусарь русской службы, а впослѣдствіи, кажется, предводитель дворянства Тверской губерніи, — во дни своего студенчества мечталъ объ объединеніи Германіи и былъ однимъ изъ немногихъ дерптскихъ членовъ буршеншафта¹⁾. Далѣе, опубликованные недавно академикомъ Л. Н. Майковымъ отрывки изъ дневника Вульфа²⁾, показываютъ, что ихъ автора должно присоединить къ числу образованныхъ людей своего времени въ полномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, въ записной книжкѣ Пушкина отъ 1831 г. осталась слѣдующая замѣтка: „Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ. Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцевать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ.“ Студентъ этотъ былъ А. Н. Вульфъ, которому суждено, было сдѣлаться, до нѣкоторой степени, оригиналомъ для одного изъ симпатичнѣйшихъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ Пушкинымъ.

Извѣстно, что, живя въ селѣ Михайловскомъ, Пушкинъ между прочимъ написалъ большую часть „Евгенія Онѣгина“, и что жизнь Онѣгина въ деревнѣ до мельчайшихъ подробностей напоминаетъ жизнь Пушкина въ псковской деревнѣ, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельство самого поэта.³⁾ Однимъ изъ занятій Онѣгина въ деревнѣ, какъ мы знаемъ изъ II главы романа, были долгіе споры съ Ленскимъ.

Между ними все рождало споры
И къ размышленію влекло :

1) „Русскій Архивъ“ 1867 г.

2) „Русская Старина“ 1899 г., мартъ и апрѣль.

3) „Въ IV пѣснѣ „Евгенія Онѣгина“ я изобразилъ свою жизнь“ (письмо кн. Вяземскому).

Племенъ минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,
 И предразсудки вѣковые,
 И гроба тайны роковыя,
 Судьба и жизнь въ свою чреду,
 Все подвергалось ихъ суду.

Писаревъ въ свое время не безъ основанія глумился надъ Пушкинымъ за то, что поэтъ заставилъ своего героя вести споры о недоступныхъ его пониманію вещахъ. Иначе представляется дѣло, если мы поставимъ на мѣсто Онѣгина — Пушкина, а на мѣсто Ленскаго — Вульффа. Пушкинъ, насколько мы его знаемъ въ настоящее время, и Вульфъ, съ которымъ мы только что познакомились, вполне въ состояніи были вести упомянутые споры. Самая характеристика Ленскаго въ многомъ напоминаетъ Вульффа.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо геттингенской,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канта и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь
 И кудри черныя до плечъ.

Вульфъ, насколько извѣстно, не былъ поэтомъ, но и „геттингенская душа“¹⁾, и преклоненіе передъ Кантомъ, и „учености плоды“, и „вольнолюбивыя мечты“, и „духъ пылкій и довольно странный“ — все это могло быть у члена

1) А что такое „геттингенская душа“, — Пушкинъ зналъ на основаніи знакомства съ братьями Тургеневыми, закончившими свое образованіе въ геттингенскомъ университетѣ.

буршеншафта и было на самомъ дѣлѣ у Вульфа. Поэтому заслуживаютъ полнаго довѣрія слѣдующія строки изъ дневника Вульфа отъ 15 іюня 1833 года: „Съ большимъ удовольствіемъ перечелъ я сегодня 8-ю и вмѣстѣ послѣднюю главу „Онѣгина“, одну изъ лучшихъ главъ всего романа, который всегда останется однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній Пушкина, украшеніемъ нашей литературы, довольно вѣрною картиною нравовъ, а для меня лично — источникомъ воспоминаній весьма пріятныхъ по большей части, потому что онъ не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ „Онѣгинѣ“, были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ, въ Михайловскомъ, пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ“ 1).

Итакъ, попытка Пушкина бѣжать черезъ Дерптъ за границу, письма и поэтическія посланія въ Дерптъ Языкову и дружба съ дерптскимъ студентомъ Вульфомъ, являющимся, до нѣкоторой степени, оригиналомъ Ленскаго, даютъ право заявить, что старый Дерптъ игралъ немаловажную роль въ жизни Пушкина, при томъ въ наиболѣе важный періодъ его жизни, именно во время пребыванія поэта въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ Пушкинъ окончательно отрѣшился отъ подражательности и выступилъ на поприще національнаго творчества.

1) „Русская Старина“ 1899 г., мартъ, сс. 530—531.

Н. М. Языковъ въ Дерптѣ.

Прочитано въ засѣданіи Учено-Литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 29 апрѣля 1899 года.

Старый Дерптъ играетъ нѣкоторую роль не только въ исторіи русской науки, благодаря своему университету и профессорскому институту, но и въ исторіи русской литературы. Еще въ допетровскій періодъ русской исторіи мы встрѣчаемъ въ Дерптѣ русскихъ писателей, попавшихъ туда или проѣздомъ, какъ, напримѣръ, суздальскій іеромонахъ Симеонъ, спутникъ митрополита Исидора, или вслѣдствіе войнъ за Ливонію, какъ это было, напримѣръ, въ XVI в. съ княземъ Курбскимъ, который былъ намѣстникомъ Юрьева наканунѣ своего бѣгства въ Литву, а въ XVII в. съ подьячимъ посольскаго приказа Котошихинымъ, съ которымъ въ Юрьевѣ случилось непріятное происшествіе: за пропускъ въ царскомъ титулѣ слова „государь“ авторъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ былъ наказанъ батогами.

Послѣ присоединенія къ Россіи Дерптъ сдѣлался промежуточной станціей на сухопутномъ пути изъ Петербурга за границу. Въ числѣ многочисленныхъ путешественниковъ проѣзжали черезъ Дерптъ и русскіе писатели. Благодаря этому обстоятельству старый Дерптъ попалъ на страницы „Писемъ русскаго путешественника“ Карамзина. Въ XIX в., не считая русскихъ ученыхъ, бывшихъ студентами или профессорами Дерптскаго университета, можно насчитать цѣлыя

десятки болѣе или менѣе извѣстныхъ представителей русской изящной словесности, бывшихъ въ Дерптѣ болѣе или менѣе продолжительное время.

Одни изъ этихъ писателей были профессорами русской словесности, какъ Воейковъ, авторъ „Сумасшедшаго дома“; другіе студентами, какъ, на примѣръ, Языковъ, Даль, графъ Соллогубъ, Боборыкинъ и другіе; третьи пріѣзжали туда въ гости или останавливались проѣздомъ, какъ Баратынскій, Дмитріевъ, Фетъ; четвертыхъ привозили въ Дерптъ для лѣченія, какъ Батюшкова; пятые являлись туда для собиранія матеріаловъ для своихъ произведеній, какъ Лажечниковъ, и т. д. Особенно важное значеніе имѣетъ Дерптъ въ біографіяхъ Жуковскаго и Языкова. Относительно Жуковскаго достаточно сказать, что въ Дерптѣ разыгрался послѣдній актъ его сердечной драмы: туда вышла замужъ за профессора Мойера и тамъ умерла племянница В. А., Марья Андреевна Протасова. Не менѣе, если не болѣе, важную роль сыгралъ Дерптъ и въ жизни Языкова.

Сынъ богатаго симбирскаго помѣщика, Н. М. Языковъ явился въ Дерптъ въ концѣ 1822 года послѣ несовсѣмъ удачнаго пребыванія въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ не ладилъ съ „музой математики“. Пріѣхалъ Языковъ въ Дерптъ для продолженія своего образованія отчасти по рекомендаціи Воейкова, отчасти вслѣдствіе тяготѣнія къ „академической свободѣ“ „Ливонскихъ Аѳинъ“.

Нужно замѣтить, что въ противоположность русскимъ университетамъ, обезличеннымъ обскурантами въ родѣ Магницкаго и Рунича, Дерптскій университетъ въ то время начиналъ цвѣтущій періодъ своего существованія и славился замѣчательными учеными, каковы, на примѣръ, братья Эверсы, историкъ и теологъ, хирургъ Мойеръ — учитель Пирогова, ботаникъ Ледебуръ, астрономъ Струве, юристъ Клоссіусъ, физиологъ Эрдманъ и др. Наука въ то время въ Дерптскомъ университетѣ была на первомъ планѣ. Политическіе вопросы германизаціи и руссификаціи еще не были рѣзко выдвинуты

жизнью, вслѣдствіе этого и національная вражда русскихъ и нѣмцевъ не давала себя чувствовать такъ сильно, какъ впоследствии. Профессора тогдашняго университета не только не относились къ Россіи съ тѣмъ пренебреженіемъ, которое впоследствии позволило профессору русской исторіи Ширрену назвать наше отечество страной безъ исторіи и безъ будущности, — но, напротивъ, посвятили не мало труда и силъ изученію русскихъ древностей. „Хвала вашимъ дерптскимъ ученымъ, — писалъ митрополитъ Евгеній Перовицкому въ 1825 г., — что иные изъ нихъ толкуютъ намъ о черниговской гривнѣ, иные о древнемъ русскомъ правѣ, иные о казанскихъ пустошахъ, а иные готовятся еще искать ихъ на Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ“. ¹⁾ Нужно принять во вниманіе, что изслѣдованія такого рода представляли для ученыхъ нѣмцевъ громадныя затрудненія вслѣдствіе незнанія ими русскаго языка, но и эту трудность дерптскіе профессора того времени старались преодолѣть по мѣрѣ силъ и возможности. Даже физиологъ Эрдманъ, по свидѣтельству митрополита Евгенія, „хорошо выучился нашему русскому языку“, а относительно профессора Неймана существуетъ указаніе, что онъ „въ самое короткое время прекрасно изучилъ русскій языкъ“ и объяснялъ на немъ „Русскую Правду“. ²⁾

Старый Дерптскій университетъ со своими замѣчательными учеными могъ оказать только самое благотворное вліяніе на даровитаго юношу, явившагося на берега Эмбаха для окончанія своего образованія. Къ сожалѣнію, студенческая среда стараго Дерпта вовсе не представляла условий, благопріятныхъ для мирнаго занятія науками. Заимствовавши у нѣмецкихъ университетовъ корпоративное устройство, дерптскіе студенты остались почти незатронутыми тѣмъ движеніемъ, которое охватило нѣмецкое юношество во время реакціи, вызванной священнымъ союзомъ. Въ политическомъ отношеніи

1) „Русскій Архивъ“ 1890 г., кн. XII, с. 444.

2) „Русскій Архивъ“ за 1867 г., с. 726.

дерптскіе студенты были самый спокойный народъ, и въ послѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ ставилъ ихъ примѣромъ для русскаго юношества, восхищаясь тѣмъ, что нѣмецкая молодежь „даже не заглядываетъ въ газеты“. Но уклонившись отъ политическаго движенія своей эпохи, дерптскіе студенты, къ сожалѣнію, не прилѣпились въ надлежащей мѣрѣ къ наукѣ и далеко не отличались примѣрнымъ поведеніемъ въ частной жизни.

Уже въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ старомъ Дерптѣ существовали четыре корпораціи изъ уроженцевъ Лифлянді, Курлянді, Эстлянді и Риги, выработавшія общій студенческій уставъ, который опредѣлялъ всѣ отношенія между отдѣльными студентами и установилъ основныя правила приличія и чести. По мнѣнію такого авторитета въ вопросахъ университетскаго воспитанія, какъ знаменитый Пироговъ, прожившій въ Юрьевѣ около десяти лѣтъ, студенческія корпораціи съ ихъ судомъ чести и даже дуэлями приносили нѣкоторую пользу. „Ни въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, — говоритъ знаменитый хирургъ и педагогъ, — взаимныя отношенія между студентами не достигли такого благочинія, такой вѣжливости, какъ между студентами въ Дерптѣ. О дракахъ, заушеніяхъ, площадной брани и ругательствахъ между ними не можетъ быть и рѣчи“. 1) Но судъ чести и дуэли дѣйствовали облагораживающимъ образомъ только на взаимныя отношенія студентовъ; что же касается мирныхъ бюргеровъ, то, по свидѣтельству того же Пирогова, студенты, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ городѣ, положительно иногда „терроризировали общество“ разными выходками и продѣлками, наполняющими „лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ“. 2) Если къ этимъ „шалостямъ“ прибавить студенческіе „кнейпы“ и „коммерши“, гдѣ вино и пиво лились рѣкою, то мы получимъ надлежащее

1) Сочиненія Пирогова, I, 347.

2) См. эту „лѣтопись“ въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., № 2.

знакомство съ неблагопріятнымъ вліяніемъ нѣмецкаго юношества на представителей того народа, для котораго искони было „веселіе пити“.

Для нѣмецкихъ студентовъ разгульная жизнь не приносила особенно замѣтнаго вреда: они, по словамъ Пирогова, „кутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождались, начинали работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру“. Къ русскимъ же юношамъ, заброшеннымъ въ Дерптъ, приходилось примѣнять извѣстную русскую поговорку наоборотъ: „что нѣмцу здорово, то русскому смерть“. „За исключеніемъ, — говоритъ Пироговъ, — насъ (питомцевъ профессорскаго института), присланныхъ въ Дерптъ уже по окончаніи курса въ русскихъ университетахъ, и двухъ или трехъ другихъ русскихъ, всѣмъ прочимъ пребываніе въ Дерптѣ не пошло въ прокъ. Карамзины и Соллогубъ¹⁾ едва-ли вынесли что-нибудь изъ дерптской научной жизни, кромѣ знакомства съ разными студенческими обычаями; другіе, какъ, напримѣръ, Языковъ, воспитанники изъ учрежденій императрицы Маріи и пріѣзжіе изъ Москвы и Петербурга полу-русскіе и полу-нѣмцы, просто спивались съ кругу и уѣзжали черезъ нѣсколько лѣтъ въ весьма плохомъ видѣ“. ²⁾

Пріѣхавши въ Дерптъ, Языковъ, по совѣту того же Воейкова, съ цѣлью надлежащаго усвоенія нѣмецкаго языка, этого, по его выраженію, „истиннаго алмазнаго ключа къ всему прекрасному и высокому“, поселился въ домѣ дерптскаго литератора и лектора русскаго языка, фонъ-деръ-Борга, который между прочимъ переводилъ на нѣмецкій языкъ произведенія нашихъ поэтовъ. Кромѣ фонъ-деръ-Борга, Язы-

1) Сыновья исторіографа и авторъ „Тарантаса“.

2) Соч. Пирогова, I, 346.

ковъ сблизился и съ профессоромъ русской словесности Перевощиковымъ, подъ вліяніемъ котораго совершилось эстетическое развитіе молодого поэта. Въ Дерптѣ Языковъ познакомился съ классическою нѣмецкою литературой, прочелъ Лессинга, Шиллера и Гете и съ высоты ихъ твореній строго судилъ о молодой русской поэзіи и ея представителяхъ, не исключая и Пушкина. „Какъ мало наше великое, ничтожно — значительное и низко — возвышенное, если взглянуть на него, зная Гете и Шиллера“, писалъ онъ брату въ концѣ 1825 года. Предисловіе къ „Бахчисарайскому фонтану“ Языковъ находилъ „глупымъ“, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ ему не нравились „отсутствіе вдохновенія“ и „риемованная проза“. ¹⁾

Но серьезныя занятія нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой литературой не спасли Языкова отъ дурного вліянія дерптской студенческой атмосферы. Хотя онъ не былъ членомъ ни одной корпораціи и все время числился въ разрядѣ такъ называемыхъ „дикихъ“, однако-жъ разгульная жизнь нѣмецкой молодежи увлекла его широкую русскую натуру, и молодой поэтъ сдѣлался не только участникомъ, но и пѣвцомъ студенческихъ кутежей.

Правда, сначала Языковъ отнесся къ дерптскому студенчеству отрицательно и думалъ даже уѣхать изъ Дерпта за границу. „Вотъ мой планъ: — писалъ онъ брату — когда укрѣплюсь въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, то рѣшительно оставлю Дерптъ — и поѣдемъ въ чужеземію: здѣсь студенты живутъ очень весело, занимаются большіе танцами и фантами, и часто звонъ внутренней колокольни заглушаетъ профессорскія лекціи“. ²⁾

1) Впослѣдствіи Языковъ измѣнилъ свой взглядъ на Пушкина.

2) Переписка Языкова до сихъ поръ не опубликована вполнѣ. Письма къ А. Н. Вульфу частью приведены въ статьяхъ покойнаго Семевского: „Прогулка въ Тригорское“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г.) и „Н. М. Языковъ“ („Русскій Архивъ“ 1867 г.). Письма Языкова къ роднымъ были собраны покойнымъ Садовниковымъ, который собирався приступить къ изданію переписки поэта. Выдержки изъ этихъ писемъ приведены въ статьѣ Садовникова: „Отзывы современниковъ о Пушкинѣ“

Но скоро отношеніе Языкова къ веселой жизни дерптской молодежи измѣнилось кореннымъ образомъ. Уже въ 1823 г. поэту надобно жить въ чинномъ нѣмецкомъ семействѣ Борга, хотя тамъ относились къ нему, какъ къ родному, — и Языковъ переселился на отдѣльную квартиру. Изъ стихотворенія „Мое уединеніе“ мы узнаемъ, что Языковъ, сынъ богатаго помѣщика, занималъ квартиру, ничѣмъ существеннымъ не отличающуюся отъ тогдашнихъ и современныхъ студенческихъ жилищъ. Убѣжимъ своей музы онъ выбралъ „простую хату въ пустынномъ чердакѣ“, куда вела темная, крутая и „завитая улиткой“ лѣстница безъ перилъ. Внутреннее убранство квартиры Языкова также отличалось студенческой простотой.

Умѣренность благая —
говоритъ онъ въ томъ же стихотвореніи —

Пріютъ мой убрала
Здѣсь роскошь выписная
Пріема не нашла,
Завѣсою богатой
Не занавѣшенъ свѣтъ;
Полъ шаткій и покатою
Коврами не одѣтъ;
Ни бронзы драгоцѣнной,
Ни зеркаль, ни картинъ:
Все бѣдно и смиренно,
Какъ сирый фебовъ сынъ.

Прозаическое описаніе квартиры Языкова вполне согласуется съ художественнымъ. „Комната моя очень малая и въ полномъ смыслѣ на чердакѣ. . . а лѣстница совсѣмъ

(„Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., декабрь), въ статьѣ В. И. Шенрока: „Гоголь и Языковъ“ („Русская Старина“ 1889 г., январь, и „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. III) и въ біографическомъ очеркѣ В. И. Шенрока: „Н. М. Языковъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1897 г., ноябрь и декабрь). Цѣликомъ напечатаны только письма Языкова къ Гоголю („Русская Старина“ 1896 г., декабрь).

питическая: узка и крючковата, какъ дорога къ Парнаксу. . . заглядѣться некуда: окно на дворъ, заставленный дровами; загуляться по комнатѣ тоже невозможно, ибо надобно было бы поворачиваться послѣ каждыхъ двухъ шаговъ“.

На отдѣльной квартирѣ Языкова стали посѣщать товарищи сначала для совмѣстныхъ занятій, а потомъ и для жертвоприношеній Бахусу. Скоро Языковъ настолько втянулся въ новый родъ жизни, что веселое и разгульное времяпровожденіе учащейся молодежи сначала перестало его шокировать, а скоро потомъ привело его къ идеализаціи дерптскаго студента, для котораго вино не составляло существенной помѣхи къ образованію.

Душа героевъ и пѣвцовъ,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цвѣтовъ
Ведетъ къ ученому патенту.
Проснувшись вмѣстѣ съ цѣтухомъ,
Онъ въ тишинѣ читаетъ Канта;
Но день прошелъ — и вечеромъ
Онъ за вино отъ фоліанта.

Языковъ считалъ такое времяпровожденіе достойнымъ подражанія и одному изъ своихъ друзей писалъ:

Мы поэтически живемъ,
Мы вольно учимся и пьемъ;
Мы разсуждаемъ ежедневно
Объ идеальномъ и благомъ.

Какъ и гдѣ разсуждала молодежь „объ идеальномъ и благомъ“, Языковъ почти не говоритъ; что же касается „поэтическаго пьянства“, то оно описано самымъ подробнымъ образомъ.

Пѣсни были неизбѣжною принадлежностью студенческихъ пирушекъ, и если въ дѣлѣ служенія Бахусу Языковъ только подражалъ товарищамъ, то, какъ поэтъ, онъ занялъ первое мѣсто среди своихъ собутыльниковъ. Его пѣсни расцѣвались русскими и нѣмецкими студентами во время ихъ совмѣ-

стныхъ кутежей, отголоскомъ которыхъ служить слѣдующая строфа одной изъ пѣсенъ Языкова :

Благодѣтельной силой
 Съ нами нѣмцевъ подружило
 Откровенное вино ;
 Шумно, пламенно и мило
 Мы гуляемъ заодно.

Не отставалъ Языковъ отъ своихъ друзей и въ дѣлѣ служенія красотѣ. Первой вдохновительницей музыки Языкова была вторая племянница Жуковского, Александра Андреевна Протасова, бывшая замужемъ за Воейковымъ. Знаменитая своей красотой и несчастнымъ замужествомъ, Воейкова была кумиромъ Языкова во все время его пребыванія въ Дерптѣ. Она часто прѣзжала въ этотъ городъ, подолгу жила тамъ въ домѣ своего зятя Мойера, и Языковъ, скромный и застѣнчивый до смѣшного въ ея присутствіи, написалъ въ честь этой замужней женщины, пожалуй, болѣе стихотвореній, чѣмъ въ честь другихъ женщинъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Она меня очаровала —
 говоритъ Языковъ въ одной элегіи —

Я въ ней нашелъ всѣ красоты,
 Всѣ совершенства идеала
 Моей возвышенной мечты.
 Напрасно я простую долю
 У небожителей просилъ,
 И миръ души, и сердца волю,
 Какъ драгоценности, хранилъ.
 Любви чарующая сила,
 Какъ искра Зевсова огня,
 Всего меня воспламенила,
 Всего проникнула меня.
 Пускай не мнѣ ея награды :
 Она мой рай, моя звѣзда
 Въ часы вакхической отрады,
 Въ часы покоя и труда.

Я безкорыстно повинуюсь
 Порывамъ страсти молодой,
 И восхищаюсь, и люблюсь
 Непобѣдимую красой.

Но Воейкова оставалась вполне равнодушна къ обожанію Языкова; она оказывала ему вниманія настолько, насколько это было нужно для того, чтобы получать отъ поэта новыя стихотворенія и передавать ихъ своему мужу для его журналовъ. Около половины 1825 г. Языковъ понялъ тактику несчастной красавицы и вотъ какъ писалъ объ этомъ открытіи своему брату: „Теперь я вижу и очень ясно, что вся ея благосклонность ко мнѣ имѣла цѣлью только вытащить, у меня стиховъ! Она успѣла, к! — впрочемъ, надѣюсь, въ послѣдній разъ; мнѣ жаль только времени нѣсколькихъ вечеровъ, когда я противъ воли стихотворствовалъ; разъ семь она получала альбомъ съ новыми стихами и затѣмъ снова ко мнѣ его присылала! . . Мнѣ на нее даже досадно: она могла заставить меня произвести что-нибудь истинно-поэтическое — и не умѣла или не хотѣла, окаянная!“ Но къ долгой злобѣ добродушная натура Языкова была неспособна. Онъ отомстилъ своему кумиру тѣмъ, что написалъ въ альбомъ Дириной, другой русской красавицы, вышедшей впоследствии замужъ за профессора Рейца, „клятвенное обѣщаніе“ повиноваться ей одной во всемъ и за нее одну лить свою кровь „во всякій день, во всякій часъ“. Вслѣдъ же за этимъ „клятвеннымъ обѣщаніемъ“ онъ писалъ Воейковой:

Забуду-ль васъ когда-нибудь
 Я, вами созданный? Не вы ли
 Мнѣ пѣсни первыя внушили,
 Мнѣ свѣтлый указали путь,
 И сердце биться научили?

И, дѣйствительно, Языковъ долго помнилъ о Воейковой и до самой ея смерти часто вспоминалъ о ней, придавая ей самые нѣжные эпитеты, признавая за ней самое благотворное

вліяніе. Незадолго до смерти А. А., Языковъ звалъ ее въ Москву и между прочимъ писалъ:

Клянусь моими божествами,
 Я непритворно васъ зову!
 Ужъ долго грѣшными мечтами
 Я занималъ свою молву!
 Вы сильны дать огонь и живость
 Пѣвцу, молящемуся вамъ,
 И благородство и стыдливость
 Его уму, его мечтамъ.
 Приму съ улыбкой ваши узы,
 Не буду пѣть моихъ проказъ!
 Я, видя васъ — любимецъ музы!
 Я только трубадуръ безъ васъ!

Въ этомъ служеніи вину, пѣснѣ и красотѣ прогорѣла вся жизнь Языкова во время его шестилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ. Казалось, что сынъ русскаго помѣщика окончательно превратился въ нѣмецкаго бурша; казалось, что дерптскіе нѣмцы не ошибались, думая, что Языкову суждено быть пѣвцомъ второй родины. И дѣйствительно, молодой поэтъ не только воспѣвалъ „нѣмецкіе досуги“ и „хмѣль ученой головы“, но вдохновлялся также и прибалтійской стариной. Не вѣря въ возрожденіе Ливоніи временъ рыцарства, Языковъ однако-жъ считалъ прошлое страны вполне достойнымъ „для музы пѣснопѣнія, для гордости поэтава чела“ и оставилъ намъ нѣсколько отрывковъ задуманныхъ имъ большихъ произведеній, въ которыхъ мѣстомъ дѣйствія является Ливонія, а дѣйствующими лицами — предки прибалтійскихъ нѣмцевъ. Такъ въ отрывкѣ „Ала“ Языковъ хотѣлъ изобразить вспышку стариннаго рыцарскаго духа во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII. Въ пьесѣ „Меченосецъ Аранъ“ нашъ поэтъ пытался обрисовать ту кровавую эпоху, когда меченосцы огнемъ и мечемъ распространяли религію мира и любви. Вдохновляли Языкова и остатки былого величія Ливоніи, ея

грандіозные памятники и руины, гдѣ онъ любилъ мечтать „про гордыхъ витязей свободы и войны.“

Нѣмцы въ свою очередь не оставались въ долгу передъ русскимъ поэтомъ: студенты распѣвали его пѣсни, а литераторы переводили ихъ на нѣмецкій языкъ и печатали самые сочувственные отзывы о его стихотвореніяхъ. Впослѣдствіи, когда Бѣлинскій и даже Сенковскій осмѣивали „огненного поэта“ за пустоту содержанія и вычурность стиля, въ нѣмецкихъ журналахъ писали, что „Языковъ впервые открылъ всю прелесть и силу русскаго языка и, какъ лирическій поэтъ, едва ли имѣетъ себѣ подобнаго въ какой-либо другой литературѣ.“

Покинувши старый Дерптъ въ 1829 году, Языковъ долго хранилъ отрадныя воспоминанія о своей студенческой жизни. Еще въ 1824 году онъ писалъ: „Я не забуду никогда мои студенческіе годы, раздолье Вакха и свободы и благодатнаго труда.“ Поэтъ долго помнилъ „почтенный градъ профессоровъ и скуки“, долго хранилъ „фуражку удалую съ своей студентской головы“ и при всякомъ удобномъ случаѣ пилъ „за Дерптъ и музъ и наслажденія свободныя, кипѣвшія виномъ“. Десять лѣтъ спустя по отъѣздѣ изъ Юрьева, будучи уже за границею, больной поэтъ вспоминалъ, какъ онъ праздновалъ студентомъ день своихъ именинъ („ужъ мы пили, ужъ мы пѣли!“) и приглашалъ графа Соллогуба помянуть „безподобное дерптское житъе и прошлыя лирическія лѣта“.

Годы пребыванія Языкова въ Дерптѣ были самымъ счастливымъ временемъ его жизни еще и въ томъ отношеніи, что благодаря своимъ студенческимъ стихотвореніямъ онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ тогдашнихъ русскихъ писателей. Альманахъ безъ стиховъ Языкова считался неудавшимся; нѣкоторые современники ставили его даже выше Пушкина. Самъ Пушкинъ считалъ Языкова достойнымъ своимъ соперникомъ и послѣ полученія стихотворенія „Тригорское“ писалъ князю Вяземскому: „Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидо-

вать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ.“

Но не одни отрадныя воспоминанія сохранились въ душѣ Языкова о „безподобномъ житьѣ“. Какъ ни весело и беззаботно текла его студенческая жизнь, въ ней было не мало фактовъ, часто заставлявшихъ поэта настраивать свою лиру на минорный ладъ. Средства, присылаемые изъ родительскаго дома, уходили на кутежи, и поэту часто приходилось сидѣть безъ денегъ или же входить въ долги. Не мало написано Языковымъ элегій и подъ вліяніемъ сердечныхъ ранъ, нанесенныхъ дерптскими красавицами. Но всѣ эти непріятности, въ свое время забытыя, блѣднѣли передъ сознаніемъ бесплодно потраченной въ товарищескихъ попойкахъ молодости. Въ теченіе шести лѣтъ Языковъ не успѣлъ приготовиться къ университетскому экзамену. Нѣсколько разъ принимался онъ за книги и учебники, по „занятія сухія, скучныя и прозаическія“ скоро надѣдали лѣнивому отъ природы поэту, и онъ сѣшилъ „къ вину отъ фоліанта“ или же въ стихахъ и прозѣ бичевалъ свою неспособность къ усидчивому труду. „Мое приготовленіе къ экзамену началось стихами“, „мое приготовленіе къ экзамену идетъ очень плохо“ — таковы признанія самого Языкова въ письмахъ къ Вульффу. „На меня нашла теперь — писалъ онъ роднымъ — сильная, но, къ несчастью, неотвратимая тоска: читаю такую сущь, учу даже наизусть, — что голова вянетъ: вообще науки, въ которыхъ меня пытать стануть, не мой околотокъ и вовсе не привлекательны юношѣ парнасскому“. А вотъ выдержки изъ его поэтическихъ посланій къ П. А. Осиповой относительно тѣхъ же экзаменовъ:

Мнѣ жизнь горька и холодна:
 Съ утра до вечера я занятъ
 Мірскимъ и тягостнымъ трудомъ.
 Скучаю горько, и едва ли
 Къ порѣ, ко времени пройдутъ
 Мои учебныя печали
 И прозаическій мой трудъ.

„Все въ руцѣ Божіей. . . Что будетъ — будетъ! а будетъ то, что Богъ дастъ.“ Такъ утѣшалъ себя „другъ природы и лѣни“ до тѣхъ поръ, пока ему пришлось покинуть Дерптъ „бездипломнымъ студентомъ“.

Сознаніе бесполезной растраты времени отравило послѣдніе годы пребыванія Языкова въ „Ливонскихъ Аѳинахъ“. Онъ понялъ также, что дерптская жизнь, односторонне развившая его поэтическій талантъ, въ концѣ концовъ вредна даже и для дарованія поэта. Знакомство съ Пушкинымъ и проведенное вмѣстѣ съ нимъ лѣто 1826 года показало Языкову воочию всю пустоту и безалаберность его студенческой жизни, и уже знаменитое стихотвореніе „Тригорское“ заканчивается страстнымъ желаніемъ „вдругъ и гордо позабыть свои потерянные годы“. Но „прозаическій трудъ“, какъ было упомянуто, оказался не по силамъ безпечному поэту, и въ его душѣ все сильнѣе и сильнѣе росло стремленіе покинуть „градъ профессоровъ и скуки“. „Дерптъ мнѣ такъ надоѣлъ, — писалъ Языковъ Вульффу, — что я бы бѣжалъ отсюда гѣшкомъ, если бы не стыдился оставить здѣсь мое прозваніе на позоръ заимодавцамъ.“

Студенческіе долги поэта составляли нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Происхожденіе такого громаднаго долга Языковъ объяснялъ брату слѣдующимъ образомъ. „Вотъ причина долговъ моихъ, такъ тебя удивившихъ : самое благонамѣренное и похвальное желаніе просвѣщенія внушило мнѣ, за полтора года передъ симъ, мысль пожить это время съ нѣмцемъ, и начало моего знакомства съ однимъ человѣкомъ сего рода совершенно удовлетворяло моему желанію. Съ полною возможностью его исполнить и съ пріятными надеждами взялъ я къ себѣ существо это съ условіемъ кормить, поить, освѣщать его и за уроки платить ему 1000 руб. въ годъ. По части учебной съ начала и до конца во всѣхъ смыслахъ все шло хорошо, и я радовался при мысли, что кромѣ пользы, мною пріобрѣтенной отъ моего сожительства, я дѣлаю еще доброе дѣло, доставляя возможность жить порядочно человѣку,

въ этомъ нуждающемся и этого достойному. Онъ укрѣплялся все болѣе и болѣе въ моей квартирѣ, становился постепенно безпечнѣе о самомъ себѣ и моихъ деньгахъ, рѣшительнѣе и самовольнѣе въ доставленіи симъ послѣднимъ бѣльшаго обращенія, возымѣлъ много пріятелей, у коихъ тоже много пріятелей, сталъ пользоваться знаменитостью моего имени у купцовъ и кончилъ тѣмъ, что я увидѣлъ совершенную необходимость съ нимъ разстаться и переимѣнить собственное житье-бытье.“ „Дѣла были уже такъ запутаны, — говоритъ г. Шенрокъ, — что Языковъ, почувствовалъ себя въ положеніи утопающаго. Его письма, всегда безпечныя и веселыя, становятся воплемъ самообличенія. Онъ уже не щадитъ себя, называетъ самъ себя безпутнымъ, сравниваетъ себя съ блуднымъ сыномъ и умоляетъ спасти его, дать ему возможность выбраться изъ Дерпта, бросить разгульную жизнь и честно расплатиться съ кредиторами, — намекаетъ даже на самоубійство. Ему страшно даже сказать настоящую цифру долга, ибо, уже послѣ многихъ уплатъ, онъ долженъ былъ объявить еще — 28000 долга!“

Измѣнить свою жизнь, спасти свой талантъ и посвятить его на служеніе другимъ божествамъ, болѣе высокимъ, чѣмъ дерптская троица: „Wein, Weib und Gesang,“ — таковы были мечты Языкова, высказанная имъ въ стихотвореніи „Отъѣзд“.

Святого полный упованья,
 Съ преобразившейся душой
 Бѣгу надолго въ край родной,
 спасаю Божьи дарованья.
 Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
 Я просвѣтлѣю жизнью новой,
 И гордо брошу мой лавровый
 виномъ обрызганный вѣнецъ!

На ряду съ пріятными воспоминаніями о бурной молодости въ душѣ Языкова навсегда осталось грустное сознаніе, что онъ „нестро и неправильно жилъ“ и всю молодость „пилъ да пѣлъ и долго пилъ.“

Чѣмъ старше становился Языковъ, тѣмъ все болѣе и болѣе минорный тонъ слышался въ его воспоминаніяхъ о старомъ Дерптѣ, особенно, когда стали сказываться результаты „безподобнаго дерптскаго житья“ въ разстройствѣ здоровья. „Всю немногосложную и очень небогатую фактами біографію этого талантливаго поэта, — говоритъ одинъ историкъ русской литературы — благодаря его пребыванію въ Дерптскомъ университетѣ, очень не трудно подраздѣлить на два періода: на молодость, длившуюся недолго, очень шумную и разгульную, и, въ то же время, очень бѣдную впечатлѣніями; и на довольно продолжительную, преждевременную старость, со всѣми ея тягостями, болѣзнями, страданіями, странствованіями на воды и безплодными затратами силъ и времени на нескончаемыя лѣченія, которыми приходилось расплачиваться за безумія молодости“ (Полевой).

Покинувши старый Дерптъ, Языковъ не сразу измѣнилъ строй своей лиры. Онъ долго еще продолжалъ, по его собственному выраженію, „кипѣть пьяными мечтами“ и создавать произведенія вакхическаго и пріапическаго содержанія. Произведенія подобнаго рода доставили Языкову эпитеты „поэта радости и хмеля“, „поэта разгула и свободы“ и т. д.

Новѣйшій біографъ Языкова, г. Шенрокъ, недавно заявилъ, что характеристика нашего поэта исчерпывается этими выраженіями. Но обратившись къ ближайшему ознакомленію со стихотвореніями Языкова, не трудно замѣтить недостаточность и односторонность подобныхъ опредѣленій музы Языкова. Уже Бѣлинскій и вслѣдъ за нимъ Добролюбовъ, хотя и не безъ ироніи, называли Языкова славянофиломъ. И дѣйствительно, Языковъ былъ не только „славянофиломъ по родству“, какъ называлъ его Герценъ¹⁾, но и по своимъ убѣжденіямъ,

1) А. С. Хомяковъ былъ женатъ на сестрѣ Языкова.

насколько они намъ извѣстны изъ его стихотвореній и писемъ, а также изъ воспоминаній его друзей.

Прежде всего, подобно всѣмъ славянофиламъ, Языковъ былъ очень религіозный человекъ, о чемъ между прочимъ свидѣлствуютъ его переложенія псалмовъ и такія стихотворенія, какъ „Землетрясеніе“, которое Жуковскій считалъ лучшимъ лирическимъ произведеніемъ русской поэзіи, и „Молитва“, во многомъ по содержанию напоминающая знаменитую „Молитву“ Лермонтова: „Я, Матерь Божія“, хотя „Молитва“ Языкова написана годомъ раньше.

Подобно славянофиламъ, Языковъ относился съ особеннымъ благоговѣніемъ къ Москвѣ.

Я здѣсь! — Да здравствуетъ Москва!
 Вотъ небеса мои родныя!
 Здѣсь наша матушка-Россія
 Семисотлѣтняя жива!
 Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
 Орда и Польша, и Литва,
 Французы, лавръ и хмѣль народа,
 Все, все! . . Да здравствуетъ Москва!
 Какими думами украшенъ
 Сей холмъ давнишнихъ стѣнъ и башенъ,
 Бойницъ, соборовъ и палатъ!
 Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
 Хранится повѣсть! Эти главы
 Святымъ сіяніемъ горятъ!
 О! проклять будь, кто потревожитъ
 Великолѣпье старины!
 Кто на нее печать наложитъ
 Мимоходящей новизны!
 Сюда! на дѣло гѣсноплѣннй,
 Поэты наши! Для стиховъ
 Въ Москвѣ ищите русскихъ словъ,
 Своенародныхъ вдохновеній! . . .

Подобно славянофиламъ, Языковъ былъ пламеннымъ патриотомъ. Ни шестилѣтнее пребываніе въ Дерптѣ, ни пятилѣтнія скитанія за границей для поправленія здоровья не ослабили его любви къ родной Россіи. „Чистая, кровная словенская порода его, — говоритъ князь П. А. Вяземскій, — не могла ужиться въ нѣметчинѣ. Онъ въ Германіи окруженъ былъ русскими книгами, жилъ русскою жизнью, которую носилъ въ груди своей, въ чувствахъ и помышленіяхъ. . . Языковъ былъ влюбленъ въ Россію“. ¹⁾ Его увлекла было Италия, но и „картины сладостнаго юга“, и Тибръ, и Римъ, и Колизей, онъ радъ былъ промѣнять на родныя равнины и уѣхать туда, гдѣ „завываетъ вьюга, стучитъ морозъ“.

Не менѣе сильную любовь питалъ Языковъ и къ простому русскому народу, на который онъ опять таки смотрѣлъ глазами славянофиловъ. По свидѣтельству Погодина, „характеръ русскаго народа уважалъ онъ больше всего; русскій умъ во всѣхъ его проявленіяхъ, русскій толкъ, превосходство передъ другими народами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — составляли его единственную гордость. Ничѣмъ нельзя было принести ему столько удовольствія, даже во время его болѣзни, какъ разказами о нашихъ крестьянахъ, солдатахъ, матросахъ. Онъ развеселялся, зажмуривалъ глаза, хохоталъ и наконецъ махалъ руками въ знакъ того, чтобы дали ему отдохнуть“ ²⁾. Любовь эта отразилась и на творествѣ Языкова: онъ передавалъ въ стихахъ народныя преданія, сказки и даже анекдоты.

Славянофильскими тенденціями окрасилось отношеніе Языкова и къ родной старинѣ. Въ одномъ стихотвореніи онъ заявляетъ о своей любви къ „долефортовской Руси“, отрицая такимъ образомъ реформу Петра Великаго. Въ стихотвореніи на открытіе памятника Карамзину Языковъ прославляетъ исторіографа за то, что

1) Соч. кн. П. А. Вяземскаго, II, 309.

2) Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, т. VIII, с. 501—502.

Насъ, преданныхъ чужбинѣ,
 Краснорѣчиво учить онъ
 Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
 Хранить въ душѣ родной законъ,
 Надежно уважать свои родныя силы,
 Спасенья чаять только въ нихъ,
 Въ себѣ, — и не плевать на честныя могилы
 Могучихъ пращуровъ своихъ!

Въ стихотвореніи, посвященномъ Шевыреву по поводу его публичныхъ лекцій о древней русской литературѣ, поэтъ писалъ:

Тебѣ хвала и честь и слава!
 Въ твоихъ бесѣдахъ ожила
 Святая Русь — и величава,
 И православна, какъ была:
 Въ нихъ самобытная, родная
 Заговорила старина,
 Насъ къ новой жизни подымая
 Отъ униженія и сна.

Рядомъ съ любовью ко всему чисто-русскому ¹⁾, какъ его понимали славянофилы, въ душѣ Языкова все сильнѣе и сильнѣе росло нерасположеніе къ нѣмцамъ. Ни воспоминанія о веселой молодости, проведенной въ обществѣ нѣмецкихъ студентовъ, ни пятилѣтнее пребываніе на германскихъ курортахъ не предохранили Языкова отъ того германофобства, которымъ были пропитаны его друзья ²⁾. Въ Германіи его томила

1) Языковъ между прочимъ отличался чисто-русскимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ: даже умирая, онъ не позабылъ составить меню поминальнаго обѣда для своихъ друзей.

2) По мнѣнію И. В. Кирѣевского, „на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ народа плоше, бездушнѣе, тупѣе и досаднѣе нѣмцевъ“. Гоголь, по собственному признанію, личнаго нерасположенія къ нѣмцамъ не имѣлъ, тѣмъ не менѣе, Германію называлъ „самой неблаговоной отрыжкой гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива,“ а ея жителямъ приписывалъ „тупоуміе и глупость, превосходящія всякія мѣры“.

„скука и тоска среди чужого языка“, хотя языкъ Шиллера и Гете былъ для него вовсе не чужой; онъ благословлялъ возвращеніе Гоголя „изъ этой нехристи нѣмецкой на Русь, къ святынѣ москворѣцкой“; ему даже доставляло удовольствіе видѣть, какъ нѣмцы падали отъ непривычной ходьбы по льду. Свою нелюбовь къ нѣмцамъ Языковъ перенесъ не только на нѣмецкій столъ, „безчеловѣчно безвкусный“, но даже и на нѣмецкую природу, не исключая красотъ Рейна, гдѣ для широкой русской природы все было „мало, безвкусно, пошло, дико, трынъ-трава“. Въ своихъ заграничныхъ письмахъ Языковъ былъ еще беспощаднѣе къ нѣмцамъ и ко всему нѣмецкому, чѣмъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Онъ „неистово бранилъ нѣмцевъ и все нѣмецкое“, говоритъ г. Шенрокъ. Онъ находилъ, что всѣ времена года въ Германіи не стоятъ русской осени; нѣмецкій вѣтеръ, по его словамъ, подобенъ кошачьему завыванію и т. д.

Сквозь очки славянофильства смотрѣлъ Языковъ и на своихъ современниковъ и на явленія тогдашней литературной и общественной жизни. Онъ заявлялъ себя „нешаднымъ врагомъ“ тѣхъ русскихъ людей, которые „подъ вѣтротлѣнные знамена заморской нехристи ушли“, а также и тѣхъ, которые „болтаютъ другимъ, не-русскимъ языкомъ.“

Особенное нерасположеніе чувствовалъ Языковъ къ противникамъ своихъ друзей, къ западникамъ. Это нерасположеніе особенно рѣзко обнаружилось въ тѣхъ до крайности рѣзкихъ и неприличныхъ нападкахъ, съ которыми Языковъ обрушился на литературныхъ враговъ Шевырева.

Твои враги... они чужбинѣ
 Отцами проданы съ пеленъ:
 Русь негодна ихъ гордынѣ,
 Имъ чуждъ и дикъ родной законъ,
 Родной языкъ имъ непонятенъ,
 Имъ безотвѣтна и смѣшна
 Своя земля, ихъ умъ развратенъ,
 И совѣсть ихъ прокажена.

Это было написано въ 1844 году, вскорѣ послѣ того, какъ славянофилы и западники дружески лобызались на объѣдѣ въ честь Грановскаго. Можно было думать, что Языковъ, бичуя враговъ Шевырева, имѣлъ въ виду главнаго изъ нихъ, т. е. Бѣлинскаго. Но уже въ концѣ 1844 года всякія сомнѣнія на этотъ счетъ должны были исчезнуть. Большой поэтъ пустилъ по рукамъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ обрушился на главнѣйшихъ представителей ненавистнаго ему направленія въ такихъ прозрачныхъ выраженіяхъ, что ни для кого не осталось тайной, по чѣму именно адресу были направлены эти крайне неприличныя обвиненія.

Свою ненависть къ западникамъ Языковъ прежде всего излилъ на Чаадаева, котораго онъ упрекалъ въ отчужденіи отъ Россіи и въ приверженности къ католицизму:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна:
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ и т. д.

Нападениемъ на „красиваго идола строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ“ Языковъ не ограничился; онъ не пощадилъ благороднаго Грановскаго, назвавъ его „сладкорѣчивымъ книжникомъ, оракуломъ юношей-чевѣждъ, легкомысленнымъ сподвижникомъ безпутныхъ мыслей и надеждъ.“ Досталось также и Герцену. Умирающій поэтъ не ограничился нападениемъ на главныхъ вождей противной партіи; противъ всѣхъ западниковъ поголовно онъ направилъ слѣдующія строфы своего знаменитаго посланія „Къ не-нашимъ“:

Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ — не русскій вы народъ!
Не любо вамъ святое дѣло

И слава нашей старины,
 Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
 Родное чувство.
 Вамъ наши лучшія преданья
 Смѣшно, бессмысленно звучать,
 Могучихъ прадѣдовъ дѣянья
 Вамъ ничего не говорятъ.
 Ихъ презираетъ гордость ваша.
 Святыня древняго Кремля,
 Богатство, сила, крѣпость наша —
 Ничто вамъ! Русская земля
 Отъ васъ не приметъ просвѣщенья.
 Вы страшны ей: вы влюблены
 Въ свои предательскія мнѣнья
 И святотатственные сны.
 Худой и лестію своею
 Не вамъ ее преобразить
 И не умѣете вы съ нею
 Ни жить, ни пѣть, ни говорить.
 Умолкнетъ ваша злость пустая,
 Замретъ проклятый вашъ языкъ,
 Крѣпка, надежна Русь святая,
 И русскій Богъ еще великъ!

Эти стихи, появившіеся въ печати только въ 1871 году, ¹⁾ быстро разошлись во множествѣ списковъ и сдѣлались извѣстны и друзьямъ и врагамъ Языкова. Крайнее неприличіе приведенныхъ обвиненій и явно пристрастное отношеніе къ противникамъ произвели неблагоприятное впечатлѣніе даже на друзей Языкова. Правда, Гоголь писалъ ему: „Самъ Богъ внушилъ тебѣ прекрасные и чудные стихи „Къ не-нашимъ“. Душа твоя была органъ, а бряцали на немъ другіе персты. Они еще лучше самага „Землетрясенія“ и сильнѣй всего, что

1) См. біографію Чаадаева, составленную Жихаревымъ и напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1871 г., сентябрь.

у насъ было написано доселѣ на Руси“. Но черезъ нѣсколько времени въ другомъ письмѣ и Гоголь нашелъ нужнымъ остановить озлобленнаго поэта и посовѣтовать ему, чтобы онъ не увлекался гнѣвомъ тѣмъ болѣе, что многіе изъ западниковъ „въ существѣ своемъ люди добрые“ и „нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ.“¹⁾ Такой ярый славянофилъ, какъ Константинъ Аксаковъ, по свидѣтельству Панаева, „съ негодованіемъ протестовалъ противъ стихотворной выходки болѣзненнаго поэта, пережившаго свой талантъ.“²⁾ А извѣстная московская поэтесса Каролина Павлова, которой Языковъ посвятилъ не одно стихотворное посланіе, пустила по рукамъ свое стихотвореніе, наполненное горячими укорами по адресу не въ мѣру увлекающагося поэта.

Во мнѣ нѣтъ чувства кромѣ горя,
 Когда знакомый гласъ пѣвца
 Слѣпымъ страстямъ безбожно вторя,
 Вливаетъ ненависть въ сердца.
 И я глубоко негодую,
 Что тотъ, чья пѣснь была чиста,
 На площадь музу шлетъ святую,
 Вложивъ 'руганья ей въ уста.
 Мнѣ тяжело знать и безотраднo,
 Какъ дышитъ страстной онъ враждой,
 Чужую мысль карая жадно
 И роясь въ совѣсти чужой.

Если посланіемъ „Къ не-нашимъ“ были возмущены даже нѣкоторые друзья поэта, то легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело оно на западниковъ, обвиненныхъ въ измѣнѣ отечеству. По свидѣтельству Жихарева, „одинъ изъ самыхъ благородныхъ представителей „западнаго“ направленія (по всей вѣроятности, Грановскій) говорилъ публично, кому

1) Письма Гоголя, т. VI, с. 166, 179.

2) Панаевъ. „Литературныя воспоминанія“, с. 275.

угодно было слушать, что „писать подобнаго рода стихи, швырять изъ-подъ покровительства спинной чахотки (сухотки?) въ честныхъ людей камнями, на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ государствахъ, кто бы того ни дѣлалъ, зовется подлостью.“ „Энергическій Герценъ, — по свидѣтельству того же современника, — объявилъ, что бездоказательное обвиненіе людей въ измѣнѣ отечеству есть оскорбленіе чести, и что извѣстно, какъ разрѣшаются обиды этого рода.“ Что дѣйствительно поднимался вопросъ о вызовѣ поэта на дуэль, подтверждается слѣдующими словами самого Языкова въ письмѣ къ Гоголю: „Нѣкіе мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня разсердились, что дѣло дошло бы дескать, до дуэли, если бы сочинитель этихъ стиховъ не былъ боленъ.“¹⁾ Вызова Языкову не было сдѣлано, но объясненія по поводу его памфлетовъ едва не поставили на барьеръ Грановскаго и Петра Кирѣевскаго.

Я позволилъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на посланіяхъ Языкова, направленныхъ противъ тогдашнихъ западниковъ, потому что эти посланія сыграли важную роль въ умственной жизни русскаго общества сороковыхъ годовъ. Посланіе „Къ не-нашимъ“ гораздо болѣе, чѣмъ антиславянофильскія статьи Бѣлинскаго содѣйствовали окончательному разрыву между славянофилами и западниками.

Является интересный вопросъ: что заставило выступить съ такими неприличными обвиненіями — больного поэта, который въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній заявилъ, что только тому доступны „Сіонски высоты“, кто

Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ?

Герценъ объяснялъ стихотвореніе „Къ не-нашимъ“ — „славянофильскими наущеніями Хомякова.“ Судя по одному мѣсту въ дневникѣ Погодина въ такихъ наущеніяхъ можно заподозрить и представителей такъ называемой официальной

1) „Русская Старина“ 1896 г., декабрь, с. 631.

народности. Но гораздо вѣрнѣе искать объясненія этимъ обвиненіямъ въ увлекающейся натурѣ поэта, доживавшаго свои послѣдніе дни. Можетъ быть, грома западниковъ, Языковъ думалъ, что приноситъ пользу Россіи, которую онъ такъ страстно, хотя и по-славянофильски, любилъ, и о служеніи которой постоянно, хотя и безрезультатно, мечталъ.

Какъ бы то ни было, приведенныя выходки Языкова противъ „нехристи нѣмецкой“ и противъ русскихъ западниковъ очень характерны для бывшаго дерптскаго студента, который когда-то пировалъ съ нѣмцами „шумно, пламенно и мило“. Но интересъ біографіи Языкова еще болѣе усилится, если мы примемъ во вниманіе, что славянофильскія симпатіи отчасти зародились, отчасти развились у Языкова еще въ Дерптѣ и даже нашли выраженіе въ его студенческихъ произведеніяхъ.

Языковъ явился въ Дерптъ, одушевленный самой глубокой и нѣжной любовью къ родинѣ, къ Россіи и ея прошлому. Въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ Дерптѣ, Языковъ выражаетъ обѣщаніе воспѣвать

Славянъ плѣнительные нравы,
Ихъ доблесть на поляхъ войны,
Ихъ добродушныя забавы,
И геній русской старины,
Торжественный и величавый.

Въ посланіи къ Очкину юный поэтъ говоритъ :

Клянусь, собравъ умомъ плоды образованья,
Я буду воспѣвать
Родимыя поля, простые нравы сель
И прагѣдовскихъ лѣтъ дѣла и небылицы.

Въ стихотвореніи „Чужбина“ Языковъ далъ даже такое обѣщаніе :

Не слетитъ со струнъ поэта
Голосъ родинѣ чужой.

Правда, онъ нарушилъ это обѣщаніе, какъ мы видѣли, и оставилъ нѣсколько произведеній, въ которыхъ изображается

настоящее и прошлое Прибалтійскаго края. Но гораздо больше Языковъ написалъ стихотвореній въ Дерптѣ на темы изъ русской исторіи. Въ годы студенчества имъ написаны пѣсни Баяна, пѣснь новгородцевъ, „Евпатій“, „Олегъ“, „Кудесникъ“ и др. О своей горячей любви къ родинѣ и Россіи Языковъ заявляетъ въ цѣломъ рядѣ посланій и даже въ студенческихъ пѣсняхъ. Въ посланіи къ Вульффу, Тютчеву и Шепелеву, рассказавъ о своихъ приготовленіяхъ къ экзамену, поэтъ продолжаетъ :

Такъ мы готовимся, о други,
 На достохвальныя заслуги
 Великой родинѣ своей!
 Намъ поле свѣтлое открыто
 Для думъ и подвиговъ благихъ . . .
 Жестоки наши мятежи,
 Кровавы, долги наши брани;
 Но въ нихъ является вездѣ
 Народъ и смѣлый, и могучій,
 Неукротимый во враждѣ,
 Въ любви и твердый и кипучій . . .
 О, разучись моя рука
 Владѣть струнами вдохновеній!
 Не удостойся я вѣнка
 Въ алмазномъ храмѣ пѣснопѣній!
 Холодный вѣтеръ суеты
 Надуй и мчи мои вѣтрила
 Подъ океаномъ темноты
 По ходу блѣднаго свѣтила,
 Когда умалится во мнѣ
 Сей неба даръ благословенный,
 Сей пламень чистый и священный —
 Любовь къ родимой сторонѣ!

Извѣстная студенческая пѣсня „Изъ страны, страны далекой“ оканчивается такимъ пожеланіемъ по адресу Россіи :

„Будь она первымъ царствомъ въ поднебесной, и счастлива, и славна!“ Еще въ Дерптѣ также относился Языковъ съ особеннымъ обожаніемъ къ первопрестольной нашей столицѣ, этому излюбленному городу русскихъ славянофиловъ. Въ посланіи Шепелеву онъ посылаетъ на родину два поклона: второй поклонъ — Воейковой, а первый

Москвѣ перводержавной:
Она поэзіи мила:
Въ ней слава Руси благонравной
И прозябала и цвѣла.

Та ненависть „къ нехристи нѣмецкой“, которой пропитаны позднѣйшія стихотворенія Языкова, также зародилась еще въ Дерптѣ, хотя вполне развилась впоследствии. Воспѣвая Дерптъ, какъ свою „любимую страну“, гдѣ онъ впервые

Узналъ восторги удалые
И музъ, и пѣсень, и вина,

прославляя академическую свободу „Ливонскихъ Аевинъ“, Языковъ, несмотря на доброжелательныя отношенія къ нему нѣмецкихъ студентовъ, профессоровъ и литераторовъ, самъ далеко не симпатизировалъ нѣмцамъ и ихъ узкому практицизму, который менѣе всего могъ нравиться широкой русской натурѣ нашего поэта. Языковъ, по собственному его заявленію, „любилъ нѣмецкія науки“, но „нѣмецевъ вовсе не любилъ“. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ называлъ Дерптъ „городомъ профессоровъ и скуки“, городомъ, „гдѣ рѣдки русскіе умы, гдѣ рѣдки искры вдохновенья“, гдѣ „жизнь идетъ, а не летитъ.“ Ему не нравилась страна, гдѣ

. Нравственно добра,
Всему покорна, всѣмъ довольна,
Живетъ, мила и безкрамольна,
И процвѣтаетъ нѣмчура.

Уже въ Дерптѣ Языковъ сознавалъ также коренное различіе славянскаго и германскаго характера. Въ посланіи къ Татаринovu онъ говоритъ :

Славянъ могущественныхъ внукуъ,
 Нѣмецкой вольности въ оковы
 Ты не отдашь свободныхъ рукъ.
 Не нашъ удѣлъ ея порывы
 И жажда чести мелочной;
 Иною жизнію мы живы,
 Мы славой славимся иной;
 Свѣтлѣе, выше намъ дорога:
 Не вѣрь же чуждому уму,
 Не призывай чужого бога,
 Живи и пей по-своему!

Въ своихъ письмахъ изъ Дерпта Языковъ является однимъ изъ первыхъ апостоловъ обрусенія Прибалтійскаго края, при чемъ вслѣдствіе широты своей поэтической природы стоитъ за самыя рѣшительныя мѣры. „Онъ возмущается, — говорить г. Шенрокъ, — тѣмъ, что въ Дерптѣ очень холодно относятся къ Россіи и ко всему русскому. Николаю Михайловичу казалось, напротивъ, необходимымъ хотя насильственными мѣрами противодѣйствовать этому, какъ думалось ему, пагубному для Россіи отчужденію: онъ со своей стороны находилъ желательнымъ какъ можно болѣе широкое и возможно скорѣйшее распространеніе въ остзейскихъ губерніяхъ русскаго языка и русскихъ обычаевъ . . . „Если бы я былъ императоръ россійскій, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, — я бы заставилъ ихъ пить квасъ, и ѣсть русскіе блины, и ходить въ русскую церковь, и говорить по-русски, да обрусѣютъ и да принадлежать вовсе къ огромному государственному тѣлу Россіи“. 1)

1) „Вѣстникъ Европы“ 1897 г., ноябрь, с. 161.

Наконецъ, еще въ Дерптѣ мы встрѣчаемъ у Языкова зародыши его будущей антипатіи къ русскимъ западникамъ. Въ посланіи Степанову, уѣзжавшему за границу, Языковъ выражаетъ желаніе, чтобы его другъ „не окрестился въ нѣмчуру“ въ той странѣ,

. откуда съ давнихъ поръ
 Надеждъ питомцы дорогіе,
 Россіи книжники младае,
 Вывозятъ ей лишь тлѣнь и вздоръ,
 Туманъ шального мудрованья,
 Глухую спѣсь, не милость къ намъ
 И знаменитыя прозванья
 Своихъ учителей

Не трудно усмотрѣть въ знаменитомъ посланіи „Къ нашимъ“ дальнѣйшее развитіе только что приведенной мысли, высказанной въ 1828 году.

Такимъ образомъ, Дерптскому университету, этому общепризнанному очагу германизации Прибалтійскаго края и разсаднику докторовъ-нѣмцевъ для всей почти Россіи, суждено было сдѣлаться и умственной колыбелью одного изъ представителей славянофильства, т. е. того направленія русской общественной мысли, которое такъ много сдѣлало для объединенія Ливоніи съ остальной Россіей.

М. Столяровъ.

Н. П. Знаменскій.

(Некрологъ).

4-го мая сего года скончался дѣйствительный членъ Учено-Литературнаго Общества Николай Петровичъ Знаменскій.

Н. П. родился 13-го іюля 1853 года въ мѣстечкѣ Руенѣ (Вольмарскаго уѣзда Лифляндской губерніи). Отецъ его, священникъ, состоялъ предсѣдателемъ общества по переводу богослужебныхъ книгъ съ славянскаго языка на латышскій и былъ однимъ изъ первыхъ насадителей православія среди латышскаго населенія Прибалтійскаго края.

Въ 1863 году Н. П. былъ опредѣленъ въ Рижскую Духовную семинарію, а въ слѣдующемъ году поступилъ въ Рижскую губернскую (нынѣ Николаевскую) гимназію, получивъ одну изъ стипендій учрежденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для обученія сыновей православныхъ священниковъ Прибалтійскаго края въ мѣстныхъ гимназіяхъ. Переведенный, вслѣдствіе измѣнившихся домашнихъ обстоятельствъ, въ 1873 году въ Ревельскую гимназію, Н. П., по окончаніи курса въ 1875, году поступилъ въ Императорскій Московскій Университетъ на историко-филологическій факультетъ стипендіатомъ Дерптскаго (нынѣ Рижскаго) Учебнаго Округа. Въ 1879 году онъ кончилъ курсъ Университета со степенью кандидата славяно-русской филологіи и былъ назначенъ учителемъ русскаго языка при Митавской гимназіи, а въ 1886 году былъ переведенъ на ту же должность при Дерптской (нынѣ Юрьевской) гимназіи.

Кромѣ преподавательской дѣятельности, Н. П. участвовалъ въ составленіи энциклопедическаго словаря „Пирера“, издавашагося въ Штутгартѣ, подъ редакціею профессора Киршнера: онъ обработалъ и перевелъ лингвистическую часть русскаго отдѣла.

Н. П. былъ человекъ добраго, мягкаго, даже чувствительнаго характера: не было горя, на которое бы онъ не отозвался; онъ помогаль, чѣмъ могъ, и бѣднымъ своимъ родственникамъ, и нуждавшимся постороннимъ людямъ. Будучи отъ природы склоненъ къ тихой семейной жизни, онъ, однако, не чуждался и общества и его интересовъ. Н. П. былъ однимъ изъ членовъ-основателей и два года — въ 1896 и 1897 г. — предсѣдателемъ Русскаго Семейнаго Общественнаго Собранія „Родникъ“; состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Учено-Литературнаго Общества и членомъ мѣстнаго Русскаго Благотворительнаго Общества, гдѣ послѣднее время былъ и дѣлопроизводителемъ.

А. Павловъ.